

ЖИТИЕ СВ. ФРАНЦИСКИ РИМСКОЙ

Джорджиана Фуллертон

(Пер. с англ. Lady Georgiana Fullerton. The life of St. Frances of Rome, Etc.; London: Burns and Lambert – 1855)

В переводе Константина Чарухина

Источники, на которых основывается настоящее жизнеописание св. Франциски Римской, суть следующие:

«Житие», написанное Маттиотти, который был её духовником на протяжении десяти лет. Он предписал святой за послушание рассказывать ему время от времени свои видения в мельчайших подробностях. Человек робкий и подозрительный, он два или три года вёл записи всего, что она ему сообщала, а впоследствии, постепенно уверившись в её святости и здравомыслии, он стал довольствоваться более обобщёнными отчётами о её экстазах, заодно составив и собственно жизнеописание её. После смерти Франциски он написал обычную биографию, которая входит в сборник болландистов (Венецианское издание 1735 года, том II).

В начале шестнадцатого столетия иезуит Урсинус написал житие, весьма высоко оценённое, но так и не напечатанное, а к нынешнему времени – за исключением отдельных фрагментов – утерянное.

В 1641 году иезуит Фулигато написал второе житие, вошедшее в собрание болландистов, которое содержит подробный отчёт о событиях, произошедших после смерти Маттиотти.

С тех пор выходили и другие доброкачественные жития, среди которых стоит особо отметить недавнюю публикацию виконта де Бюсьера, в которой можно найти ряд деталей, опущенных в настоящем очерке по причине их чрезмерного объёма.

ГЛАВА I. О ЖИТИИ СВЯТОЙ В ЦЕЛОМ. ЕЁ ДЕТСТВО И РАННИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НАБОЖНОСТИ

Есть святые, истории которых кажутся поразительно прекрасными, причём не только той красотой, что всегда проистекает из святости, являемой то состарившимся слугой Божиим, на протяжении более шести десятков лет переносившим «тягость дня и зной», то юношей, посвятившим зарю жизни своей Создателю и предавшим её в руки Его до прошествия своего двадцатого лета, то воинствующим королём, вроде св. Людовика, то нищим, наподобие Бенедикта Лабра, то царственной особой, подобной св. Елизавете Венгерской, - но и тем, что, соединяя обстоятельства жизни, места обитания и эпохи своего явления миру, они сами по себе настолько поэтичны и интересны, что будто рассчитаны на привлечение внимания не только историка и литератора, но также теолога и простого боголюбца. К этому разряду святых вполне можно отнести Франциску Римскую, основательницу инокского ордена Облаток Тор-ди-Спекки. Она была образцом для юных девушек, примером для благочестивых жён, а в итоге – вдовой, как раз в соответствии с образом, вырисованным св. Павлом; она была красива, отважна и исполнена мудрости; родилась в благородной семье и получила утончённое воспитание; Рим был её родиной и местом свершения её трудов; дом её располагался посреди великого города, в глубине Трастевере; её жизнь была полна бед, которых она избегала часто «на волосок от гибели» (Шекспир. Отелло. – прим. пер.), и странных превратностей; её внутренняя жизнь была чудесной и необычайной; все дни её жизни сопровождалась видениями, жуткими и прекрасными; ей были пожалованы дары, которых не удостоился ни один святой; перед её взором был постоянно распахнут мир духов; и при этом в повседневности, в отношениях и поступках, подробное описание которых дошло до нас, проявляется простота в сочетании с глубоким смирением, что вызывает благоговение и трогает, учитывая, какие дары и милости были ей ниспосланы свыше.

Жить ей выпало во времена бедственные и бурные, и уж если нужно указать эпоху, в которую католиком лучше было бы не родиться, в которой проявилось всё, что только может пошатнуть веру и ранить чувства, то это будет конец четырнадцатого века – начало пятнадцатого. В Европе бушевала война; Италию разрывало противоборство между партиями гвельфов и гибеллинов. Эти столкновения происходили с таким лютым ожесточением, что, представлялось, этот прекрасный край готов вновь ввергнуться в пучину варварства, а сама Церковь страдала не только от внешних преследований, которые укрепляли её жизнестойкость, хотя порой могло показаться, что она полностью искалечена, но от недугов куда более глубоких и болезненных. Ересь вырвала из её объятий великое множество её детей, а повторяющиеся схизмы разделяли тех, кто внешне и даже по сердечному устремлению оставался верен Святому престолу. Преемники св. Петра перенесли свою кафедру в Авиньон, а Вечный город представлял собой огромное поле битвы, на котором ежедневно и ежечасно случались столкновения. Семейства Колонна, Орсини, Савелли всякий миг вступали в схватки, заливавшие улицы кровью и губившие жизни множества граждан во цвете лет; чужеземцы тоже постоянно расхищали наследие Церкви и оскверняли Рим побоищами и бесчинствами, по своим плачевным последствиям мало уступающими нашествиям гуннов и вандалов.

В столице христианского мира древние руины соседствовали с развалины недавних дней; многие церкви были разграблены, сожжены и разрушены; отдельные нерушимые базилики стояли почти в полном одиночестве, скорбно возвышаясь над сценами резни и ужаса; и взоры жителей Рима были с тоской обращены на своего властительного защитника, который всегда был для них залогом процветания и мира, и чей отъезд стал знаменем войны и бедствий.

Именно в ту пору, во время понтификата Урбана VI, в 1384 году в Риме родилась Франциска, «подобно звезде, взошедшей во мраке ночи» по выражению её старейшего жизнеописателя. Отца её звали Паоло Бусса, мать – Якобелла де'Роффредески; оба они были благородного и даже знатного происхождения, находясь в близком родстве с Орсини, Савелли и Меллини. В тот же день, как она родилась, её отнесли в церковь св. Агнессы на Пьяцца-Навона и крестили. Те богомольцы, что в этот день молились там за своё разорённый и разобщённый город, и представить не могли, в каком облике будет им дарована просимая милость и что это малое дитя, нескольких часов от роду, окажется могущественным орудием в руках Божиих, коим Он истребит схизму, оживит благочестие и возвратит мир.

С младенчества Франциска не походила на прочих детей. Мать, держа её на руках, и отец, баюкая на коленях, всегда испытывали непроизвольное благоговение к своей маленькой дочке, словно бы вверен им был ангел Божий, а не земное дитя; её глаза сияли неземным выражением, и спокойная безмятежность её младенческих черт поражала всякого, кто приближался полюбоваться на неё. Франциска выучилась читать в то же время, когда начала говорить; первые слова, что она сумела произнести, были святые имена Иисуса и Марии; лопоча, она повторяла за матерью, сидя у неё на коленях, Малую службу часов Богородице и в течение всей жизни так и не оставила этого правила.

В два или три года у неё был разум и соображение взрослой, а в словах её и поступках проявлялась необычайная набожность. Она никогда не играла, как прочие дети, а когда её предоставляли самой себе, частенько укрывалась в каком-нибудь тихом уголке

отцовского дворца и, преклонив колени, молитвенно складывала ладошки и, вознеся своё младенческое сердце к Богу, читала молитвенник или повторяла гимны к Пресвятой Деве, своей «Матушке», как она Её называла. Тишина, казалось, приносит этому ребёнку счастье, и она исполнена искренней сдержанности и скромности. В шесть лет она уже ознакомилась с обычаями святых. Она прекратила есть мясо, яйца, сласти в любом виде, а питалась просто варёными овощами и хлебом. Сама необходимость есть удручала её, а пить она не пила ничего, кроме чистой воды. Затем ещё последовало её неутомимое изучение житий святых жен, в особенности дев-мучениц, проливших свою кровь из любви к Иисусу Христу. Таинство миропомазания, которое она приняла в той же церкви св. Агнессы, где её крестили, наполнило её пылким желанием выразить свою любовь к Господу всеми вообразимыми способами, включая крайне болезненные для плоти.

Мать её была весьма богомольна и имела обыкновение каждый день посещать какую-нибудь из церквей, особенно тех, где можно было обрести индульгенции (не пресловутый документ, а сам факт отпущения наказания (в земной жизни или в чистилище) за исповеданные грехи. – прим. пер.), а кроме того она часто с ревностным прилежанием ходила «по станциям». Ибо в ту бедственную эпоху, как и в ранней истории Церкви, как и теперь, как и всегда, в определённые дни и определённых местах для почитания верующих выставлялись реликвии апостолов, мучеников и исповедников, часто именно там, где они с радостью заканчивали свой бег, сохранив веру и стяжав венец (ср. 2 Тим. 4:7-8. – пер. еп. Кассиана). <...> Именно на эти «станции» часто отправлялась мать Франциски и брала с собой дочурку. Иногда она ходила в какую-нибудь церковь в сердце города, иногда – в какое-нибудь уединённое святилище за городскими стенами. Тогда, как и ныне, у дверей толпились нищие (о чём будет ещё упомянуто в житии) и громогласно требовали милостыни. Тогда, как и ныне, на алтаре горели огни, а воздух полнился сладким запахом мирра и прелой листвы. Во время проповеди внимание девочки никогда не блуждало, а по возвращении домой она обычно пересказывала слышанное – с воодушевлением и восторгом.

Любимой церковью её матери была Санта-Мария-Нуова, в наши дни чаще именуемая Санта-Франческа-Романа. Она расположена на Римском форуме близ руин античного храма Мира. В ту пору там служили монахи-бенедиктинцы из Монте-Оливето, и одному из них, дому Антонио ди Монте-Савелло, Якобелла доверила духовное руководство своей дочерью. То был муж великой учёности и благочестия; он оставался её духовником на протяжении тридцати пяти лет.

Каждую среду отроковица приходила к нему на исповедь. Он спрашивала его совета относительно своих занятий, молитвенной жизни и учёбы, точно исполняя мельчайшие его указания даже в несущественных делах. Часто она просила разрешения на более суровые подвиги, и рвение её было так велико, а признаки Божия замысла о ней столь явственны, что дом Антонио порой позволял ей покаянные подвиги, которые в обычном случае могли показаться чересчур суровыми для её нежного возраста. Иной раз он воспрещал их вовсе (и девочка охотно повиновалась его приказу без единого слова возражения или ропота) и снова разрешал по своему усмотрению с невозмутимостью человека, хорошо знающего, что дух совершенного послушания угоднее Богу любых трудов благочестия.

«Но поистине ангельской прелестью и красотой
Вся светилась она после исповеди, безмятежно
Возвращаясь домой с благодатью Господнею в сердце.

Словно небесная музыка, мимо она проходила».
(Г. Лонгфелло. Эванджелина)

Повседневная жизнь Франциски была совершенной, по-детски совершенной. Ни одно лживое слово не осквернило её чистых уст, ни единый дурной помысел не поселился в её уме. Смеялась она редко, хотя приветливая улыбка часто появлялась на её устах. К одиннадцатилетнему возрасту жизнь её превратилась в одну непрерывную молитву. Всякую мелочь она совершала во славу Божию. Свои пустяковые проступки она оплакивала с мучительным сокрушением; всякое пятно на чистом зеркале своей совести немедленно смывала слезами – и Бог не замедлил наделить её необычайными дарами благодати. Её раннее и почти подсознательное знакомство с тайнами веры было удивительно. Ежедневно она размышляла о Воплощении и Страстях Иисуса Христа; а её почитание Пресвятой Девы возрастало соразмерно её любви к Господу нашему. Её лицо озарялось восторгом, а глаза лучились серафическим блеском, когда она говорила о страданиях Иисуса и о славе Марии. Из той маленькой моленной, где она втайне общалась с небесами, она выходила в мир с ревностнейшим желанием служить нищим, утешать страждущих, благодетельствовать всем. Чувствования её юного сердца находили выход в многочисленных делах милосердия; и имя Франциски, и нежный голос Франциски, и ясный лик Франциски уже тогда стали для множества страдальцев той мрачной эпохи знаком надежды – залогом того, что Бог всё ещё среди них, как и в былые времена, и что Его Дух действует в людских сердцах.

ГЛАВА II. ФРАНЦИСКА С РАНИХ ЛЕТ СКЛОНЯЕТСЯ К ВСТУПЛЕНИЮ В МОНАСТЫРЬ. ПО ЖЕЛАНИЮ ОТЦА ОНА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ЗА ЛОРЕНЦО ПОНЦИАНО. ЕЁ ЖИЗНЬ В БРАКЕ. БОЛЕЗНЬ И ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

С той поры, как Франциска стала понимать значение слов, величайшим её желанием было вступить в монастырь, но духом смирения и сдержанности, что был ей столь глубоко присущ, она держала это желание сокрытым в сердце и не выказывала никому, кроме Бога и духовника. Дом Антонио поощрял её терпеливо хранить молчание, а в решимости своей удостовериться, тайно соблюдая устав и подвизаясь в самоограничениях, предписываемых членам одного из самых строгих орденов. Она охотно согласилась и определённое время терпеливо исполняла предписанное. С каждым днём углублялась и крепла её склонность оставить мир и пребыть в общении с одним лишь Богом в монастырском уединении; с тем Богом, чья любовь уже изгнала из её сердца всякое попечение об удобствах, об удовольствиях, о самой личности своей. Но жизненному пути её не суждено было стать таким прямым, и уже недолго оставалось ей сидеть в безмолвии у ног Господа своего с единственной мыслью жить словами, исходящими из уст Его.

Хотя она изо всех сил скрывала свой образ жизни, его необычайные черты не смогли полностью укрыться от внимания родителей; и вскоре они потребовали объяснений. Когда она сообщила им о желании принять монашество, отец предпочёл усмотреть в её призвании ребяческую фантазию и сообщил в ответ, что уже просватал её за Лоренцо Поциано, юного дворянина знатного рода, славного добродетелями и дарованиями в не меньшей степени, чем богатством и положением. Он числил среди своих предков святого Паулина, папу и мученика; его мать принадлежала семейству Меллини; а старший брат Палуццо женился на Ваннуцце, девице из славного дома Санта-Кроче. При этом известии у Франциски упало сердце, и она, бросившись на колени, молила отца переменить решение и позволить ей следовать тем путём, что, как она считала, соответствовал Божией воле о ней. Она дошла даже до заявления, что ничто не

принудит её к согласию на этот брак; потоки слёз изливались из её глаз, когда она расточала мольбы и настаивала на своём требовании. Но тщетны были все её причитания и просьбы: Паоло Бусса был глух к её уговорам; он заявил, что дал слово, что ничто и никогда не убедит его нарушить его, и настойчиво утверждал, что как послушная долгу дочь она должна подчиниться отцовской воле. Видя, насколько он неумолим, Франциска встала с колен, безмолвно ушла с его глаз и, уединившись в своей маленькой моленной, простёрлась перед распятым и просила совета у Того, у чьих ног желала жить и умереть; и умоляла Его, коли то будет благоугодно Ему, явить Своё всемогущество и поставить препоны сему уговорному браку. Затем, укреплённая молитвой, она вдохновилась на то, чтобы искать указаний у того, кто был для неё устами Божией воли, и, поспешив в Санта-Мария-Нуова, попросила о встрече с домом Антонио Савелло.

Благодушно и кротко заговорил добрый пастырь с несчастным своим духовным чадом. Он пообещал испросить в молитве у Господа наставления для неё и посоветовал подходящие в её случае богоугодные упражнения. Потом, видя, что лицо её приобрело более спокойное выражение, он попытался подготовить её дух к тому, в чём, как он уже бесспорно знал, состояла воля Божия и истинное, несмотря на иные устремления, и неповторимое призвание Франциски. «Если родители настаивают на своём решении, – сказал он, – прими это, чадо моё, как знак того, что Бог ожидает от тебя этой жертвы. Значит, вознеси Ему в дар своё искреннее желание иноческого жития. Он намерение примет как деяние, и ты разом получишь и воздаяние за устремление это, и особую благодать, сопровождающую таинство брака. Божии пути не наши пути, Франциска (ср. Ис. 55:8). Когда святая Мария позвала Господа Иисуса Христа прийти и исцелить её брата, для неё, несомненно, суровым испытанием стало то, что Он не пришёл; что долго тянулись чередой часы дня и ночи, а Он всё мешкал в пути и не посылал ни весточки, ни какого-нибудь знака любви Своей. Но когда брат её воскрес из мёртвых, когда пелены спали с его тела, и он предстал ей полный жизни и крепости, она уразумела тайну и преклонилась перед божественной мудростью того промедления. Бог поистине просит твоего сердца, Франциска, но Он также требует в приношение тебя всецело, а значит, и воли твоей, дабы полностью сообразовать её со Своей собственной волей. Ведь дела могут быть многочисленны и благи, дочь моя, и благочестие ревностно, и добродетели высоки, а всё ж малейшая закваска себялюбия или своеволия может всё разрушить. Почему ты плачешь, Франциска? Потому что Божия воля не исполнена, или из-за того, что твоей воспротивились? Первой ничего не помешает, кроме греха, и в том теперь твоё испытание, чтобы не допустить и тени греха. Что же до твоей собственной воли, то гни, ломай, изничтожай её, дитя моё, и мужайся. Держись одной мысли – как благоугодить Богу, как исполнить чудную волю Его; и покорись Его Промыслу. Возложи намерения свои как жертву на Его алтарь; откажись от того высокого положения, коего справедливо добивалась, и прими положение низкое, указанное Им тебе ныне; и, коль уж не можешь стать Его невестой, будь Его любящей и верной служанкой».

Франциска пошла домой и стала безмолвно ждать дальнейших отцовских распоряжений. Она была очень бледна, ибо внутренняя борьба доставляла ей мучение. День и ночь она пребывала в молитве, бдении и посте. Когда Паоло Бусса повторил своё воспрещение, она кротко выразила согласие, попросила прощения за прежнее упрямство и с тех пор не выказывала наружно признаков своего глубинного страдания, даже более того, выражала его в виде радости, дабы прочим казалось, что она счастлива от того, что на самом деле стоило ей неисчислимых тайных слёз.

Предстоящий брак преисполнил радостью семейство Понциано, ведь невеста была так богата, так красива, так добродетельна! Во всём Риме не было молодого человека, что не глядел бы с завистью на Лоренцо и не желал бы оказаться на его месте. Не было конца пирам, празднествам, гуляньям, проводимым в связи с радостным событием, а посреди этих увеселений Франциска покинула отцовские палаты и переехала во дворец Понциано. Он стоял в сердце Трастевере, поблизости от Жёлтой реки (Тибр. – прим. пер.), хотя и не совсем на берегу, недалеко от Понте-Ротто, на улице, параллельной Тибру. <...>

Её встречали с нежным радушием и радостью – сам Лоренцо, его отец Андреа, мать Чечилия и Ваночца, жена старшего брата. Франциска приветливо улыбалась в ответ на их ласки, но шум, и суета, и толчея, каковыми в те времена сопровождалась праздничные торжества, тяжко угнетали её дух; и хотя она совсем не жаловалась, Ваночца догадалась, что её сердечко омрачено некоей тайной печалью, и ласково попыталась выяснить, в чём дело. Франциска не смогла противостоять кроткой просьбе и открыла любезной сестрице свои горести, поведав, что мир никогда не доставлял ей утехи, что устремления её далеко отсюда, что жаждет она жить ради одного лишь Бога, а потому ей, несмотря на все потраченные усилия, грустно от суматохи и рассеяния, каковые теперь будут её уделом. «Коль таковы ваши чувства, возлюбленная сестрица, – воскликнула Ваночца, – пускай вас утешит моё сострадание, ведь и я не нахожу никакой радости в мирской тщете, но лишь в молитве и размышлении. Будемте подругами, Франциска; я помогу вам вести жизнь, какую вы желаете, и вместе мы достигнем загаданной цели».

Добрые эти слова наполнили сердце Франциски радостью; и с того дня расцвела дружба между двумя молодыми женщинами, которая длилась восемьдесят три года и была источником утешения для них во всех испытаниях, с каковыми им пришлось столкнуться, и назидала всех, кто наблюдал эту нежную привязанность.

Дома Франциска вела такой же образ жизни, какого придерживалась в отцовском доме, однако ревность её настолько умерялась мудростью и благоразумием, что она никому не досаждала и умудрилась снискать расположение всех родственников. Всех их покорило её здравомыслие, мягкий нрав, искреннее благочестие; и они были поражены тем, что столь юная девушка может сразу принять роль верной жены и благородной матроны и исполнять связанные с этим обязанности. Стараясь всячески угодить Лоренцо, она принимала в гостях высокородных дам, равных ей по знатности и возрасту, и пунктуально совершала ответные визиты. Она подчинилась необходимости являться на публике, в точности как подобало её положению, и принимала дорогие платья да великолепные каменья, каковыми муж щедро одаривал её, но под этими роскошными шелками и прекрасной парчой скрывалась власяница. Всегда готовая исполнить любую обязанность, требуемую долгом или приличиями, она в то же время неизменно воздерживалась даже от невинных утех, какие все себе позволяют; никогда не танцевала и не играла в карты, не засиживалась допоздна. С людьми она обращалась так мягко и любезно, что внушала любовь всем, кто пытался завязать с ней дружбу; притом, однако, в выражении лица её и поведении чувствовалась глубокая и внушающая благоговение чистота, что напрочь отбивало охоту вести в её присутствии легкомысленные или непристойные речи. Верная своим прежним благочестивым обыкновениям, она продолжала каждую среду посещать церковь Санта-Мария-Нуова, а после исповеди перед доном Антонио она шла к причастию с таким пылким благоговением, что те, кто видел её у алтаря, полностью погружённую в молитвенное созерцание, предвкушали, что Бог вскоре наделит её

душу необычайными дарами благодати. Вставая рано утром, Франциска благоговейно произносила молитвы, размышляла и внимательно читала отрывок из какой-нибудь духовной книги. В течение дня, как только ей удавалось улучшить малость свободного времени, когда от неё не требовалось исполнять никаких обязанностей, связанных с её положением, она удалялась в церковь или к себе в комнату и предавалась молитве. Каждую субботу она беседовала с фра Микеле, монахом-доминиканцем, приором обители св. Климента и близким другом её свёкра. То был учёный богослов, да притом муж великого благочестия и добродетели; он со тщанием наставлял её во всех разделах верования.

В то же время, то, что столь строгую и благочестивую жизнь ведёт юное создание двенадцати лет от роду, не могло не привлечь внимания и не вызвать осуждения со стороны людей светных. Многие из таковых начали смеяться над Франциской и обращать её набожность в предмет шуток. Они навязывались с советами к Лоренцо Поциано и побуждали его положить конец тому, что именовали чудачествами его жены. Но к счастью для Франциски, он был не из тех людей, что легко поддаются чужому мнению. Он составил собственное суждение и следовал своей линии поведения, не обращая внимания на замечания и порицания от самозванных советников. Слишком драгоценна была для него юная жена, слишком совершенна в глазах его (ведь всё в её жизни слишком явственно несло отпечаток богообщения), чтобы хоть в мечтах помешать ей двигаться по избранному пути. Напротив, он смотрел на неё с тем нежным благоговением, каковое всегда пробуждает истинная святость в благородной и набожной душе. Его отец с матерью были с ним того же образа мыслей и едва не боготворили праведное дитя, что явилось среди них, подобно ангелу мира. Они взирали на неё как на благословение для дома и утешение в старости. Палуццо, брат Лоренцо, с радостью поощрял душевную близость, возникшую между его женой Ваночцей и юной невесткой. Все взирали с обожанием на Франциску в этом благородном семействе: и члены его, и друзья, и прислуга. Была она радостью для всякого сердца, ласковой утешительницей всякой печали, звеном, соединяющим их всех в священных узах любви. День за днём всё более ощущалось её воздействие – нежное, бесшумное, кроткое воздействие, которое смиряло их всех, покоряло и влекло к Богу.

Счастье, которым наслаждалось семейство Понциано со дня свадьбы Лоренцо, было прервано внезапной и опасной болезнью его жены, что поставила в тупик всякую медицинскую науку и вскоре подвела её к краю гибели. Горе мужа и всей семьи было безмерно. Вот-вот, казалось, заберут у них эту многоценную жемчужину. Никакие средства не доставляли ни малейшего облегчения её страданий; она не могла ни забыться сном, ни удержать в себе принятую пищу; и силы её убывали с каждым днём. Ужас её друзей не знал пределов; её отец был безутешен. Втайне он корил себя за то, что воспротивился её склонностям, и взирал на её болезнь как на кару Божию. Одна лишь Франциска оставалась безмятежна среди общего сетования. Она предала свою жизнь в руки Божии и ожидала исхода с совершенной покорностью. Не в силах молвить слова и даже двинуться, она лишь искренним дружелюбным взглядом могла высказать благодарность тем, кто ухаживал за нею и оплакивал её муки – и тут же её взгляд с несказанным доверием и любовью останавливался на распятии. Только однажды она взволновалась, и негодование придало ей сил возразить против предосудительного предложения кого-то из друзей семьи, кто, согласно тогдашним воззрениям, пребывал в уверенности, что девушку сглазили, и советовал прибегнуть к помощи одной из тех живущих в Риме особ, что знакомы (или делали вид, что знакомы) с колдовскими ухищрениями. Франциска заявила, что скорее умрёт, нежели даст согласие на столь

нечестивое действо. После того, как все медицинские средства были исчерпаны, а отчаяние потеснило надежду, Всемогущий Бог на какое-то время вернул ей здоровье, и новость о её выздоровлении была встречена восторженным ликованием как во дворце, так и за его стенами.

Её страдания, однако, возобновились с удвоенной яростью; она претерпевала мучительные боли; и вновь все сочли, что она на пороге смерти. В течение целого года Франциска оставалась как бы на границе вечности; её душа была готова упорхнуть, а она, постоянно укрепляемая таинствами Церкви, тревожилась одной лишь мыслью, как унять душевную муку мужа и родителей. И теперь те, что прежде предлагали прибегнуть к колдовским ухищрениям, смогли протащить в её комнату под каким-то предлогом женщину, по-своему знаменитую в этом деле. Франциска, умудрённая Божиим вдохновением, вмиг распознала обман и, присев в постели, голосом, мощь которого потрясла присутствовавших, воскликнула: «Прочь, служительница сатаны! И даже не пытайся вновь вступить в эти стены!» Обессиленная напряжением, она откинулась назад в обмороке без кровинки в лице; и на какой-то миг все подумали, что дух покинул её. Но в тот же самый день Бог уготовал свершиться чуду в честь её, и, поскольку она наотрез отказалась иметь общение с лукавым, Он тут же направил к своей юной служительнице небесного посланника с даром облегчения и исцеления. Случилось это в канун памяти св. Алексия (Человека Божия, пам. 17 июля) – того опростившегося ради покаяния римского патриция, что провёл много лет у порога собственного дворца, и никто из родных, входивших и выходивших через ворота, не пожалел, не узнал его, никто не остановился, чтобы расспросить безмолвного, одинокого, терпеливого нищего, что лежал, спрятав лицо в убогую накидку, взыскавая покоя посреди горестей.

Все члены семьи Понциано отошли передохнуть пару часов, а женщины, ухаживавшие за умирающей Франциской, заснули. Она лежала на одре страданий бездвигательно. Её муки были и прежде сильны, а этой ночью даже сильнее прежнего. Она претерпевала их силою креста, от которого не уклонялись ни взоры её, ни помыслы. Весь дом и город, явно тоже был погружён в дремоту, ибо ни единый звук не нарушал тишины позднего часа – тишины, столь мучительной для тех, кто бодрствует и страдает. Внезапно во мраке тихой горницы вспыхнул свет, ясный, как день. Посреди него стоял сияющий муж, величественный статью и прекрасный ликом. Он был облачён в одеяние странника, но оно сверкало, как полированное золото. Подступив к ложу Франциски, муж молвил: «Я Алексей, и я послан от Бога с вопросом: выбираешь ли ты исцеление?» Дважды повторил он эти слова, прежде чем умирающая обессилено пробормотала: «Нет у меня другого выбора, кроме как благоугодить Богу. Да будет мне по Его воле. Что до меня, то я предпочла бы умереть, чтобы душа моя сразу воспарила к Нему, но из Его рук я принимаю всё, будь то жизнь или же смерть». «Тогда да будет жизнь, – ответил святой Алексей, – ибо Его выбор в том, чтобы ты осталась на земле, дабы прославить имя Его». С этими словами он простёр свой плащ над Франциской и исчез, оставив её совершенно здоровой.

Придя в замешательство от столь необычайной благодати, более восхищённая сознанием чудесной милости Божией, нежели внезапным исчезновением боли, Франциска поспешно поднялась, простёрлась на полу и безмолвно воздала пылкое благодарение; затем выскользнула из комнаты, не разбудив сиделок, и поспешила в спальню к своей подруге и сестрице. Обвив руками её шею и прижавшись щекой к щеке, Франциска воскликнула: «Vannoza cara! Vannoza mia!» (Ваноцца милая! Ваноцца моя!). А сбита с толку Ваноцца, которая, внезапно пробудившись ото сна, не верила

своим глазам, всё повторяла: «Кто зовёт меня? Кто ты? Я сплю? Как будто голос моей Чечолеллы...» (итал. уменьш. от «Франциска») «Да, это твоя Чечолелла, сестрёнка твоя говорит с тобой!» – «Моя Франциска, которую я оставила час назад на грани смерти?» – «Да, та самая Франциска, которая теперь прижимает тебя к груди; тебя, тебя, любимая моя подружка, что день и ночь утешала и успокаивала меня во время долгой болезни, а ныне должна помочь мне поблагодарить Бога за Его чудесную милость!» Затем, усевшись в кровати подружки (та крепко сжала её ладони в своих), Франциска поведала о своём видении и мгновенном выздоровлении, что последовало за ним; а потом, когда в покои уже проник утренний свет, добавила с горячностью: «Вот день и настал, настал! Не замедлим же более, а поспешим со мной в Санта-Мария-Нуова, а затем – в церковь святого Алексия. Мне должно почтить его мощи и воздать благодарность, прежде чем прочие узнают, что Бог совершил для меня».

Исполнив это благочестивое намерение, они возвратились домой, где на Франциску воззрились, как на восставшую из мёртвых. Нежность, которую она вызывала, была смешана со священным ужасом; каждый счёл её избранницей милосердия Божия – и обращался с соответствующим почтением. И с куда большим ликованием, чем в день свадьбы, Лоренцо принял её ныне, когда в его объятия её возвратило чудесное вмешательство милостивого Бога.

ГЛАВА III. ФРАНЦИСКА ВОЗОБНОВЛЯЕТ СВОИ ПОДВИГИ И ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ. СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ ИСКУШЕНИЯ ЕЁ И УТЕШЕНИЯ

Не вотще Франциска так приблизилась к смерти и столь чудесно обрела полное выздоровление. Милость, подобная той, что была ей оказана, не могла оставить без знаменательных плодов душу, так живо отзывавшуюся на всякий прилив благодати, уделяемой ей. Последнее проявление милосердия Божия расположило её к глубоким и усердным размышлениям о замыслах Провидения на её счёт. Ей показалось, что она уразумела ясным и не подлежащим сомнению образом природу того частного суда (*iudicium particulare* – над каждой душой в миг смерти в отличие от всеобщего Страшного суда. – прим. пер.), которому должна была подвергнуться; величину ответственности, каковую каждый дар благодати возложил на её душу; строгость отчёта, что был бы потребован за каждый вверенный в её распоряжение талант. При виде всего этого она содрогнулась, как человек, что отшатывается в ужасе, ясно рассмотрев пропасть, по краю которой он прошёл ночью, либо озирающийся на волны, разъярённо бьющиеся о берег, на который он благополучно высадился. В ту пору её размышления приобрели торжественный лад: всякий высвободившийся миг она проводила в соседней церкви св. Цецилии либо в своей моленной, подробно пересматривала былую жизнь и вырабатывала для себя героически-твёрдые постановления на будущее.

Усмирение языка – одна из труднейших и сложнейших задач в духовной жизни. Отныне Франциска избегала ненужных разговоров и завела обычай безмолвствовать. В её молчании не было никакого угрюмства; оно нисколько не мешало ей оставаться любезной и обходительной, но как в детстве она ярко проявляла эти черты, так и в замужестве отличалась ими – особенно после болезни и чудесного исцеления. Ваночца как-то однажды спросила Франциску, что ж такое приучило её к постоянному молчанию, на что та ответила: «Бог ожидает от нас больше того, что было прежде», а затем предложила принять более строгий образ жизни, нежели тот, что они уже усвоили себе. Ваночца охотно согласилась, и они договорились напрочь отказаться от бестолковых забав, пышных выездов и увеселений, а высвободившиеся таким образом

от служения миру часы посвятить молитве и благим деяниям. Они постановили себе соблюдать с предельной точностью все законы Божии и все церковные предписания: подчиняться мужьям с внимательнейшей и христоподобной покорностью; быть неизменно послушными духовному отцу и сообщать ему о своих поступках, словах и даже помыслах, защищая таким образом себя от обманов лукавого. Затем они занялись подготовкой для себя места уединения, куда можно было бы удалиться на молитву в любой час дня и ночи. Это нелегко было обеспечить во дворце, где обитало многочисленное семейство и ещё большее множество прислуги, но в некоем подобии пещеры на краю сада и в комнатухе под крышей дома, что оказалась незанятой, им удалось обустроить две моленных, где они разместили распятия, образа Пресвятой Богородицы и иконки святых, а также прочие священные предметы и орудия покаяния. Две эти келейки стали для них местами умиротворения и радости; как только домашние обязанности да выходы по богомольным делам позволяли им, они обыкновенно удалялись в садовую моленную, а по ночам они нередко целые часы проводили на молитве в своей горнице. Первые лучи зари часто заставляли их в молении. Часы, что не были посвящены молитве или повседневному обязанностям, они проводили в делах милосердия. Почти ежедневно они ходили в приют св. Духа и с нежнейшей внимательностью ухаживали за больными, утешая их кроткими речами и ласковым обращением, уделяя милостыню наиболее нуждающимся, а паче всего ревностно обслуживая тех, кто страдал наиболее отталкивающими заболеваниями и недугами. В течение всей жизни они никогда не прекращали этого занятия. Служить Христу в Его страждущих братьях – то было почётное право, от которого они ни за что не отказались бы.

Франциска в то время всячески стремилась отказаться от всех знаков богатства и знатности, а одеться, как бедняки, которых она столь крепко любила; но, неизменно послушливая, не смела пойти на это без позволения духовника. Дон Антонио Савелло не давал ей разрешения отказаться от роскошных одеяний, носимых в те времена особами её положения; он опасался, что это может раздосадовать её мужа, да и в чём угодно, привлекающем общественное внимание, может таиться опасность; но позволил обеим сестрицам надевать грубые шерстяные облачения под свои великолепные платья и тайно упражняться в нескольких иных суровых подвигах. Их посты (полностью от пищи. – прим. пер.) и воздержания (от мясных, молочных и ряда иных блюд. – прим. пер.) были суровее, чем когда либо; но придерживались они их с такой внешней простотой, что даже их постоянные сотрапезники едва замечали такое самоограничение либо же приписывали его вкусовым предпочтениям или врачебным указаниям. Самобичевание и прочие телесные покаянные подвиги весьма сурового рода были в то время для Франциски уже обычны, и она не оставляла их до конца жизни. Но с каким бы тщанием подруги ни скрывали всё это, невозможно было, чтобы Рим не проведал об их благочестии и великодушии к бедным. Простые люди смотрели на Франциску и Ваночцу, как на двух святых, а пример их начал благотворно воздействовать на женщин их собственного сословия. Несколько благородных дам прониклись желанием пойти по их стопам и подражать их добродетелям. Но непредставимо, чтобы сатана оставил без внимания то, как благодать всё глубже воздействует на сердца двух юных служительниц Божиих, а через них – на многих других. При виде этого взяла его досада, и начал он долгую вереницу нападений, сражений и ухищрений, которыми пытался воспрепятствовать славному восхождению этих героических душ. Похоже, Всемогущий Бог пожаловал князю тьмы в случае со святой Франциской позволение, подобное тому, что Он дал ему в отношении Иова, слуги Своего. Врагу было разрешено разбрасывать искушения на её пути, причинять ей невиданные муки, преследовать её жуткими явлениями своего видимого присутствия,

угнетать её многообразными наваждениями, одни из которых были прельстительны наружностью, другие отвратительны и ужасающи видом, но не дозволено ему было (как, благодарение Богу, никогда и не дозволялось) обмануть верную служительницу Божию или навредить ей, за каждое испытание упомянутого рода обретавшей какой-нибудь божественный дар в воздаяние, а за каждое видение дьявольских ужасов ей позволялось заглянуть в мир славы; причём в позднейшее время ей назначен был небесный хранитель, дабы защищать её от угроз её адского неприятеля.

Впервые, когда сатана предстал в видимом облике взору Франциски, Бог даровал ей залог Своей защиты в предстоящей схватке с древним змием, чудесным образом открыв ей существо её посетителя. Ведь он вступил во дворец Понциано под облицием почтенного отшельника, истощённого постами и бдениями: намерение его заключалось в том, чтобы теми или иными словесными ухищрениями внушить Франциске отвращение к уединённому житию и одновременно к житию сокровенному, которое она столь ревностно вела посреди мира. Он явился в просторную светлицу, где сидела вся семья в сборе, ведя общую беседу. Как только Франциска бросила взгляд на него, как свыше обрела разумение его подлинного существа и, внезапно изменившись в лице, поднялась и покинула помещение. Ваноща последовала за нею (испуганная поспешностью её ухода) и обнаружила подругу в моленной на коленях перед распятым, бледную как смерть. Она принялась спрашивать Франциску о причине её испуга, но та Ванощу просила об одном: вернуться в гостиную и попросить Лоренцо выпроводить отшельника. Едва тот ушёл, она вновь появилась среди родных спокойная и тихая, как обычно, а о случившемся не сказала ни слова никому, кроме духовника. До крайности жуток был тот миг, миг её первого знакомства со сверхъестественным миром, первого столкновения с силами тьмы, начало зримой войны между нею и великим врагом. Не удивительно, что она, как правило, хранила молчание: её душа, должно быть, жила в теснейшем общении с невидимым миром, и присутствие Божие должно было ощущаться ею, обладательницей на диво тонкого дара духовного различения, с чрезвычайной явственностью.

Более заурядной уловкой искусителя была следующая: он избирал себе орудием какую-нибудь богобоязненную и добродетельную особу, чьи страхи и привязанности, однако, оказывались сильнее веры. Так, он внушил Чечилии, теще обеих святых, которая весьма тепло относилась к ним и по-матерински заботливо пеклась об их здоровье, что аскетическая жизнь, которую они ведут, всенепременно навредит им; что увеселения жизненно необходимы юным особам; и что странность их поведения навлечёт бесчестие на семью. Под воздействием такового представления она все средства, что были в её власти, пустила на то, чтобы противодействовать замыслам невесток, препятствовать их молитвенным и благотворительным занятиям и понуждать отдавать большую часть времени и внимания миру. Таким образом она предоставила им возможность поупражняться в терпении особого рода и стяжать больше заслуг в очах Божиих благодаря тому, что каждый день им приходилось сталкиваться с сопротивлением, чрезвычайно мучительным для душ юных и пылких. Рассказывают, что как-то раз, кротко, но решительно отказавшись нанести визит, который, далеко не относясь к их прямым обязанностям, служил лишь поводом к пересудам да фривольнейшим беседам, Франциска и Ваноща удалились в садовую моленную и, проведя некоторое время в молитве, завели беседу о житии, какое древние отцы когда-то вели в пустыне, да о том, какое, должно быть, блаженство – жить, целиком посвятив себя служению Богу и общению с Вышним, вдали от суетных помыслов и забот мирских. Продолжая рисовать мысленные картины того, как бы они сами распределяли время и устраивали свои дела при подобных обстоятельствах,

подруги выработали полноценный устав совместной жизни.

Совершенно увлекшись, Ваночца воскликнула с детской непосредственностью: «Но что бы мы ели, сестрица?», а Франциска ответила: «Мы бы искали плоды в пустыне, дражайшая, и Бог наверняка не позволил бы поискам нашим оказаться тщетными». Как она молвила эти слова, обе поднялись, чтобы вернуться домой, и с одного дерева, выросшего из разрушенной стены на краю сада, к её ногам упала айва огромного размера и ярчайшей окраски, а другая такая же – лежала на пути Ваночки. Сестрицы переглянулись в безмолвном изумлении, ведь на дворе стоял апрель, и ничто, кроме чуда, не могло заставить вызреть эти яблоки в неподобающую для них пору. Вкус у плодов оказался в той же мере превосходным, как их окраска – восхитительной. Подруги поделились находкой с членами семейства, которые лишней раз подивились тому, что чудеса случаются с Франциской чуть ли не на каждом шагу. Она была глубоко признательна за эти милости, но, вероятно, менее прочих удивлялась, когда они проявлялись. Её молодость, простота её веры, полная отрешённость от мирских помышлений, постоянное вдумчивое чтение Священного Писания и житий святых непременно должно было приучить её ум к такого рода представлениям. Для ней не могло быть ничего невероятного в том, что Бог, Который в менее благоприятные времена и при более суровых обстоятельствах так часто останавливал действие законов природы, чтобы поддержать, направить и наставить народ Свой, Спаситель, обративший воду в вино единым словом и иссушивший бесплодную смоковницу одним взглядом, волен всякий раз проявить то же могущество на благо Своих чад способом ничуть не менее чудесным и таинственным.

Чечилия предприняла ещё одну попытку сдержать то, что она считала крайностями в образе жизни невесток. Она подговаривала вмешаться их мужей, дабы мужниной властью принудить подруг к более тесному общению с миром. Но Палуццо и Лоренцо питали слишком глубокое уважение к своим жёнам и слишком хорошо понимали, какие блага происходят от их необычайных добродетелей, чтобы дать себя убедить в необходимости обуздывать их деяния. С тех пор, как эти женщины вошли в семью и объединили свои благочестивые усилия ради собственного и ближних усовершенствования, домашние споры и ссоры уступили место самому что ни на есть назидательному единодушию. Слуги, вдохновлённые их примером, исполняли свои обязанности с образцовым рвением, исправно посещали церковь и принимали таинства, воздерживались от грубых и праздных слов. Соответственно, они уговаривали мать оставить бесплодные попытки, дать молодым женщинам волю следовать принятому ими уставу и положить конец благонамеренным, но мучительным преследованиям, через которые им уже пришлось пройти.

Вскоре после того диавол, посрамлённый в своих затеях, но всегда остающийся начеку, дал выход своей злобе на Франциску и её невестку тем путём, к которому он часто прибегал прежде и который, хоть и впечатляет мгновенным проявлением его власти над их телами, но в итоге лишь подтверждает, что «сильнейший его» (Лк. 11:22) всегда рядом, дабы сокрушить его злоумышления и отнять у него добычу. В 1399 году, чрезвычайно жарким июльским днём Франциска с Ваночцей отправились в собор св. Петра. Погрузившись в молитву, они почти не замечали хода времени и двинулись домой, лишь когда пробило двенадцать. С тем, чтобы избежать общего внимания и знаков почтения, которые люди щедро оказывали им, едва святые (как их всегда величали) попадались им на глаза, подруги выбирали самые безлюдные улицы, какие могли найти. Зной стал нестерпим. Душный воздух, казалось, пылал, и ни единое дуновение ветра не колыхало его. Дорога лишила подруг сил, во рту у них пересохло, и,

добравшись до церкви св. Леонарда, они, держась за руки, спустились к реке, чтобы хоть малость остудить водой пылающие губы и унять стук в висках. Когда они с этой целью склонились к потоку, могучий удар невидимой руки поразил Франциску и метнул её в Тибр. Ваночца свалилась вместе с нею, и стремительное течение подхватило их, сцепившихся в объятиях, без надежды спастись. «Согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей», (2 Цар. 1:23) – вполне можно было бы сказать о них, если бы в тот день водная могила поглотила двух невест Понциано. Но не было Божией воли на то, чтобы они погибли. Человеческая помощь отсутствовала, поток был стремителен, течение глубоко, и водовороты вились вокруг них, но они едиными устами (ср. Рим. 15:6) воззвали к Богу, и в миг воды, словно бы наделённые жизнью и послушные небесному повелению, мягко подтолкнули их к суше и невредимо вынесли на зелёный речной берег.

Примерно в ту же пору Франциске была пожалован сверхъестественный дар совершенно необычайного свойства. Ангел-хранитель, приставленный к ней однажды не просто невидимым образом, как ко всем христианам, но в видимом облике, и оставшийся навсегда доступным её духовному взору, начал открывать своё присутствие во внимательном присмотре за её поведением. В любое время и во всяком месте, днём и ночью этот незримый, но теперь уже явно неотлучный от неё наблюдатель примечал ничтожнейшие её проступки и наказывал. При самомалейшем отклонении от совершенства в поведении она, ещё сама не успев обвинить и осудить себя, получала невесть откуда оплеуху – предостережение от неусыпного ангела, причём звук этого таинственного удара другим тоже был слышен. Велико было изумление тех, кому таким образом довелось засвидетельствовать Божии деяния для этой избранной души. Однажды, когда она из чисто человеческой вежливости воздержалась от того, чтобы прервать весьма фривольный и пустой разговор, предупреждение было нанесено с такой суровостью, что след от удара она носила на себе несколько последующих дней.

Такое стремительное восхождение к святости, такие невиданные и постоянно возрастающие добродетели последовали от этого сверхъестественного воспитания, что на этот раз сатана попытался прельстить Франциску наиковарнейшим из своих ухищрений, шедевром своего искусства, любимейшим из грехов – «гордыней, притворяющейся смирением» (С. Кольридж. Мысли дьявола). Такое великое множество сотворённых ради неё чудес и столь дивные проявления особой Божией любви к её душе, пробудили в уме Франциски (вернее же, дьявол внушил ей) мысль, что, наверно, лучше было бы скрыть их от духовника или ознакомить его лишь с толикой всех чудес, совершённых для неё; и вот, придя в очередной раз на исповедь, она воздержалась от упоминания о знаменательной милости, пожалованной ей. В тот же миг она была повержена ниц наземь и опознала руку небесного наблюдателя по тому удару, который предупредил её о тяжкой ошибке, в которую она вот-вот могла впасть. Того краткого мига ей хватило, чтобы осознать и признать свой проступок, так что с глубоким сокрушением исповедалась она перед духовником в ложном смирении, которое привело её к опасному умолчанию, и совершенно откровенно поведала ему всё, что прежде и доселе Бог творил для её души, и объяснила ему смысл свершившегося только что. Дон Антонио выслушал исповедь с изумлением и признательностью, а ей сказал следующее: «Ты только что избежала великой беды, дочь моя, ибо те, кто устремляется к совершенству, не могут скрыть ничего от духовного руководителя без опасности впасть в прелесть. Своим неправым молчанием ты последовала наущению сатаны, который под видимостью смирения стремился пробудить в тебе тайную и пагубную гордыню. Постепенно он подвёл бы тебя к тому, что ты стала бы

переоценивать эти сверхъестественные милости, считать их не просто средствами благодати, но воздаянием за твои заслуги; презирать тех, кому Бог не уделяет их; предалась бы причудливым и недозволенным подвигам, дабы добиться новых чудес и величия в собственных и чужих глазах. Я бы стал запрещать тебе эти подвиги, у тебя возник бы соблазн отказаться от моего руководства; ты стала бы менять духовников одного за другим, пока не нашла бы достаточно слабого или недалёкого, чтобы одобрить твоё своеволие; а затем архивраг рода человеческого в облачении ангела света (ср. 2 Кор. 11:14) стал бы вовлекать бы в свои бесовские прелести, пока ты, впадая в одну ошибку за другой, не потерпела бы окончательного крушения веры. Таков был путь падения многих душ, и начинался он с уступки ложному смирению – отпрыску гордыни, – а привёл ко греху и гибели».

С той поры и впредь Франциска была настороже против всякого проблеска гордыни и самонадеянности, в каком бы прикровенном и утончённом облике они не выступали. О своих проступках и искушениях, о полученных милостях и обрётённой благодати она сообщала с равной откровенностью и простотой, подобно дитяти. От роду ей было всего шестнадцать лет, а она уже так преуспела в науке святых, и день ото дня её добродетели и благочестие возрастали.

ГЛАВА IV. РОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО РЕБЁНКА. ЗАБОТЫ ФРАНЦИСКИ О ЕГО ВОСПИТАНИИ. НА НЕЁ ЛОЖИТСЯ УПРАВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВОМ СВЁКРА. ГОЛОД И МОР В РИМЕ. ФРАНЦИСКА ПОМОГАЕТ БОЛЬНЫМ И НИЩИМ. ЧУДЕСА, СОТВОРЁННЫЕ БОГОМ ДЛЯ НЕЁ.

Год 1400 начался с мрачных предвестий. Бонифаций IX, занимавший в ту пору папский престол, объявил юбилей (регулярное празднование которого в конце каждого пятидесятилетия было установлено в 1350 году указом Климента VI), но Рим уже тогда находился в плачевном состоянии, и не было недостатка в предзнаменованиях ещё более бедственных времён. Всю Италию сотрясали войны за наследство Неаполитанского королевства между Людовиком Анжуйским (Людовик II Анжуйский (1377 — 1417) — герцог Анжу, граф Мэна и Прованса, титулярный король Неаполя) и Владиславом Дураццо (Владислав I Дураццо (1377 –1414) – король Неаполя с 1386 года, последний мужской представитель Анжуйской династии), а столица христианского мира подвергалась яростным нападениям обеих враждующих сторон. Сторонники могущественного рода Колонна, выступив против папы, во главе многочисленной толпы пеших и конных повстанцев вторглись на Капитолий, и воздух зазвенел от кликов: «Да здравствует народ! Смерть тирану Бонифацию IX!» Тот день положил начало разделению партий, что вскоре затем привело к жуткой трагедии: знать Вечного города лишилась каждого десятого, а улицы были залиты кровью.

Лоренцо Понциано, благодаря своему положению и большому богатству, а также благодаря верности Церкви и Верховному Понтифику был особенно ненавидим неприятельской группировкой. Но пока на обеих сторонах копились грозные тучи, а дела государства день ото дня представлялись всё мрачнее, ему было даровано благословение, коего он горячо желал на протяжении последних пяти лет. Надежда на обретение наследника семейства Понциано исполнила его вместе с родителями невыразимой радости. Франциска, между тем, была поглощена непрестанными мольбами о Божием заступничестве для ребёнка, которого вот-вот должна была родить, и приносила в жертву за него всякое, сколь угодно даже малое своё благочестивое деяние, с надеждой стяжать Божие благословение на его грядущую судьбу. В упомянутом году она благополучно произвела на свет сына, которого

безотлагательно крестили в траставерской церкви св. Цецилии, дав ему имя Джованни-Баттиста. Не в тогдашних обычаях было, чтобы высокопоставленные дамы нянчили своих детей, но Франциска отринула таковые соображения и так и не согласилась уступить кому-либо своё священное материнское право. Она ни на миг не вверила своё дитя чужой заботе, опасаясь даже малейшего зла, что в её отсутствие грозило бы запятнать сердце и душу её сына через проявления недостойных чувств, дурных манер и привычек, каковые с младенчества могут оставить по себе трудноискоренимые впечатления. <...>

Из послушания духовнику, а также повинуюсь собственному чувству долга, Франциска переменяла на время обычный для себя образ жизни и занималась ребёнком прежде всех прочих дел, благотворительных или благочестивых. Она не жаловалась и не сожалела, что ей пришлось оставить свойственные ей прежде духовные подвиги ради того, чтобы заботиться о малыше и нянчить его, ведь она смотрела на него как на дар Божий, отблагодарить за который она не могла лучше, кроме как заботливо взрастить его. Радость, испытанная ею от рождения младенца, была омрачена смертью её отца. Когда ему положили на руки внука, он воскликнул словами Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему, с миром», и слова эти оказались пророческими, ибо он почти сразу после того умер и был похоронен в крипте церкви св. Агнессы на Пьяцца-Нуова. В позднейшие времена, когда церковь перестраивали, его останки перенесли в обитель Тор-ди-Спекки, где до сего дня сохранилась простая надпись: «Здесь покоится Паоло Бусса». Франциска во исполнение своего стремления не только устранить зло, но и как можно раньше внушить душе своего ребёнка расположение к добру, не упускала ни единой возможности сообщить ему первые представления о вероучении. Ещё до того, как мальчик научился говорить, она ежедневно повторяла ему «Отче наш» и «Радуйся, Мария», сложив ему ладошки, направляя его взгляд на небеса да на образы Иисуса и Марии, и эти имена, естественно, стали первыми словами, которые малыш научился выговаривать. Она сдерживала суровым взглядом и лёгким, подобающим возрасту наказанием всякую его вспышку своеволия, упрямства и злобы, а позднее – обмана, зависти и заносчивости. Хотя у неё было нежнейшее материнское сердце, она редко позволяла себе бурные ласки, никогда не оставляла без взыскания ни один из проступков мальчика и ни в коем случае не уступала его слезам и капризам. Когда прочие возражали, указывая, что нелепо ожидать самообладания от существа с ещё неразвившимся мышлением, она настаивала на том, что навык владеть собой должно прививать в раннем возрасте, а благие черты, приобретённые таким образом, влияют на всю дальнейшую жизнь. Воспитанный в таком духе ребёнок в дальнейшем подтвердил на себе мудрость её взглядов и в сложные времена стал опорой семейства и прославил родовое имя.

Примерно через год после рождения Джованни-Баттиста умерла Чечилия, мать Лоренцо. Андреаццо Понциано и двое его сыновей, прекрасно зная благоразумие и добродетель Франциски, решили поставить её во главе дома, передать ей в единоличное ведение надзор за бытовыми делами и безраздельное руководство домохозяйством. Смущённая таковым предложением, она, ссылаясь на молодость и неопытность, настаивала на том, что на эту роль само собой разумеется подобает назначить Ваночцу как жену старшего брата. Ваночца же оправдывалась, что ей до крайности не по душе таковая ответственность и что единственное её устремление – быть ученицей и помощницей Франциски, причём утверждала она это с таким пылом, что Франциска, перевозомаемая общей настойчивостью, сочла долгом повиноваться. И тогда-то достоинства её просияли с полной очевидностью. Стоя во главе состоятельнейшего римского дома, она ни в наружности, ни в повадках ни разу не

проявила ни малейших признаков гордости, высокомерия или самодовольства. От неё никогда не слышали грубого или сердитого слова. Неколебимая, когда требовалось добиться от кого-либо в доме подобающего исполнения обязанностей, она достигала этого самым мягким образом. Будучи всегда учтива со слугами, она побуждала их служить Богу прилежно да блюсти свои души, искупленные бесценной кровью Его. Речи её были столь милы и убедительны, что редко не достигали цели. Она умудрилась распределить их рабочие часы в таком разумном порядке, что у каждого было достаточно досуга, чтобы слушать мессу, ходить на приходские занятия по воскресеньям и праздникам, часто приступать к таинствам и ежедневно участвовать в семейной молитве, выполняя полный круг христианских обязательств. Если вдруг (а в доме, управляемом ею, это случалось редко) между кем-то из слуг возникала ссора, Франциска всегда готова была вмешаться, утихомирить злые страсти и уладить противоречия. Если при этом ей случалось высказаться с неподобающей, как она считала, резкостью в отношении одной из сторон, она немедленно извинялась со слезами на глазах и смиреннейшим образом просила прощения. При столь крайней мягкости обращения она, однако, никогда не доходила до слабости, а могла выразить величайшее неудовольствие и с чувством попенять виновнику, если дело шло об оскорблении Бога. Она не могла стерпеть, чтобы Божественное Величество хулили под её кровом, и, оставаясь кротчайшей и самой непритязательной из женщин, могла проявить в таких случаях величайшую твёрдость.

Однажды, согласно записям, с Лоренцо обедали несколько знатных господ; и один из них после обеда извлёк из поясной сумочки книгу, содержащую трактат по магии. Лоренцо взял её и стал с долей любопытства листать, когда позади к нему бесшумно подобралась жена, выхватила книгу у него из рук и швырнула в огонь. Раздражённый этой выходкой, муж стал распекать её в довольно жёстких выражениях за непочтительность к его гостям, но она, обычно покорная всякому его слову, лишь возразила, что не может сожалеть об уничтожении предмета, способного оказаться причиной множества грехов. Она неуклонно таким же образом предавала пламени всякую скверную книгу, что ей попадалась.

Её нежная любовь к ближнему с ясностью проявлялась, если кто-нибудь во дворце заболел. Тогда она становилась заботливой сиделкой при страдальце и проводила у его постели дни и ночи. Её не удручало и не утомляло вообще ничего: за последней служанкой дома она ухаживала так, словно бы то была её мать или сестра. Причём о здравии душ Франциска пеклась ещё более, чем о телесном: известно, что она выходила ночью одна, чтобы сыскать священника, когда под её кровом кому-то внезапно грозила кончина. Её любовь к ближним была однажды чудесно вознаграждена прямым вмешательством Провидения – в мелочи, казалось бы, от которой, однако, по-человечески говоря, явно зависела жизнь Ванощи. Она была больна и уже несколько дней не могла проглотить ни кусочка еды, сам вид её вызывал у неё нестерпимую тошноту; и от полного истощения жизненных сил в ней настолько ubyло, что приходилось ожидать худшего. На вопрос Франциски, не может ли она придумать что-нибудь, как ей кажется, удобоваримое для себя, Ваноща назвала определённого вида рыбу, которая в ту пору была не в сезоне. Слуги обошли все рынки, но, естественно, вотще; к Франциске они вернулись с пустыми руками, и она в угнетённых чувствах, склонив колени у ложа подруги, с пламенной верой и детским простодушием прибегла к молитве. Когда она подняла голову, этот столь вожделенный продукт лежал перед ней, и от первого же его кусочка Ваноща пошла на поправку.

Она уже год стояла во главе свёкрово дома, когда на Рим обрушилось двойное бедствие: голод и мор. Семейство Понциано обладало несметным богатством, и дворец был обеспечен всякого рода продовольствием. Франциска не позволила прислуге прогнать ни одного нищего, не облегчив его нужды, и, не довольствуясь одним этим, она сама разыскивала их, приглашала зайти и постоянно одаривала зерном, вином, маслом и одеждой. Она увещевала их переносить страдания с терпением, дабы воздать долг Богу и исполнить духовную обязанность, стараясь пламенными молитвами умиротворить Божественный гнев, вызванный преступлениями человечества. Вместе с Ваночцей они неутомимо навещали больницы и отдалённые закоулки города.

Андреаццо Понциано был человек хороший, но не святой, и его встревожила непомерная щедрость невестки и напугало то, что это кончится голодом в его собственном доме. Он начал с того, что предусмотрительно изъял у неё ключи от амбара; а затем, для вящего спокойствия, боясь уступить её уговорам, которым он не привык сопротивляться, он стал распродавать всё имевшееся зерно помимо необходимого для ежедневного пропитания семейства. По итогам в зернохранилище не осталось ничего, кроме огромной кучи соломы. Бережливый старик тем же образом занялся и погребом, продав всё содержавшееся там вино за исключением одного бочонка, который приберёг для самого себя и детей.

Меж тем нехватка продовольствия в городе всё усиливалась, а соответственно росло число голодающих. Франциска, не имея возможности ответить на их просьбы и вместе с тем будучи не в силах оставить их погибать, отбросила, наконец, всякий ложный стыд и отвращение и решила вместе с Ваночцей пойти на улицу побираться ради нищих. И вот две эти знатные и миловидные женщины на виду у всех стояли на паперти, стучались в двери дворцов, ходили в общественных местах за богачами, слёзно просили за страдальцев, охотно принимали щедрые милостыни, что изредка подавали им, и не менее охотно – поношения, отказы, оскорбительные слова, что часто обрушивались на них во время этих благотворительных паломничеств. Наконец голод достиг своего апогея. Повсюду – на мостовой, на углах улиц – во множестве лежали люди, едва прикрытые скудными лохмотьями, истощённые голодом, изможденные горячкой и призывающие смерть, дабы она прекратила их страдания. Это было мучительное, жуткое зрелище – оно едва не разбило сердце нашей святой. Стоны умирающих стояли в ее ушах; вид их мертвенно-бледных лиц преследовал её день и ночь. Она охотно пролила бы за них свою кровь и напитала бы их своей жизнью. Однажды её постигло внезапное озарение: «Пойдёмте в зернохранилище, – воскликнула она, обращаясь к Ванноцце и к Кларе, их любимой и благочестивой служанке. – Пойдёмте со мною в зернохранилище да поглядим, не удастся ли сыскать среди соломы хоть несколько зёрнышек для нищих». И на коленях в течение нескольких часов эти терпеливые, сострадательные женщины просеивали солому – и с изрядным трудом собрали около меры зерна. А когда они, торжествуя, выносили его наружу, Бог, Который не дал истощиться маслу у вдовы и сотворил так, что муки у неё в кадке хватило пережить чуть ли не более даже тяжкий голод (ср.3 Цар. 17:16), уготовал им воздаяние. Лоренцо вошел в амбар как раз в тот миг, когда женщины выносили свое с трудом добытое сокровище, и, оглядевшись, увидел на месте соломы, которая только что лежала там, сорок мер ярко-желтого зерна, такого блестящего да наливного, что казалось, как выражается первейший жизнеописатель Франциски, будто она была выращена в раю и пожата там ангелами. В немом изумлении он указал женщинам на сие чудесное приумножение и, должно быть, тут же уразумел, что только добродетели его жены и сестры могли прямо в сем мире снискать такую милость от рук Божиих. Но зерна было недостаточно; больным требовалось вино. Вот пришли они,

несчастные бледные призраки, только-только поднявшиеся с одра страданий, чтобы просить о том Франциску; ветхие мужи и хрупкие дети; матери с грудными младенцами; бедные измученные священники, едва стоящие на ногах от истощения, но готовые помогать другим – они просили у неё самую малость вина, чтобы укрепиться для продолжения дел милосердия, а ей было неоткуда его взять для них, разве что из того единственного бочонка, что хранился в погребе. Тем не менее она дала им вина; и день за днём черпала из бочонка, пока там не осталось ни капли. Андреаццо, уязвленный этим, вспылал великим гневом. Никогда раньше он не сердился на Франциску, а теперь бушевал и ревел на неё после того, как побывав в погребе, чтобы проследить, как отольют вина на день, обнаружил, что в бочонке нет ни капли. «Вот уж милосердие! – воскликнул он. – Милосердие начинается с домашних; а это что за добродетель такая, когда под предлогом помощи чужакам свою собственную семью повергают в нужду и лишения?!». Он изливал свою злость в горьких упреках; Лоренцо и Палуццо также были склонны принять его сторону и вместе с ним сурово распекали Франциску. Она ж тогда тихо и с кротким видом (прошептав, вероятно, втайне молитву к Той, Которая на брачном пире в Кане обратилась к Своему Сыну и молвила: «Вина нет у них» (Ин. 2:3)), но, несомненно, и с внутренней убеждённости, что Бог поддержит её необыкновенным, хотя и не беспримерным для неё образом, так отвечала им: «Не сердитесь; пойдёте в подвал; может быть, по милости Божией, к этому времени бочонок наполнился». Они последовали за ней с невольной покорностью; и, придя на место, стали смотреть, как она поворачивает кран бочонка, а из него тут же хлынуло изысканнейшее вино, каковое, по признанию Андреаццо, оказалось лучше всех вин, что он когда-либо пробовал. Почтенный старец повернулся к невестке и со слезами на глазах воскликнул: «О, дорогое дитя моё, распоряжайся впредь всем, чем я владею, и умножай без конца сии подаяния, что снискали тебе такую милость в очах Божиих».

Весть об этом чуде распространилась повсюду; и, несмотря на свое смирение, Франциска не возражала против его разглашения, поскольку сие, засвидетельствовав чудотворную силу милостыни, побуждало богатых расщедриться и обильнее помогать страждущим членам Христа.

Своего рода благоговейный трепет, по-видимому, овладел душою Лоренцо при виде стольких чудес, творимых в его доме. Великое уважение, с которым он всегда относился к своей жене, теперь приняло форму глубокого почтения. Он позволил ей во всём следовать обретаемым ею божественным вдохновениям и предоставил полную свободу распоряжаться своей жизнью и располагать своим временем так, как она считает нужным. Франциска, посоветовавшись с духовником, воспользовалась этим разрешением, чтобы осуществить давнишнее своё желание. Продав все свои богатые платья, драгоценности и украшения, она раздала деньги нескольким бедным семьям и с тех пор никогда не носила никакого иного платья, кроме как пошитого из грубого темно-зеленого сукна. Её подвиги стали такими длительными и суровыми, её посты – столь строгими, что трудно представить, как её здоровье выдерживало их без поддержки свыше, как ей удавалось изыскивать время для всех своих обязанностей при том невероятном множестве добрых дел, которые она ежедневно творила. Если ж учесть, что она была неизменно внимательна к своим детям, ни разу не была замечена в недостаточном прилежании к присмотру за домашними делами, постоянно посещала приюты и дома больных бедняков, что по утрам и вечерам она ходила в церкви, где можно было обрести индульгенции, вычитывала многочисленные устные молитвы, часто проводила целые часы в созерцании и пребывала в садовой моленной, где вместе с Ванноццей, Кларой и Ритой Челли, набожной молодой особой, принятой в их тесный круг, читала духовные книги или беседовала на благочестивые темы, — наше

изумление возрастёт до предела; ведь такое рвение и крепкая воля могли творить чудеса, почти непостижимые для тех, кто не готов трудиться не покладая рук или не научился бесконечно ценить каждую минуту сей краткой жизни.

ГЛАВА V. РОЖДЕНИЕ ВТОРОГО СЫНА ФРАНЦИСКИ. ЕГО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ ДАРЫ. РОЖДЕНИЕ ДОЧЕРИ. САТАНИНСКИЕ НАПАДЕНИЯ НА ФРАНЦИСКУ. НЕСТРОЕНИЯ В РИМЕ. МУЖ ФРАНЦИСКИ ТЯЖЕЛО РАНЕН. ЕЁ СТАРШИЙ СЫН, ОТДАННЫЙ В ЗАЛОЖНИКИ НЕАПОЛИТАНЦАМ, ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К НЕЙ

Франциске едва исполнилось двадцать лет, как у неё родился второй сын. Он был крещён в день своего рождения и получил имя Джованни-Эванджелиста. Жизнеописатель-современник, некоторые высказывания которого уже приводились, упоминая об этом ребенке, говорит, что он был наделен чудесными дарами благодати, а любовь Божия проявилась в нём ещё до того, как он научился говорить. В своей причудливой старинной манере он так описывает его: «Эванджелиста был стар разумением, мал телом, велик душой, ослепителен красотой, ангелоподобен во всех поступках своих». На привычном нам языке вполне можно было бы сказать, что он весь пошёл в маму; ведь с самого младенчества его единственной утехой было ходить по церквям да подавать милостыню нуждающимся, особенно нищим инокам, к которым он питал особое пристрастие. Восторг Франциски от этого прелестного младенца был неопишуем. Он был для неё словно бы некий ангел, посланный от Бога, и слезы радости наполняли её глаза, когда она размышляла о необыкновенных признаках благодати, которые он ежедневно являл. Сверхъестественными были добродетели матери, сверхъестественными оказались и свойства ребёнка; в возрасте трёх лет он был наделён даром пророчества и способностью читать невысказанные помыслы в сердцах человеческих.

Сохранились записи о нескольких случаях проявления этой силы. Однажды он был на руках у матери, когда два нищенствующих монаха подошли ко дворцу Понциано. Тут же, выпростав ручонки, Эванджелиста взял у Франциски милостыню, которую она обычно подавала таким посетителям, и протянул им; но при этом, пристально глядя на одного из монахов, молвил ему: «Почто ты вознамерился совлечь сей святой хабит? Ты облачишься в более мягкий; но горе тебе, позабывшему обет бедности».

Монах покраснел и отвернулся; но вскоре стало очевидно, что слова те были пророческими, ибо в течение краткого времени – после обретения епископства посредством симонии – сей несчастный умер злой смертью. В том же году Эванджелиста однажды оказался у родителей в комнате; и отец, подняв его себе на колени, играл с ним и осыпал поцелуями. В разгар потехи ребёнок вдруг побледнел и, схватив кинжал, лежавший на столе, приставил его остриё к боку Лоренцо и сказал, глядя отцу в лицо со странной грустной улыбкой: «Вот что они сделают с тобой, отец мой». И так случилось, что во время вторжения в Рим войск Владислава Дураццо сеньор Понциано был опасно ранен именно в том месте и тем способом, каковой указал его сынишка.

Эванджелисте не исполнилось ещё и трёх лет, когда родилась его младшая сестра Аньезе, которая по красоте, небесной мягкости нрава и не по годам развитой набожности оказалась точным подобием своего брата. Вскоре после родов Франциске было видение, убедившее её в том, что однажды Бог потребует это дитя Себе. Она увидела, что в комнату заперхнула голубка ослепительной белизны, державшая в

клюве крошечную зажженную свечу; сделав в воздухе два-три круга, птица присела на колыбель к Аньезе, коснулась свечой её лба и членов, тихонько взмахнула крыльями и улетела прочь. Узрев здесь знамение того, что девочка призвана к монашеской жизни, Франциска воспитывала её так, словно бы та была драгоценным залогом, который ей передали лишь на время и который нужно будет вернуть в неотдалённый срок. Она ухаживала за дочкой с еще большей (если это возможно представить) заботой, чем за её братом; ни на мгновение не оставляя её и исполняя по отношению к ней обязанности служанки наряду с материнскими. Она держала её в полном уединении, никогда не выводя на улицу, кроме как в церковь; учила любить Иисуса безмерно — даже больше, чем родителей, — и занимала её описаниями восхитительных совершенств драгоценного сего Спасителя. Она поощряла дочь соблюдать безмолвие, работать руками в установленное время, учила читать по книгам житий святых дев и мучеников. Характер и склад ума Аньезе в точности соответствовал чаяниям её матери, а поведение было столь совершенно, что все знакомые обычно называли её маленькой святой или ангелочком.

На младенческие годы Эвангелисты и Аньезе пришлась самая бедственная пора для несчастных жителей Рима. Раздоры, возникшие вследствие раскола и интриг Владислава Неаполитанского, полностью лишили город покоя и превратили его в поле битвы, где ежедневно происходили кровавые столкновения. Мир, казалось, лишился самих начал единства. Народы и государи Европы, предавшись самым себялюбивым расчётам, перестали признавать главного пастыря Церкви, а Вечный город, как никакое другое место, стал ареной беспощадных столкновений и кровавых заговоров. Когда 1406 год принёс временное подобие мира, Франциска и Ванноцца воспользовались этой передышкой, чтобы еще раз посетить некоторые из отдаленных церквей и, как прежде, навестить бедняков. Они ходили туда пешком на рассвете в сопровождении Риты Челли, уже упомянутой молодой особы, и Лючии дельи Аспалли, набожной замужней женщины, что была близкой родственницей семьи Понциано. По пути они пели псалмы и литании либо же предавались благочестивым размышлениям, а после нескольких часов молитвы перед алтарями, которые они поочерёдно посещали, подруги старались оказаться дома к тому времени, когда там требовалось их присутствие. В ту беспокойную эпоху слову проповедника редко внимали, однако проповеди порой звучали — францисканцы и доминиканцы читали их в церквях Арачели (Ara Coeli — «Алтарь небесный», базилика Санта-Мария-ин-Арачели. — прим. пер.) и Санта-Мария-сопра-Минерва, где наши святые по такому случаю обязательно присутствовали. Их духовник дал им позволение причащаться несколько раз в неделю. То было право, которое редко давали и редко просили в те рассеянные времена. Благословенным обычаем ежедневного общения, повсеместно господствовавшим среди первых христиан, — действием, что землю превращает в небо, а юдоль плача преображает в райский сад мира и радости, — почти полностью пренебрегали или соблюдали его только в каких-то немногочисленных монастырях. Обе сестрицы обычно причащались в церкви св. Цецилии, ближайшей к их дому. Один из священников этого прихода был возмущен частотой их причастий и убедил себя в том, что женщины столь молодых лет и такого высокого общественного положения никак не могут обладать необходимым для того душевным расположением. Однажды этот несчастный дерзнул дать Франциске неосвященную облатку, но Бог тотчас же открыл грех священника святой, а она сообщила о том своему духовнику. Когда дон Антонио открыл изумленному обидчику тайну, которую тот хранил глубоко внутри, незадачливый священник с глубочайшим сокрушением исповедал свою вину, просил прощения у Бога, принёс извинения святой и воспринял это унижение как урок, предостерегающий от необдуманных суждений.

Брань, которую сатане было попущено вести против Франциски, стала в ту пору её жизни ещё ожесточённое. Враждебность злого духа выражалась в нападениях наяву и призрачных устрашениях, в мистических, но при этом ощутимых страданиях, поражающих все чувства и истязавших все нервы; но Всемогущий Бог попустил это, ибо святая относилась к числу избранных восходить через многие скорби по крутой тропе, усеянной терниями и объятой тьмой, на которую, однако же, временами пробивается луч неземного сияния. <...>

Как-то раз, уже стоявшая на пороге и готовая направиться в базилику Святого Петра, Ванноцца силой злого духа была сброшена вниз по дворцовой лестнице и упала к ногам сестрицы своей, которая в тот же миг услышала в ушах чей-то шёпот: «А ведь я мог бы убить твою сестру и довести бы тебя до отчаяния», но в то же мгновение внутреннее озарение повелело Франциске поднять распростёртое тело подруги и нанести на ушибленные члены мазь, которая мгновенно облегчила боль от падения. В другой раз наша святая была поднята за волосы и на несколько минут повисла в некоей пустоте, но с совершенным спокойствием воззвала к Иисусу и через мгновение благополучно оказалась в своей комнате. Первое, что она сделала, – отрезала свои прекрасные волосы и принесла их в жертву благодарения Тому, кто спас её от рук адского врага. Это лишь несколько примеров такого рода искушений – Франциска так или иначе подвергалась им всю свою жизнь, но, за исключением отдельных случаев, упоминать их в дальнейшем нет нужды.

В 1409 году, когда ей было около двадцати семи лет, на неё навалились земные невзгоды. После того, как Владислав Неаполитанский воспользовался поддержкой врагов папы и в 1408 году обманным путем завладел Римом, он оставил после себя губернатором города графа Пьетро Трайя, грубого и свирепого вояку, прекрасно умевшего потрафить буйным страстям своего господина. Он постоянно искал повода к преследованию тех римских дворян, что оставались верны делу Церкви. В этом ему содействовали приверженцы семейства Колонна и некоторых других могущественных родов, которые поддерживали притязания антипапы Григория XII и Бенедикта XIII против законного понтифика Александра V, недавно избранного на Пизанском соборе. Войска Людовика Анжуйского, соперничавшего с Владиславом за власть в Неаполитанском королевстве, тем временем вошли в ту часть Рима, что носила название Леонинской стены, овладев Ватиканом и замком Святого Ангела. Произошло несколько стычек между силами узурпатора и войсками Папы и Людовика Анжуйского. Лоренцо Понциано, являясь по своему рождению и дарованиям самым выдающимся человеком в своей партии и ярким сторонником законного дела, командовал папской армией при одном из таких столкновений и лично участвовал в битве с воинами графа Трайи. В разгар боя он был узнан с противной стороны и стал главной целью ударов. Сражаясь с героической отвагой, он уже рассеял было нападавших, когда вдруг, как и предсказывал Эвангелиста за год до того, чей-то кинжал предательски вонзился ему в бок и нанес такую глубокую рану, что он пал наземь и был сочтён мёртвым. Страшную новость доставили во дворец Понциано и объявили Франциске. Мука, отразившаяся на её лице, исполнила присутствующих сострадания; но замерла она, как бы скованная и подавленная горем, лишь на мгновение.

Сдержав усилием воли взрыв рыданий и рвущийся из сердца крик, она тут же возвела пристальный взор на небеса, простила убийцу, предала Богу жизнь Лоренцо и свою собственную, пробормотав слова Иова: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1:21). Затем, спокойная, собранная, готовая вынести

всё, она отважно вышла навстречу медленно приближавшейся кучке людей, несших к дому её убиенного мужа. Когда его положили в приёмном зале дворца, она опустилась рядом с ним на колени и, приблизив свое лицо к его лицу, уловила в чертах, на первый взгляд безжизненных, слабые признаки сохранившейся жизни. Внезапный всплеск надежды не лишил её самообладания. Она немедленно попросила окружающих послать за священником и врачом; а затем, склонившись над Лоренцо, стала уговаривать его словами, внятными разумению умирающего – самыми ласковыми и пламенными из тех, каковые в такую минуту могла подсказывать ей нежность и благочестие, – приготовить душу к последнему восхождению; простить врагов, а особенно своих убийц; твердо уповать на Бога и соединить свои страдания со Страстями Господними.

Во дворце царил дикая неразбериха. Туда-сюда сновали вооруженные люди; лязг оружия смешивался с причитаниями слуг; со всех сторон доносились рыдания женщин и вопли детей, клятвы мести, тяжкие и громкие проклятия, безумные стенания. Одна только Франциска оставалась ангелом мира посреди буйства страстей и скорбных излияний. Именно её горе было самым острым, но, сдерживаемое силою многоопытной веры, оно не мешало исполнению долга и не вызывало колебаний ни перед каким испытанием. День и ночь святая бодрствовала у ложа Лоренцо. Её опыт в уходе за больными и в перевязке ран позволил ей оказать ему самую обстоятельную и действенную помощь. Её неусыпная любовь, её нежное усердие были вознаграждены: ради неё Бог сохранил жизнь, гораздо более ей дорогую, чем собственная. Вопреки всем ожиданиям Лоренцо постепенно выздоравливал, хотя ещё долгое время оставался в опасном состоянии.

Тем временем граф Трайа, теснимый со всех сторон, почувствовал, что придётся оставить Рим; но в озлоблении решил сначала отомстить наиболее преданным папе семьям, прежде же всего – семье Понциано, к которой питал особую неприязнь. Таким образом, он пленил Палуццо, мужа Ванноццы, и держал в заточении, а узнав, что у Лоренцо есть сын восьми-девяти лет, приказал отдать этого мальчика в качестве заложника и поклялся, что в случае отказа предаст Палуццо смерти. Вот теперь испытания Франциски почти непосильны, теперь чаша мук её полна до краёв. Ей не у кого спросить совета; с Лоренцо она советоваться не смеет: страшная правда может убить его. Легко другим говорить: «Отдай ребёнка», а она смотрит на его ясное лицо, в его невинные глаза, на безупречно чистое его чело... Она не может, не хочет, не должна его отдавать! О, кто бы дал ей крылья, как голубки, чтобы улететь (ср. Пс. 54:7) и унести его отсюда! Она берёт его за руку и, как вторая Агарь, уходит, не ведая куда. Это какой-то позыв, порыв, наитие. Просто материнское сердце велит ей бежать от ужасной неразрешимой задачи, спасти своё дитя от супостата, ведь он ищет большего, чем его жизнь, — он желает погубить его душу. По глухим улочкам, в безлюдные уголки города она идёт, стиснув руку мальчика судорожной хваткой, с одной лишь мыслью – спрятать его ото всех взоров. Внезапно она останавливается; перед ней стоит дон Антонио, её давний наставник, который вёл её по злачным пажитям, где покоилась душа её (ср. Пс. 22:2). Он спрашивает её и слышит бессвязный рассказ о её страхах, муках и бегстве. В сверхъестественном прозрении он видит смысл этого испытания и подвергает её веру испытанию. «Франциска, — сказал он, — ты бежишь, спасая ребенка; Бог же повелевает мне сказать, что тебе должно отвести его на Капитолий — только там он будет в безопасности; а ты иди в церковь Арачели». Ожесточенная борьба вспыхнула в сердце Франциски — никогда его не сотрясала буря сильнее этой. «На Капитолий?! – готова закричать она – Как раз на Капитолии его и ждёт супостат!» Но ещё и не вымолвленные слова замирают на ее губах. Благодать возобладала; вера святой явила свою мощь. Безумное выражение пропадает из её глаз; в молчании она

склоняет голову и твердым шагом возвращается назад, повинувшись рекшему от имени Божия. Между тем молва об этом событии распространилась по Риму, и на более людных улицах, по которым ей пришлось пройти, поднялся крик жалости и ужаса. Толпы теснятся вокруг неё и молят её повернуть назад; ей говорят, что она сошла с ума, раз отдает ребёнка, пытаются отобрать его у неё и насилу воротить в отцовский дворец; но вотще. Она отмахивается от них и продолжает свой путь, пока не достигает Капитолия. Тут же она напрямик подошла к стоянке неаполитанского супостата и отдала ему мальчика; а затем, ни разу не оглянувшись, поспешила в церковь Арачели, пала ниц к стопам Матери Милосердия и перед этим священным образом, дорогим и по сей день всякому родителю-католику, молитвенно принесла в жертву своё дитя, свою жизнь, свою душу, всё то, что в тот час была готова отдать. Тогда в первый раз поток слёз облегчил её стеснённое сердце; и, взглядевшись в изображение, она увидела, как голубиные глаза Пресвятой Богородицы приняли нежнейшее и ободряющее выражение, а до ушей донёсся шёпот слов, желанных, как роса для жаждущей земли, сладостных, подобно пению птиц после ухода бури: «Не бойся; Я тут, Я помогу».

Покой снизошёл на Франциску; она почувствовала уверенность, что сын её в безопасности, и на коленях, в безмолвной молитве, стала ждать, что случится. И ожидание её не было долгим. Когда она скрылась с глаз графа Трайа, он приказал одному из офицеров посадить маленького Баттисту к себе на коня и увезти его в указанное им место; но с того мгновения, как ребёнка посадили в седло, никакими усилиями не удавалось заставить животное тронуться с места. Напрасно всадник подгонял его шпорами и кнутом: ни сильнейшие удары, ни знакомый хозяйский голос не помогли сдвинуть коня ни на пядь с того места, где он стоял неподвижно, как статуя. Четверо неаполитанских рыцарей повторили попытку, перепробовали по очереди четырёх скакунов, и всякий раз с одним и тем же итогом. Есть в мире сила посильнее человеческой воли; есть мощь превыше злоумышления людского. Охваченный глубинным ужасом и смятением при виде очевидного знамения, граф Трайа отказался от непосильного состязания и приказал вернуть дитя матери. И вот, перед алтарём Арачели, у подножия того самого образа, где Франциска поверглась в смятении и обрела надежду, когда надежда, казалось, уже иссякала, она вновь обняла сына своего возлюбленного и благословила Бога, наделившего её силами пройти через самое суровое из своих испытаний.

ГЛАВА VI. ВОЙСКА ВЛАДИСЛАВА РАЗОРЯЮТ РИМ. СМЕРТЬ ЕВАНДЖЕЛИСТЫ. ГОЛОД И ЧУМА В РИМЕ. ФРАНЦИСКА ПОМОГАЕТ ГОЛОДАЮЩИМ И БОЛЬНЫМ. ЧУДЕСА ЕЁ.

Папа Александр V умер в Болонье в 1410 году. Шестнадцать кардиналов собрались в этом городе и избрали его преемником Бальтазара Коссу, принявшего имя Иоанна XXIII (антипапу, папа с таким именем (до интронизации — Анджело Джузеппе Ронкалли) занимал престол св. Петра с 1958 по 1963 гг. – прим. пер.). Пока длился конклав, Владислав воспользовался удобным случаем, каковой представило междуцарствие, чтобы ещё раз двинуться на Рим; и, войдя в Велетри, грозил городу вторым вторжением. Когда новый папа возобновил союз с Людовиком Анжуйским, они объединили силы против Владислава и попытались отбросить его с занимаемой позиции. В первом сражении их оружием сопутствовала удача, но, когда сразу после победы Людовик отвёл свои войска, Владислав, обманув Святого Отца притворным миролюбием, завладел Римом и отдал его на разграбление. Ужасное это вторжение и последовавшее за ним разорение по свирепости превзошли почти все бедствия, что прежде постигали столицу христианского мира. Многие дворцы и дома были

разрушены, базилики лишились сокровищ и были осквернены гнуснейшими оргиями, храмы превращены в конюшни, а многие из верных приверженцев Церкви подверглись пыткам или были варварски умерщвлены.

Братья Понциано были среди первых сторонников Папы; и Лоренцо, едва оправившийся от долгой болезни, внял уговорам друзей бежать от ярости завоевателя и скрыться в отдалённой провинции. Вывести жену и детей было невозможно; и Франциска осталась, подвергнувшись череде тяжелейших бедствий. Богатство семьи состояло главным образом из загородных владений и огромного поголовья скота, разводимого на этих обширных угодьях; и вот, день за днём поступали известия, что то или иное хозяйство сожжено или разграблено, стада разогнаны или истреблены, а пастухи убиты безжалостной солдатнёй. Перепуганные крестьяне бежали в город и пугали обитателей дворца страшными рассказами о смерти своих товарищей и о непрерывном истреблении имущества. Вопль отчаяния пролетал от горы Соракта до Альбанского холма, достигал берегов Средиземного моря и отзывался во дворцах Рима, внося смятение в сердца его разорённой и сломленной духом знати.

Франциска принимала эти вести с болью в сердце, ведь сочувствие к страданиям других не позволяло ей оставаться равнодушной среди столь жутких несчастий. При этом, когда её единственным занятием стало утешать скорбящих, она ни на миг не теряла своего обычного душевного равновесия: когда она узнавала об очередной беде, её побуждением было благословить Бога и принять из Его рук всё, что предначертано Провидением. Хорошо, что она была смиренна и усвоила урок отваги у подножия Креста; ибо, подобно разливу вешних вод, несчастья прибывали с каждым днём, угрожая затопить всё помимо вершин непоколебимой веры. В одно роковое утро во дворец ворвалась толпа свирепых головорезов, опьянённых яростью и выкрикивающих богохульства; они требовали Лоренцо и грозили слугам истязаниями, если те немедля не выдадут его убежища; а закончили тем, что унесли Баттисту, который напрасно цеплялся за шею матери и силой был разлучен с нею. Когда им удалось вырвать ребёнка из её объятий, они приступили к грабежу и едва не разрушили освящённое веками родовое гнездо Понциано. За несколько часов великолепное жилище превратилось в груды развалин. Лишившись мужа, сына и всех средств к жизни, Франциска с двумя младшими детьми осталась одинока и беззащитна, ибо её зять Палуццо, который мог бы поддержать её в тот страшный миг, всё ещё оставался пленником в руках супостата; теперь и её невинного мальчика постигла та же участь. Точно неизвестно, как долго длилось пленение Баттисты; но можно предположить, что нашёлся способ освободить мальчика и отправки его к Лоренцо; ибо есть упоминание, что в ту пору, когда бедствия прекратились и в Риме восстановился мир, отец и сын вернулись в город вместе.

Тем временем Франциска укрывалась в закутке своего разорённого обиталища; и там вместе с Эванджелистой и Аньезе ей удавалось жить в полнейшем уединении. Эти двое детей были теперь единственным утешением матери, так как основным занятием её стало их воспитание. Эванджелиста, повзрослев, никоим образом не обманул обещаний, кои внушал во младенчестве. Он жил, уподобившись ангелам и святым, более, казалось, подходя для их общества, чем для какого-либо земного товарищества. «Быть с Богом» – лишь это было его блаженной мечтою. Хотя ему едва исполнилось девять лет, он уже помогал матери во всех трудах, коих требовало воспитание Аньезе.

Однако час новой жертвы был близок. Беда не заставила себя долго ждать: второе вторжение в Рим привело к страшному голоду, за которым, в свою очередь,

последовало лютое моровое поветрие. После того, как один или два случая повальной заразы обнаружались во дворце Понциано, заразился и Эванджелиста; а однажды утром Франциске сказали, что сын её возлюбленный умирает. Едва мальчик приметил первые симптомы чумы, он попросил духовника. Он нисколько не сомневался, что это его последний час; и Франциска тоже так считала. Дон Антонио поспешил к постели мальчика, который, исповедовавшись, послал за своей матерью и, взяв её руку в свою, обратился к ней со следующими словами:

«Маменька, я часто говорил тебе, что Бог не оставит меня надолго с тобою; что Он возьмёт меня обитать со Своими ангелами. Иисус — моё сокровище, моя надежда и радость. Я всегда жил с Ним в мыслях, в желаниях, в невыразимых стремлениях. Каждый день я говорил: «Да придет Царствие Твое», и ныне Он призывает меня туда. Готов венец для меня, мама моя любимая! Господь вот-вот вручит его мне, и мы должны будем ненадолго расстаться. Но благослови имя Его, матушка! Восхвали Его вместе со мной; ибо Он избавляет меня от всего, что грозило мне на земле, чего ты по любви своей опасалась. Там, куда Я иду, нет ни греха, ни печали, ни болезни. Ничего, кроме мира, и радости, и богосозерцания нет в том лучшем краю, где меня ожидают блаженные. Негоже мне видеть, как ты плачешь. Я не позволю тебе горевать. Возрадуйся вместе со своим ребёнком, ибо я уже вижу их, моих небесных заступников: святого Антония и святого Валерия. Они идут забрать меня. Дорогая мамочка, я буду молиться за тебя. Эванджелиста будет любить тебя на небе так же, как он любил тебя на земле, и вы свидитесь там».

Умиравший мальчик некоторое время молчал. Затем внезапный свет озарил лицо ребёнка, и его черты, казалось, преобразились. Подняв глаза с восторженным выражением, он воскликнул: «Вот ангелы пришли, чтобы забрать меня. Дай мне благословение, матушка. Не бойся. Я никогда не забуду тебя. Да благословит Бог тебя и папеньку, и всех в этом доме. Да будет имя Господне благословенно!» Потом, скрестив на груди ручонки, он склонил голову; последняя улыбка скользнула по его лицу... И юный дух его преставился в царство бескрайнего блаженства.

Трогательное знамение, как раз чтобы ободрить сердце нашей святой, произошло в тот же день в соседнем доме. Маленькая девочка, уже давно опасно больная и совершенно потерявшая дар речи, в ту самую минуту, когда скончался сын Франциски, вдруг приподнялась в постели и несколько раз воскликнула громким голосом, явно в состоянии исступления духа: «Смотрите, смотрите! как красиво! Эванджелиста Понциано возносится на небеса, а с ним два ангела!» Останки мальчика были помещены в семейный склеп в церкви св. Цецилии в Трастевере. Там был возведён памятник с простой надписью: «Здесь покоится Эванджелиста Понциано», и на камне вырезана фигура, облачённая в длинную одежду.

Франциска оплакивала потерю своего горячо любимого ребенка, но не скорбела о нем. Да и как бы она могла? Ведь он пребывал в раю и всего лишь опередил её на пути к небесам, куда она день за днем готовилась отправиться. Да и недосуг было предаваться печали. Голод и мор обратили Рим в склеп. Дикие вопли о хлебе доносились со всех сторон. Улицы были заполнены жертвами заразной болезни; безумные крики и жалобные стоны несчастных эхом отдавались на каждой площади и под каждым портиком. Старики умирали среди трупов своих детей; матери прижимали к лишённому молока грудям изголодавшихся младенцев. Иные бродили кругами, лишившись всех родных, и, словно бледные призраки, вновь и вновь возвращались в места, где были некогда счастливы. Не гремели повозки по большим дорогам, на

запустелых улицах прорастала трава; и одна лишь мрачная телега медленно двигалась по обреченному городу, собирая мертвецов у каждой двери, и, наполнившись жутким грузом, отвозила его на переполненное кладбище. Разорение хозяйств, всеобщее обнищание, вызванная свирепствами Владислава, разграбление Рима его солдатами пресекали почти все источники частной благотворительности. Тревога за себя и боязнь заразиться так глубоко сказались на нравах большинства, что многие бросали даже близких родственников и друзей, когда тех поражала чума. Лишь милосердие божественного, а не естественного происхождения, могло в какой-то мере справиться с ужасными страданиями тех дней. Франциска, лишившись всего, кроме единственной своей девочки, живя вместе с Ванноццей и Ритой в закутке разорённого дома, больше не располагала прежними средствами на помощь нищим. Этим одиноким женщинам время от времени поступало немного еды из их разоренных поместий; но сами они почти не вкушали её, стараясь отдавать большую часть больным и нищим. В нижней части дворца находился большой зал, пострадавший меньше, чем все прочие части здания; там, по крайней мере, можно было укрыться от непогоды. Сёстры превратили его во временную больницу; из остатков обстановки, разбросанных по всему дому, они ухитрились соорудить кровати и одеяла, а такжешить одежды для несчастных, которых собирались принять к себе. Когда все было готово, они отправились на поиски страдальцев. Если кто-нибудь оказывался слишком слаб, чтобы ходить, они переносили их в свой приют; там омывали и перевязывали зловонные язвы, и способами, которые часто применяли святые и сама мысль о которых едва переносима для нас, одолели в себе всякую брезгливость к зрелищу, против которого восстают чувства, и занятиям, вызывающим природное отвращение. Они готовили как лекарства, так и пищу; присматривали за больными днём и ночью; непрестанно трудились ради их тел, но и ещё – для душ. Много людей выздоровело благодаря заботе Франциски, но ещё больше исцелилось от самой страшной болезни души – ожесточенной нераскаянности пред справедливым судом Божиим. Она владела искусством пробуждать в людях страх Божий, не доводя их до отчаяния; помогала взглянуть на страдания как на средство искупления (великий католический секрет утешения) и умела постепенно подвести их к покаянию, к исповеди, к готовности выполнять давно забытые обязанности и следовать тем христианским добродетелям, пример которых их сердца созерцали в ней самой.

Пример, поданный разорёнными и беззащитными невестками Понциано, воспламенил благую ревность в душах доселе остававшихся безразличными жителей Рима. Городские магистраты, пораженные видом таких беспримерных усилий при столь скудных средствах, пробудились от бездействия, и вот, в некоторых частях города, особенно в приходах св. Цецилии и Санта-Мария-ин-Трастевере, были открыты больницы и приюты для множества погибающих. Всё чаще и чаще Франциска и Ванноцца встречали рассвет, не имея ни крошки еды ни для себя, ни для своих подопечных. Тогда они снова, как прежде, выходили просить милостыню, но уже не просто ради смирения, не сообразно своему положению одетые, не только в те места, где имя их вызывало почтение и наверняка встретило бы благоприятный ответ. Теперь они стояли в нищенском одеянии там, где обычно собирались побирушки, а состоятельные особы раздавали милостыню; стояли и с благодарностью принимали крохи, падавшие со столов богачей.

Каждый обьедок, каждый обрывок одежды они с радостью приносили домой; причём себе откладывали самый заплесневелый кусок хлеба из сумы, а что получше уделяли гостям своим. <...>

В жизнеописаниях нашей святой рассказывается, что в одном из упомянутых выше случаев, когда, чтобы обеспечить своих больных подопечных, ей оставалось лишь просить милостыню, она направилась в базилику Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура («Св. Лаврентия, что за городскими стенами»), где в тот день проходила «станция», и расположилась среди толпы попрошайек, которые там по обычаю собрались. От восхода солнца до звона вечернего колокола она сидела рядом с калеками, уродцами и слепцами. Подобно им, она протягивала руку, радостно перенося не видимое, а по-настоящему глубокое унижение. Получив достаточно, чтобы накормить бедняков у себя дома, она встала и, подав знак спутникам, вступила в старую базилику, поклонилась Святым Тайнам, а затем пошла долгим и утомительным путём домой, всё время благословляя Бога и радуясь, что удостоилась пострадать за имя Его дорогое (ср. Деян. 5:41). <...>

У Франциски был небольшой виноградник возле церкви Св. Павла, что за городскими стенами; и в то голодное время, когда даже самомалейшие достояния должно было обращать на помощь ближним, она ходила туда и собирала в тюки и вязанки высокую траву и сухие ветки виноградной лозы. Набрав некоторое количество этих связок, она возлагала их на осла и шла по городу, останавливаясь то у одного, то у другого бедняцкого жилища, чтобы поделиться плодами своих трудов. В один из таких походов осел споткнулся и упал, а дрова, которые он нёс, откатились на значительное расстояние. Не в силах снова поднять вязанку, Франциска в изрядном смущении оглядывалась по сторонам, и как раз тогда мимо случайно прошёл римский дворянин Паоло Лелли Петруччи, друг ее мужа. Удивленный тем, что застал её в столь неловком положении, он поспешил на помощь; и она приняла её с таким безмятежным спокойствием, будто занятие это было самым естественным делом в мире.

К этому времени ее добродетелям суждено было получить дивное вознаграждение: Бог в чудесной степени наделил её даром исцеления. Многие больные, от которых оказались врачи, выздоравливали от одного лишь прикосновения её рук или по молитвам, которые она возносила за них. На момент её канонизации были хорошо засвидетельствованы более шестидесяти случаев такого рода. Франциска вполне осознавала, каким благословением был этот дар, и была благодарна за даваемую им возможность облегчать страдания других; но в то же время смирение побуждало её, насколько возможно, скрывать его. Она попыталась сделать это, приготовив мазь из масла и воска, которую наносила на больных при любом недуге в надежде, что их выздоровление всегда будет приписываться действию этой мази. Но эта святая уловка не всегда увенчивалась успехом. Врачи изучили мазь и заявили, что она сама по себе не обладает никакими целебными свойствами. Однажды, войдя в госпиталь Трестевере, Франциска обнаружила там бедного погонщика мулов, которого только что внесли туда; его нога была изувечена косой и находилась в таком ужасном и безнадежном состоянии, что хирурги собирались ампутировать конечность. Франциска, услышав крики несчастного, склонилась над ним и стала увещать его к терпению, а затем, обещав скорое облегчение, нанесла немного своей мази на его искалеченную ногу. Раны мгновенно закрылись, боль пропала, и вскоре после этого погонщик мулов вернулся к своим обычным занятиям.

Несколько дней спустя обе сестрицы возвращались домой из базилики св. Иоанна Латеранского и, проходя мимо моста Санта-Мария (ныне Понте-Ротто, где напротив Храма Весты стоит очень древняя церквушка), они увидели распростертого на мостовой человека, рука которого была перерублена мечом; не имея средств на врачебную помощь, бедолага после ранения так и лежал там в страшных муках,

которые довели его чуть не до последней черты. Франциска, исполнившись сострадания к его жалкой участи, отнесла его с помощью Ванноццы в свой дом, положила в теплую ванну, промыла рану с величайшим тщанием и умастила своей мазью. В краткий срок и без какой-либо врачебной помощи перерубленная конечность пришла в обычное состояние, и наступило полное выздоровление.

Чаша, в которой св. Франциска готовила это чудесное лекарство, хранится в монастыре Тор-ди-Спекки. Во время новенны святой, когда двери распахиваются перед толпами боголюбцев, она выставляется на столе в притворе, и монахини ежедневно наполняют её свежими благоухающими цветами – фиалками, первоцветами, анемонами и подобными им. <...>

Примерно в это же время произошло ещё более дивное чудо. Франциска с верной своей спутницей Ванноццей ходили по церквам в той части Рима, которая носит название Рионе-де-Монти. Проходя мимо невзрачного на вид жилища, они услышали душераздирающие рыдания и крики. Остановившись, чтобы разузнать о причине такого отчаяния, они обнаружили мать, неистово плачущую над телом ребенка, умершего через несколько часов после рождения без крещения. Франциска мягко попеняла женщине за промедление, поставившее под угрозу спасение её сына; затем, взяв трупик на руки, произнесла горячую молитву и через мгновение вернула младенца матери, живого и совершенно здорового. Она настояла, чтобы та немедленно крестила дитя, а затем обратилась в бегство, надеясь остаться неузнанной; и на самом деле женщина, чьего ребёнка она спасла, ни разу её не видела и какое-то время гадала, не посетил ли её ангел в ином облики; однако описание платья и сотворенное чудо убедили всех, кто слышал об этом, что гостья была не кем иным, как женой Лоренцо Понциано.

Сострадательная к другим, Франциска была безжалостно сурова к себе; её подвиги шли в ногу с возрастанием святости. Ей были даны силы вести образ жизни, который непременно разрушил бы её здоровье, если бы не поддержка свыше. Она спала всего два часа, да и то на узкой доске, покрытой лишь грубой циновкой. Постоянная война, которую она вела с телом, способствовала всё более полному подчинению его духу; чувствами же она владела в столь совершенной мере, что естественное отвращение пропало, а высшая часть души господствовала над более низкими позывами и склонностями плоти. Такова была её духовная опытность в возрасте двадцати девяти лет.

ГЛАВА VII. ЯВЛЕНИЕ ЭВАНДЖЕЛИСТЫ. АРХАНГЕЛ В ЗРИМОМ ОБЛИКЕ НАЗНАЧЕН ФРАНЦИСКЕ ХРАНИТЕЛЕМ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Эванджелиста умер около года назад. Его образ всегда присутствовал в сердце матери; в духе она видела его у ног Господа. Никогда, даже в глубине души, не чувствовала она желаний вернуть его с обретённых им небес в земной дом, который он оставил пуст (ср. Мф. 23:38); но и забыть ни на миг не могла возлюбленное дитя своё, не могла перестать взывать к нему как к небесному хранителю, сродни тем, что так долго осеняли её путь. Её вера и покорность были щедро вознаграждены. Бог даровал Франциске видение её чада на небесах, и послал Эванджелисту возвестить матери об одной из самых необычайных милостей, которые когда-либо были оказаны дочери Адама. Однажды утром Франциска молилась в своей моленной, и вдруг заметила, что комнатка сверхъестественно озарилась: таинственный свет струился со всех сторон, и его сияние, казалось, проникало не только в её внешние чувства, но и в самые

сокровенные глубины её существа и будило в душе дивное ощущение радости. Она подняла глаза, и вот – перед нею Эванджелиста. Привычный облик его не изменился, но черты преобразились и лучились ныне неизреченным великолепием.

Подле него стоял некто такой же стати и роста, как он сам, но ещё прекраснее. Губы Франциски шевелятся, но тщетно она силится что-то сказать; радость и ужас мгновения слишком сильны. Её сын приближается к ней и с ангельским выражением любви и уважения склоняет голову и приветствует её. Тогда уж материнские чувства берут своё; она забывает обо всём, кроме того, что тут рядом её ребёнок, и раскрывает ему объятия; но нет той земной оболочки, которую она могла бы заключить в них, а прославленное тело ускользает из её рук. И вот она набирается смелости и обращается к нему – правда, сбивчиво, но с трепетным пылом.

«Это правда ты? – с плачем вопрошает она. – О сын моего сердца! Откуда ты? Кто твои спутники? Где обитель твоя? Ангел Божий, думал ли ты о своей матери, о своем бедном отце? Вспоминал ли среди радостей райских землю и её страдания?»

Эванджелиста взглянул на небеса с невыразимым выражением мира и радости; а затем, устремив взгляд на мать, молвил: «Обитель моя у Бога; мои спутники — ангелы; наше единственное занятие — созерцание Божественных совершенств, — бесконечный источник всяческого счастья. Навеки соединённые с Богом, мы не имеем иной воли, кроме Его; и наш покой настолько же полон, как бесконечно Его Бытие. Сам Он наша радость, и радость эта не знает границ. На небе девять ангельских сонмов, и высшие чины ангельских духов наставляют в Божественных тайнах менее возвышенные умы. Если хочешь знать моё место среди них, матушка, да будет тебе ведомо, что Бог по Своей великой благодати назначил оное во втором сонме ангелов и в первой иерархии архангелов. Сей спутник мой выше меня по ступени настолько же, насколько разумнее и красивее обликом. Божественное Величие назначило его тебе хранителем на оставшуюся часть земного странствия. День и ночь пребывая рядом, он будет помогать тебе во всём. И среди радостей райских я ни на миг не забывал тебя или кого-либо из моих близких на земле. Я знал, что ты покоришься судьбам Божиим, но также знал, что сердце твоё возрадуется, если ты увидишь меня еще раз, и Бог попустил, чтобы я так порадовал взор твой. Но у меня есть для тебя известие, матушка. Бог призывает Аньезе: она больше не сможет пребыть у вас; место ей уготовано в Новом Иерусалиме. Утешьтесь, нет, скорее, возрадуйтесь тому, что дети ваши обрели безопасное жительство на небесах». Эванджелиста еще немного побеседовал с матерью, а затем, нежно простившись с нею, исчез; архангел же остался и до дня смерти Франциски всегда находился перед её взором.

Теперь-то она поняла смысл видения, что было ниспослано ей после рождения Аньезе. Не в монастырь, а прямо на небеса звал Бог её юную дочь; и в течение нескольких оставшихся дней её земной жизни Франциска ухаживала за девочкой с нежностью, смешанной с благоговением; глядя на неё как на человека, что уже почти и не принадлежит к суровому миру, ведь ей предстояло его совсем скоро покинуть. И избранное дитя Божие, маленькая дева, на коей почил от полёта таинственная голубка, вскоре увяла, как цветок в затхлом воздухе, вскоре подарила любящей матери последний поцелуй и последнюю улыбку, и её кроткий дух отправился на поиски родимой братниной души. Они были похоронены вместе; и вот настал для Франциски тот день, когда вовсе исчезло земное счастье, когда жизнь, оставив ей обязанности, утратила всякую радость; и отныне – вот ведь, какой урок в этой истории! – Ангел Божий зримо стоял рядом с нею и никогда не покидал её.

Когда Эванджелиста простился с матерью, она пала ниц наземь и благословила Бога за Его великую милость к ней, ничтожнейшей из грешниц, за каковую она считала себя; а затем, обратившись к стоявшему рядом ангелу, умоляла его быть ей руководителем и наставником; указывать путь, по которому должно идти; сражаться вместе с нею против сатаны и слугителей его; и учить её каждый день становиться всё более похожей по духу на его и её Господа. Когда она вышла из моленной, архангел последовал за нею и, окутанный ореолом света, навсегда остался видим для неё, хотя и незаметен для других. Сияние, окружавшее его, было так ослепительно, что редко она могла воззреть на него неподвижным взором: ночью и даже в кромешной тьме она всегда могла писать и читать при свете этого сверхъестественного блистания. Однако порой, когда она молилась или беседовала со своим наставником или вступала в борьбу с лукавым, она могла видеть его облик совершенно отчетливо и, по приказу дона Антонио, описывала его так: «Ростом он, — говорила она, — с ребенка лет девяти; облик его исполнен благости и величия; очи его обычно обращены к небесам, и словами не описать божественной чистоты сего взгляда. Лик его всегда безмятежен, а взоры зажигают в душе пламя ревностного благоговения. Взирая на него, я понимаю славу ангельской природы и униженное состояние нашей собственной. Облачён он в длинный сияющий хитон, а поверх – мантия; то белая, как полевые лилии, то цвета красной розы, то оттенка глубочайшей небесной синевы. Когда он ступает рядом со мной, ноги его никогда не пачкаются ни уличной грязью, ни дорожной пылью».

Поведение Франциски стало теперь совершенно безупречным. Ведь по особой милости Божией ей был назначен спутник из лика чинов небесных; и если бы она совершила какой-нибудь проступок, ошибка уже не могла бы послужить ей оправданием. Её деяния, слова и помыслы всегда должны были теперь равняться на безгрешное Существо, которому предстояло руководить ею на протяжении всего её земного странствования. То была жуткая ответственность, устрашающий дар; но, уповая на благодать Божию, хотя и вполне сознавая свою немощь, она не уклонилась от этой задачи. Её сильнейшим желанием всегда было достичь совершенного соответствия Божественной воле, а ныне благодаря таинственному наставлению она обрела средство досконального понимания этой Воли. В борьбе с лукавым архангел стал ей щитом ограждающим; лучи света, исходившие от лика его, обращали бесов в отчаянное бегство. Под такой защитой святая не боялась ни козней, ни ярости сатаны.

Лик небесного наставника являлся для Франциски также и зеркалом, в котором она могла видеть отражение всех несовершенств своей падшей, хотя и в значительной степени обновленной природы. Несмотря на то, что она – даже с самого раннего детства – сознавала врожденную испорченность своего сердца, тем не менее, как она часто говорила духовнику, только оказавшись в постоянном присутствии ангельского спутника, она осознала всю меру этой порчи. Так что эта божественная милость не только не превозносила её в собственных глазах, но укрепляла в глубочайшем смирении. Стоило Франциске совершить хоть малейший проступок, ангел словно бы исчезал; и только после того, как она, тщательно исследовав свою совесть, обнаруживала прегрешение, оплакивала и смиренно исповедовалась в нём, он возвращался. С другой стороны, когда её беспокоили только сомнения или навязчивые угрызения, он обычно одаривал её ласковым взглядом, тотчас рассеивавшим все её тревоги. Когда он говорил, она видела, как шевелятся его уста; и голос неопишуемой сладости, доносившийся, правда, словно бы издали, достигал её слуха. Его наставления дали ей уразуметь, главным образом, смысл тягот, которые она испытывала, занимаясь теми или иными хлопотами и обязанностями, сопряжёнными с

её положением хозяйки и главы семейства. Она чуть было не вообразила, что проведённые таким образом часы потеряны в очах Божиих; но небесный хранитель исправил её суждение на этот счёт и научил различать Божественную волю не только в великих испытаниях и важных событиях, но равно и во всяком маленьком докучливом житейском деле, в каждом пустяковом затруднении. Свет ангельского присутствия наделил её также чудесной способностью проникновения в помыслы других людей. Их грехи, заблуждения, дурные наклонности открывались ей сверхъестественным образом и часто доставляли острейшую скорбь. Благодаря этому дару она смогла обратиться к Богу множество заблудших душ, расстраивала злые замыслы и мирила самых заклятых врагов. Порой, когда дон Антонио не решался дать Франциске разрешение на тот или иной дополнительный подвиг, она говорила: «Не бойтесь, отче; архангел не позволит мне зайти слишком далеко. Он всегда сдерживает меня, когда я испытываю искушение преступить границы благоразумия». И дон Антонио верил этому, потому что его духовное чадо всегда говорило сущую истину; и в том, как она дивным образом вновь и вновь читала его самые сокровенные мысли и открывала их ему, он видел залог её правдивости, а также необычайной святости.

ГЛАВА VIII. БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ФРАНЦИСКИ. ВИДЕНИЕ АДА. РИМ ВНОВЬ ОБРЕТАЕТ ПОКОЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ МУЖА ФРАНЦИСКИ. СПОСОБНОСТЬ ОБРАЩАТЬ ГРЕШНИКОВ

Прошло четыре долгих года, в течение которых в Риме царили распри и междоусобицы, а разного рода эпидемии постоянно сменяли друг друга, унося жизни множества обитателей. В начале 1414 года Сигизмунд, император Священной Римской империи, и Иоанн XXIII договорились созвать собор в Констанце, и верные прониклись чаянием, что схизма, так долго терзавшая Церковь, близка к концу. Но этих туманных надежд на перемены к лучшему было недостаточно, чтобы уравновесить насущные злободневные страдания; и Франциска со всевозрастающей болью взирала на море греха и несчастий, затоплявших родной её город. Тяготы, труды, телесные и духовные испытания сказались в итоге на её ослабленном теле, и в ту пору она опасно заболела. Почти все знакомые и даже родные бежали от неё, ужасаясь, похоже, самой мысли о заразе. Одна Ванноцца осталась и ни на миг не отходила от её постели. Нашлись и такие, что заходили навестить её, но не для того, чтоб утешить, а напротив – упрекнуть умирающую святую в том, что они называли придурью, из-за которой чума проникла к ней под кров, поставив под угрозу её собственную жизнь ради кучки никчемных негодяев. Франциска выслушивала эти обвинения со свойственной ей кротостью, не пытаясь защититься. Душа её была совершенно мирна; она готова была с радостью принять смерть, казавшуюся теперь неизбежной; готова была искренне возблагодарить Бога за то, что борьба закончилась, а Эвангелиста с Аньезе покоятся в Его объятиях. Она с нетерпением ожидала скорого воссоединения с возлюбленными своими детьми и наблюдала за ходом болезни, как узник следит за работой напильника, расцепляющего его оковы. Порой она могла шепнуть одно-другое словечко о любви и вере Ванноцце; в прочее же время оставалась поглощена божественным созерцанием. Под сенью ангельских крыл, спокойная среди суровых страданий, она исполняла обычное своё молитвенное правило, насколько позволяли силы, а от мучительных подвигов отказалась лишь по прямому приказу духовника. Той, что исцелила такое множество больных, и заботы не было о собственном исцелении.

Однако не было воли Божией на то, чтобы она умерла так скоро. После нескольких месяцев непрерывных страданий её здоровье внезапно восстановилось. Именно в ту

пору жизни у неё были ужасные и подробные видения ада, сохранившиеся в записях и сообщающие ряд спасительных и страшных уроков. Она была восхищена в духе и пронеслась через области бескрайнего несчастья. То путешествие по «отверженным селеньям.., к погибшим поколениям» (Данте. Ад. III. 1,3), что человеческий гений однажды избрал темой величайшего своего поэтического произведения, святой было дано совершить в священном экстазе. Ангел провёл её через эти ужасающие места; и ей было дано сокровенное понимание многообразных страданий проклятых душ. Столь глубокое впечатление произвело это страшное зрелище на душу Франциски, что никогда впоследствии, во всю свою жизнь, не могла она молвить о том без слёз и трепета и часто настоятельно остерегала тех людей, которые, целиком и полностью полагаясь на милость Божию, забывали в опрометчивой своей беспечности ужасы Его справедливости. Несколько фресок в монастыре Тор-ди-Спекки, отображающих это видение, сохранились до сего дня.

Папе Иоанну XXIII и императору Сигизмунду удалось заключить союз с целью избавления Италии от невыносимого ига Владислава, короля Неаполитанского. Этот тиран собрал многочисленную армию и двинулся на Болонью; но мера беззаконий его в тот час исполнилась, и рука смерти остановила его на пути. Болезнь, вызванная крайней неводержанностью, поразила его между Нурни и Перуджей, и он умер 5 августа 1414 года. Верховный понтифик, освободившись от ужасной угрозы со стороны свирепого захватчика и уступив настойчивости кардиналов, отправился в Констанц, где ему предстояло встретиться с императором. Именно этот Констанцкий собор в конечном итоге объявил его избрание незаконным и положил конец Великой западной схизме, посадив на престол святого Петра досточтимого архиепископа Мартина V. Смерть Владислава вернула мир папскому государству и, в частности, городу Риму. С окончанием гражданских смятений прекратился голод, а вместе с ним и жуткое моровое поветрие, что так долго сопровождало его. Поля снова возделывались, крестьяне постепенно возвращались в свои хозяйства, стада беспрепятственно вышли пастись на зеленые пастбища Кампаньи, и некогда запустелые края вновь радовались при виде возвращающегося процветания.

Невзгоды братьев Понциано также подошли к концу. Они приехали из изгнания и вернули свои владения. Лоренцо и его сын — теперь единственный — Баттиста прибыли обратно домой, к жене и матери, которую так жаждали снова увидеть. И хотя казалось бы, что самая пора радоваться, к этой радости примешивалась скорбь. Лоренцо, который ещё несколько лет назад был в расцвете сил, сильным, здоровым и деятельным; который, не дрогнув, глядел в лицо любому врагу и всякому испытанию, теперь был сломлен долгими страданиями, изгнание и печали состарили его сильнее, чем года. Говорят, когда он вошел во дворец и посмотрел на жену, его грудь сотрясли глубокие рыдания, и он разразился безудержным плачем. Двое славных детишек, которых он оставил при ней, — где они? Их больше нет! Никогда больше не порадовать им его взор и не наполнить дом благозвучием милых своих голосков! Да и сама Франциска, бледная после недавней болезни, изнурённая непрерывными трудами, стояла перед ним сущим олицетворением святой жены — столь любимое им лицо её сохраняло всё то же благостное выражение, но как изменились его очертания, как увяло оно и потускнело, лишившись всякой красоты, кроме той, какую даёт святость и которую не может стереть время!

Долго и горько плакал он, а Франциска его тихонько утешала. Она рассказала ему, как ей явился Эвангелиста; как их дети, лишь немного опередив их, ныне пребывают в общении с ангелами, на которых так походили на земле. Она шепнула Лоренцо, что

один из этих ангелов теперь всегда рядом с ней; и когда он глянул на неё и вспомнил всё, чем она была для него, то, несомненно, легко в это поверил. Вразумлённый невзгодами, оказавшись больше, чем когда-либо, под влиянием своей замечательной жены, Лоренцо отныне глубже усвоил себе христианский образ жизни, оставив тот, которому следовал до сих пор. Не довольствуясь восхищением её добродетелями, он стремился подражать им и соблюдал все церковные предписания с величайшей строгостью. Только в одном его поведение не согласовывалось с принципами, которые он исповедовал, и, пока так продолжалось, это служило источником острого беспокойства для Франциски. Был один римский вельможа, который за несколько лет до того тяжко оскорбил сеньора Понциано и с которым тот решительно отказывался примириться. Это прежде было и снова после его возвращения стало для многих поводом к возмущению. Ведь чем значительнее были добродетели Лоренцо, чем выше исповедуемые им духовные начала, тем более вопиющей казалась такая очевидная непоследовательность. В этом обвиняли саму Франциску: люди всё дивились, как это она, так часто успешно примирявшая чужих и укреплявшая мир в семьях, оказалась не в силах унять вражду, позорящую ее мужа и противоречащую предписаниям вероучения. Однако в конце концов посредством терпения и кротости она совершила то, что долгое время казалось безнадежным делом. Сердца обоих противников были тронуты раскаянием. Лоренцо, который был пострадавшей стороной, даровал своему врагу полное и безусловное прощение, за чем последовало полное примирение. Эта победа над собой в том единственном пункте, за который так долго держалась упрямая природная воля, привела, как это почти всегда бывает в таких случаях, к быстрому продвижению на пути совершенства.

С той поры Лоренцо всё далее и далее отходил от общественной жизни, отказывался от тех почетных и ответственных должностей, которые навязывало ему дружественное правительство, и почти полностью предался трудам и упражнениям строгого благочестия. В общении с женой он с каждым днем все глубже проникал в тайны духовной жизни. Далекий от того, чтобы сетовать о том, сколько денег она расходует на благотворительность, о том, что в стенах его дворца разместилась больница, о том, как много трудоёмких дел милосердия творит она, или том, что долгое время проводит в молитве, Лоренцо повторил просьбу, чтобы она во всём следовала по своему усмотрению воле Божией и самому совершенному образу жизни. Франциска с благодарностью выполнила это его желание. Она строже, чем когда-либо, присматривала за поведением тех, кто был вверен её попечению, и побуждала их – скорее, даже, примером, чем указаниями – точно блюсти заповеди Божии и церковные. Деньги, находившиеся исключительно в её распоряжении, она исправно делила на две части: половина уходила на еду для нищих, остальное – на одежду и лекарства для больных. Собственный гардероб стоил ей, считай, ничего; она продолжала носить старое зелёное платье, залатанное всяческими клочками, что попадались ей под руку. Почти каждый день она ходила в свой виноградник и набирала вязанку валежника, который по возвращении раздавала. Родственники, друзья и даже слуги были раздосадованы, что она занимается таким трудом, и горько сетовали на унижение, которое они испытывали, встречая ее столь худо одетой и занятой таким убогим делом. Лоренцо не разделял этих чувств; напротив, с каждым таким случаем он смотрел на неё с возрастающей нежностью и благоговением; и, опираясь на его поддержку, на одобрение своего духовника и веление собственной совести, она мало заботилась о чужих суждениях.

Своеобразное апостольское служение, что она к тому времени начала нести в Риме, было весьма примечательно; а мощь её воздействия на людские умы и сердца

границила с чудом. Было какое-то покоряющее, неотразимое обаяние в её речах и манерах, воздействие которого сказывалось на самых разных людях. Выражение её лица, интонация голоса, само её присутствие творили чудеса, обращая и воодушевляя к добродетели тех, к кому она приближалась. Дар читать мысли других, усилившийся с тех пор, как архангел стал её спутником, позволил ей добиться ряда обращений, некоторые из случаев которых подробно описаны её биографами.

Среди таких случаев – история молодой женщины, которая, будучи опасно больна, лежала в одной из городских больниц. Франциска раздавала еду больным, а затем прислуживала у смертного одра молодого человека, который собирался принять последние таинства, и тут до её ушей донёлся пронзительный крик из одной из соседних палат. Она поспешила туда и обнаружила на узкой кровати молодую женщину, что, вытянувшись, умирала в муках полнейшего отчаяния. Едва Франциска глянула на бедняжку, как ей сверхъестественным образом открылась ужасная её история. Какое-то время назад у неё появился внебрачный ребенок, и она, под давлением стыда и ужаса, умертвила его. Сознание этого преступления приводило её в отчаяние, а исповедаться недоставало мужества. Но тут ушей женщины коснулся шёпот; кто-то, прямо перейдя к страшно мучившему её вопросу, заговорил об ужасающей участи тех, кто умирает без раскаяния и отпущения, и о безграничном Милосердии, дающем средство исцеления даже от глубочайших язв греха – это средство есть Кровь Иисусова, что омывает душу в благодати Таинства. Бедняжка долго сопротивлялась, отворачивалась и отказывалась от утешений. Но когда Франциска ещё настойчивее напомнила, как невыносимо бремя нераскаянного преступления, как животворяще смирение искренней исповеди, какое страшное смятение ожидает непрощенную душу в день Страшного суда; напомнила о любви Иисуса, нежности Марии, снисходительности Церкви, сладости прощения, покое примирения, тогда упрямое сердце сдалось, ожесточённый дух смягчился. Разрыдавшись, умирающая страдалица воскликнула: «Священника! Священника!», и при первом же возгласе сокрушения один иерей, оказавшийся как раз неподалёку, ответил на этот предсмертный крик, как Натан на исповедание царственного пророка: «Господь прощает; ты не погибнешь» (ср. 2 Цар. 12:13). А вскоре после того прощённая грешница испустила дух на руках у Франциски.

Примерно в то же время Франциска послужила средством обращения той, кто, без сомнения, с презрением отвернулась бы от бедной преступницы, лежавшей на больничной койке, с ужасом бежала бы от преступной губительницы собственного дитяти, сочтя, что и дышать одним воздухом с таковой негодяйкою вредно. И всё же, по справедливости Божией, Джентилецца была, пожалуй, столь же, а может быть, и более преступна, чем жестоко искушаемая, беззащитная, несчастная женщина, которая сначала по слабости, а затем от страха, почти безумев, впала в злодеяние; ибо была та Джентилецца богата, знатна и красива, воспитана в роскоши и неге, никогда не терзал её голод, и презрение никогда не грозило ей. Её жизнь была исполнена веселья и великолепия. Она не заботилась ни о чём, кроме мужского преклонения, фимиамов восхищения, опьянения удовольствиями. Не было ни одного правила, которым бы она не пренебрегла, ни одного священного долга, который она чувствовала себя обязанной соблюдать. Не сохранилось известий, что она совершала то, что по-людски считается дурными поступками; но к мужу она относилась с открытым презрением и высмеивала его из-за привязанности к религиозным обязанностям; своими детьми она совершенно пренебрегала, отдав их на попечение служанкам, в то время как дни и ночи её были посвящены всевозможным забавам да пустым увеселениям. Несколько знатных римлян, бывших её компаньонками, вняв примеру и увещаниям Франциски,

решились отказаться от легкомысленной жизни и начать другую, более отвечающую христианскому исповеданию; но Джентилецца лишь поглумилась и над святой, и над ученицами её, с высокомерной насмешкой заявив, что не имеет призвания носить лохмотья и таскать хворост. Совершенно равнодушная к насмешкам, которыми та всячески осыпала её, Франциска непрестанно молилась за тщеславную и заносчивую женщину, которую, казалось, было не пронять ни упрёками, ни убеждениями. Однако однажды, движимая пророческим порывом, Франциска обратилась к ней с такими словами: «Ты пренебрегаешь моими предостережениями, Джентилецца; ты смеёшься над советами своего духовника. Но помни, что Бог крепок, и безнаказанно насмеяться над Ним не удастся. Близок день, когда ты пожалеешь об упрямстве своего сердца».

Несколько дней спустя, когда Джентилецца, в ту пору беременная, спускалась по лестнице своего дворца, нога у неё оскользнулась, и она рухнула вниз головой. Слуги подняли её на руки и нашли почти что мёртвой. Врачи, вызванные в спешке, сочли её случай неблагоприятным и заявили, что ребенок безусловно должен был погибнуть при падении. Несчастливая разрыдалась, но оплакивала она не столько своё бедственное положение или смерть младенца, сколько утрату красоты, бывшей предметом её гордости и ловушкой для неё. Лицо её было так изранено вследствие несчастного этого случая, что черты его совершенно исказились, и с мятежным гневом она плакала об утраченной миловидности. Франциска, узнав о случившемся, поспешила на место происшествия и с нежнейшей заботой стала ухаживать за страдающей женщиной. С величайшей обходительностью она напомнила ей об обязанностях, которыми она пренебрегала, и об источниках благодати, которые она отвергала, и увещевала её признать в полученном наказании руку милосердного Бога. Она напомнила ей о муже, о детях, об истинном и сладостном призвании жены и матери, о преходящей природе всех земных наслаждений; и проникли эти слова в сердце, смиренное мукой и разочарованием. Как будто пелена упала с глаз страдальцы. «Бог справедлив! – воскликнула она наконец. – Я заслуживаю даже большей кары, чем та, что пала на меня. Молись за меня, Франциска Понциано; молись за меня, и... Ох, вот моё обещание: если Бог сохранит мне жизнь, я оставлю все злые пути свои и отныне стану христианской женой и христианской матерью; да поможет мне Бог, которого я так тяжко оскорбила!» Франциска склонилась над женщиной и обняла её; она увидела, что раскаяние было искренним, а потому велела ей утешиться, заверив, что её раскаяние будет принято. Так и случилось; ибо Джентилецца благополучно родила здоровую девочку, и со временем к ней вернулось не только здоровье, но и красота, которую она прежде обращала во зло. Теперь же, верная своему обещанию, она перестала злоупотреблять дарами Божьими и посвятила себя усердному исполнению своих обязанностей, стала близкой подругой Франциски и одной из самых благочестивых и примерных матрон в Риме.

Среди родственников святой был юноша по имени Джованни Антонио Лоренци, нрава свирепого и до крайности буйного. Будучи, как ему показалось, оскорблён другим римским дворянином, он поклялся, что лишит его жизни, и стал затевать смертоубийство. Ангел Франциски открыл ей преступный замысел Джованни, когда он только вынашивал его в сердце. Святая тотчас послала за дворянином, бывшим предметом его враждебности, и велела ему, коли дорога жизнь, не покидать своего дома в течение известного числа дней и, не сообщив о причине просьбы, заручилась его обещанием на этот счет. Тем временем она сообщила Лоренци, что знает о его предосудительной затее, и убедила его отказаться от всякой мысли о мести. Ещё более замечательно было то, как она в сходном случае повлияла на Анджело Савелли. Он повздорил со знакомым юношей, и завязалась дуэль, в которой он был тяжело ранен.

Гнев его был заперделен; он только и делал, что угрожал противнику и проклинал его. Ни собственная семья, ни семья неприятеля не могли успокоить его, и он умирал с мезтью в сердце и яростными словами на устах. Франциске сообщили о его состоянии, и она немедля отправилась навестить умирающего. Едва она молвила всего несколько слов, как он велел ей привести к нему своего врага, чтобы он мог простить и обнять его. Он и сам был поражен такой переменной, вызванной её присутствием, и заявил, что посредством её Святой Дух переменял его умонастроение. Он принял Последние таинства в самом подобающем расположении духа и вскоре умер, исполненный мира и надежды, не раз заверив родных, что Бог из милости к его душе послал жену Понциано, чтобы спасти его от гибели, что едва не постигла его.

В дополнение к предыдущему можно привести еще один пример того, насколько многообразны были способности Франциски к убеждению. Как мы уже видели, она была постоянной прихожанкой церкви Санта-Мария-Нуова, где служил ее духовник дон Антонио Савелло. Случилось так, что один из монахов его ордена, дон Ипполито, впоследствии сыгравший определенную роль в истории святой, который к тому времени прожил в монастыре уже десять лет, был назначен на должность ризничего, хотя ранее он выполнял в монастыре разного рода важные обязанности, и с отличием. Он принял это назначение из послушания и ради смирения духа; но через некоторое время дьявол начал тяжело искушать его пожалеть о сделанном; склонял к ропоту на то, что ему теперь уже стало казаться проявлением тиранства и несправедливости; и эти размышления, по мере того как он поддавался им, нанесли прискорбный ущерб его душевному спокойствию. Его охватила гнетущая меланхолия, и, наконец, он решил оставить свой хабит и монастырь, если досадное это назначение не будет отменено. Но однажды, молясь Марии, Божией Матери Доброго совета, он почувствовал внезапное побуждение пойти и сообщить Франциске о своем недовольстве, беспокойстве и принятом решении. Она внимательно выслушала его заявление, а затем спокойно задала ему несколько вопросов, которые представили предмет в его истинном свете. Она спросила его, с какой целью он вступил в иноческий чин; кому намеревался служить при этом; кого предпочитает: Бога, нисходящего на алтарь и пребывающего на нем, или слуг, прислуживающих Ему в других местах? Какое положение выше: блюсти святилище вместе с ангелами или служить людям, какими бы благочестивыми и выдающимися они ни были, каков был бы его удел на другом посту? Мудрость и простота этого ответа проникли прямо в сердце донна Ипполито. Он сразу согласился со справедливостью этих слов и немедля пошел на исповедь. С искренним благорасположением приступил он к исполнению обязанностей своей одновременно скромной и высокой должности, назидал всю братию непритворным смирением и со временем стал образцом для членов ордена. Впоследствии он сначала был назначен субприором, затем – приором монастыря Санта-Мария-Нуова; а позже был помощником и покровителем Франциски при основании ею конгрегации Благородных облаток Тор-ди-Спекки.

**ГЛАВА IX. ДАЛЬНЕЙШИЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ
ФРАНЦИСКИ. ЕЁ ПОСЛУШАНИЕ МУЖУ И ДУХОВНИКУ ВОЗНАГРАЖДЕНО ДВУМЯ
ЧУДЕСАМИ. ЖЕНИТЬБА ЕЁ СЫНА И ДУРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЕГО ЖЕНЫ. ЕЁ
ОБРАЩЕНИЕ ПО МОЛИТВАМ ФРАНЦИСКИ. ЕЩЁ НЕСКОЛЬКО ЧУДЕС,
СОВЕРШЁННЫХ ЕЮ**

Франциска по-прежнему являла образец послушания своему духовнику в вопросах духовных, а мужу – в прочих отношениях. В обоих случаях она получила чудесное доказательство того, что Бог с особым благоволением взирал на смиренную

покорность духа тех, кого наделил столь дивными дарами. Рассказ об этих чудесах мог бы послужить достойной темой для художника или поэта. Однажды, когда они с Ванноццей попросили разрешения посетить святилище Санта-Кроче-ин-Джерусалемме (базилика «Св. Креста, что в Иерусалиме», одна из семи паломнических церквей Рима, где наряду с другими ценнейшими реликвиями хранятся три частицы Св. Креста и один из гвоздей. – прим. пер.), дон Антонио дозволил им его совершить при условии, что в качестве упражнения в самообладании и проверки послушания они сходят туда и обратно, ни разу не подняв глаз, чтобы осмотреться. Он желал, чтобы они провели всё время этого долгого пути в мысленной молитве и размышлении. Они продолжали свой путь без перерыва, пока, подойдя к приюту, примыкающему к церкви святого Иоанна Латеранского, не были внезапно настигнуты людским потоком людей и не услышали со всех сторон крики ужаса. Какой-то бык убежал от погонщиков и, обезумев от криков толпы, мчался вперед. Франциска и Ванноцца оказались как раз у него на пути. Им громко кричали уйти с дороги; но, верные полученному послушанию и, вероятно, внутренне уверенные, что будут защищены от опасности, какой бы она ни была, они шли спокойно и невозмутимо, уставив взор в землю. Очевидцы, жавшиеся поодаль, вздрогнули; ибо казалось, что в следующий миг им предстоит увидеть женщин под ногами ревущего животного. Но нет; та же сила, что усмирила львов во рву Даниила, воздействовала и на этого буйного зверя. Увидев двух женщин, он вдруг остановился на бегу, совершенно успокоился и смиренно стоял, пока они не миновали его, а затем возобновил свой бег, в то время как они проследовали в церковь, не испытав ни малейшего страха. Есть древнее речение, что и дикий зверь унимается при виде девицы в чистоте её; и невозможно усомниться, что те святые, которым в какой-то мере удавалось восстановить посредством умерщвления плоти, покаянных подвигов и героической добродетели чистоту изначальной человеческой природы, вместе с ней в известной степени возвращали себе и ту власть, которой обладал Адам над одушевлёнными тварями. Часто в житиях встречается случаи, как дикие жители пустыни или кроткие обитатели могилы непостижимым образом оказывают почтение святым. Этим даром были наделены, например, св. Франциск Ассизский и св. Роза Лимская. Мало найдётся примеров более трогательных и более подходящих для того, чтобы дать представление об истинной сути святости и о постепенном восстановлении падшей природы к состоянию, сходному с ангельским.

Другое чудо было описано Ванноццей, которая была свидетельницей его совершения. Франциска всякую свободную минуту посвящала молитве, но никогда не допускала, чтобы радость от духовных упражнений мешала ей выполнять обязанности жены. Неослабным было её внимание к малейшим изволениям и пожеланиям Лоренцо. Сколько бы он ни требовал её времени, она никогда не жаловалась на какие-либо помехи или неприятности. Однажды муж послал за ней, когда она читала в своей комнате службу часов Пресвятой Богородице. Тотчас поднявшись с колен, она подчинилась его зову. Исполнив же пустяковую услугу, о которой он просил, Франциска вернулась к своим молитвам. Её вызывали четыре раза подряд из-за сущих мелочей, и каждый раз, с неизменным благодушием она подчинялась, а молитвы возобновляла без тени недовольства или раздражения. Наконец, в последний раз открыв молитвослов, она весьма удивилась, обнаружив, что антифон, который она четыре раза начинала и четыре раза не могла закончить, написан золотыми буквами. Ванноцца, присутствовавшая при этом, стала свидетельницей чуда; а архангел шепнул Франциске: «Так Господь вознаграждает добродетель послушания». Золочёные буквы сохранились в книге до дня смерти святой.

Её молитвы были часты, и радение им соразмерно. Начиная с «Отче наш» и «Радуйся,

Мария», она обычно читала их медленно и размышляла над каждым произносимым словом. Службу Пресвятой Богородице она вычитывала ежедневно в назначенные часы и почти всегда на коленях; также и розарий, и множество псалмов, а ещё разнообразные молитвы за святые души в чистилище. Что касается умственной молитвы, то вся её жизнь была одной непрерывным молением; всегда оставаясь в общении с Богом, она никогда не теряла ощущение Его присутствия. С этого времени (ей было уже тридцать два года) её жизнь становилась все более и более сверхъестественной. Священные знамения, свершавшиеся с великим множеством святых, проявились в её жизни выдающимся образом. Когда она приступала к святому судилищу покаяния, а особенно – к причастию, тело её порой источало благоухание, а голову окружал светозарный венчик. Вкусив Хлеба Жизни, она то и дело впадала в затаенный экстаз и часами оставалась бездвигательна, погружившись в безмолвное созерцание, не в силах сдвинуться с места иначе как по приказу своего духовника, добродетелью послушания преодолевая даже мистическую нечувствительность ко всем внешним явлениям. О сверхъестественной природе этих экстазов свидетельствовало её сокровенное общение с небесами в эти мгновения, пророчества, изрекаемые ею, и то, насколько отдалённые и грядущие события открывались её духовному восприятию. Некое сокровенное единение установилось между нею и предметами её непрерывного созерцания. Когда она размышляла о славных тайнах, о торжестве Марии или о блаженстве ангельских духов, великая радость сияла на лице её и исполняла всё её существо. Когда, с другой стороны, она раздумывала о Страстях Господа нашего или о скорбях Его Матери, выражение её лица совершенно менялось и принимало отпечаток невыразимой печали; и к страданиям своего Бога она в некоей мере причащалась даже телесными ранами. Страшные муки Страстей как бы воспроизводились на её теле; и вскоре у неё на боку появилась рана, представлявшая собой один из самых удивительных, при несомненной своей достоверности, примеров того реального и вместе с тем мистического участия, которое некоторые из святых принимали в животворящих муках Господа. Никому, кроме Ванноццы, которая обычно перевязывала эту достожалостную и ужасную рану, да дона Антонио, которому Франциска сообщила о ней на исповеди, не были ведомо о столь необычайном знамении единения между распятым Искупителем и Его избранной служительницей. Пока рана оставалась открытой, Франциска страдала от сильной боли, но то было страдание, полное радости. Любовь сделала боль драгоценною для неё. Святая желала испить из Его чаши и креститься Его крещением; а Он предназначил ей однажды воссесть рядом с Ним и разделить Его славу. Она испила до дна чашу земной печали, вкусив боли утрат, печали одиночества, терзаний страха, мук болезни и бедности. И вот на её долю выпали таинственнейшие страдания, слишком священные по своей природе для обыденного упоминания и для человеческого исследования, но от того не менее мучительные и подлинные. Исцелилась рана столь же чудесным образом, как была нанесена. В видении Франциска перенеслась в Вифлеемский вертеп, представ Младенцу Иисусу и Его Матери. С нежной улыбкой Пресвятая Дева велела Франциске показать рану, нанесённую любовью, а затем водой, текшей из скалы, омыла ей бок и отпустила её. Когда экстаз закончился, святая обнаружила, что чудесная рана совершенно зажила.

Как раз в то время она самым уверенным образом предрекла (когда всё, по видимости, говорило против такого результата), что папская схизма вот-вот закончится. Заседал Констанцкий собор, и постоянно возникали новые затруднения и столкновения. Война вот-вот могла снова разразиться, и все трепетали при мысли о новых бедствиях. Однако, вопреки всем ожиданиям, в последние недели 1415 года раскол завершился. Собравшиеся отцы с мужеством, которого никто от них не ожидал, презрели угрозы

Фридриха Австрийского с одной стороны и короля Франции с другой (каждый из этих монархов защищал дело антипапы; первый поддерживал Иоанна XXIII, а последний – Бенедикта XIII) они низложили этих двух узурпаторов, обязали Григория XII также отказаться от своих притязаний и 11 ноября единогласно избрали Отто Колонну, кардинала-дьякона святого Георгия в Велабро, принявшего имя Мартина V, который благодаря своим качествам и дарованиям сумел восстановить покой, как в самом Риме, так и во всем католическом мире. По общему мнению, распространённому еще при жизни Франциски, а тем более после её смерти, молитвы святой, её слезы и страдания ускорили это благословенное событие и привлекли милость Божию к Её страждущей Церкви.

Баттисте Понциано, сыну Лоренцо и Франциски, исполнилось уже восемнадцать лет, и он считался самым многообещающим из молодых римских дворян – отличное образование, которое он получил, принесло свои плоды. Внешность и манеры, таланты и нрав его были равно замечательны. Лоренцо, стремясь увековечить свою семью и занять наследников своим обширным владением, настаивал на том, чтобы сын женился. С величайшим удовлетворением поддержала Франциска его пожелание. Ей весьма хотелось бы передать невестке управление домашними делами и получить больше свободы, чтобы посвятить своё время молитве и благотворению. Выбор Баттисты и его родителей пал на некую Мобилию, о которой пишут, что девица эта была благородного происхождения и необычайной красоты, но фамилия её не упоминается. Сразу же после свадьбы, согласно европейскому обычаю того времени, невеста поселилась под одной крышей со своим свёкром и свекровью. Франциска и Ванноцца приняли её как возлюбленную дочь; но она не ответила взаимностью на их ласковое отношение и оказалась бесчувственной к их доброте. Воспитана она была чрезвычайно достойной матерью в величайшей строгости и полном уединении, так что внезапная возможность быть госпожой самой себе совершенно вскружила ей голову; и вот, обожаемая своим мужем, располагая предостаточными средствами для удовлетворения любых своих прихотей, она спешила вознаградить себя за ту несколько суровую жизнь, что вела в юности, и не думала ни о чем, кроме своей красоты, нарядов и всех доступных увеселений. Совершенно неопытная, она не намеревалась ни просить, ни принимать чьего-либо совета и во всех отношениях предпочитала руководствоваться исключительно своими наклонностями. Властная с равными, заносчивая с вышестоящими, она напустила на себя всевозможную важность и со свекровью обращалась с величайшим презрением, обращая на неё едва ли больше внимания, чем на распоследнюю прислужницу в доме. В беспутных компаниях, куда она зачастила, любимой её потехой стало высмеивать Франциску, передразнивать её повадки и манеру речи, часто заявляя, что до крайности стыдится родства с женщиной, совершенно невежественной в мирских устоях. «Как можно уважать, — спрашивала она, — человека, который думает только о бедняках, одевается, как один из них, и ходит по улицам с хлебом, дровами и старой одеждой?» Не то чтобы Мобилия была совсем уж скверна нравом; напротив, от природы ей было свойственно добродушие; но поскольку она никогда прежде не была предоставлена самой себе и впервые вкушала пленительные удовольствия мира, контраст, который представляла внешность, манеры и образ жизни её свекрови с тем, что казалось ей таким привлекательным, раздражал её безмерно, пока, наконец, неприязнь не превратилась в отвращение; ей стал едва выносим сам вид Франциски. Напрасны оказались увещания её мужа и свекра, напрасны их мольбы и упрёки; не помогло также и вмешательство некоторых общих друзей, пытавшихся убедить молодую женщину в предосудительности такого поведения и в том, что ей подобает оказывать матери Баттисты по крайней мере обыкновенные знаки внимания. Упрямая Мобилия продолжала выказывать свекрови

крайнее презрение. Святая с неизменной кротостью и терпением переносила все дерзости невестки, ни разу не молвив в ответ ни резкого, ни обидного слова, и проводила долгие часы в молитвах о том, чтобы сердце, столь замкнутое для неё и столь приверженное миру, смягчилось по милости Божией и переменялось. Однажды, когда она возобновила эти просьбы с более чем обычным пылом, то услышала следующие слова, отчетливо произнесенные вслух: «Почему ты скорбишь, Франциска? и отчего смущается душа твоя? Ничто не происходит без Моего попущения, и все содействует ко благу любящих Меня». Именно тогда испытания её подошли к концу. Случилось же через несколько дней, когда все обитатели дворца собрались вокруг очага в главном зале (ибо время было зимнее), что Мобилия, как обычно, начала злословить свекровь и высмеивать её образ жизни с еще большей злобой, чем прежде; и, обратившись к мужу и к отцу его, она нетерпеливо воскликнула, что не может понять, как они позволяют ей заниматься своими подлыми и унижительными занятиями, вращаться среди подонков черни и навлекать на всю семью не только заслуженное бесчестье, но нестерпимые неудобства. Она продолжала в том же духе и говорила с великим ожесточением, как вдруг побледнела как смерть; на неё напал припадок дрожи, и в одно мгновение она упала без чувств. Франциска и Ванноцца отнесли её в постель, где, придя в сознание, она почувствовала острейшие боли. Глубокие страдания вызвали у неё прежалобные крики. Тогда-то её совесть и проснулась; и, как бы внезапно пробуждённая ощущением чудовищности своего поведения, она прерывистым голосом пробормотала: «Гордость моя! страшная моя гордость!» Франциска, кротко склонившись над нею, умоляла терпеливо перенести эти страдания, уверяя, что они скоро утихнут. Тогда Мобилия залилась слезами и воскликнула во всеуслышание: «Они утихнут, дорогая моя матушка, если вы попросите об этом у Бога; но я заслужила худшего, гораздо худшего своим ужасным обращением с вами. Простите меня, матушка; помолитесь за меня. Я признаю свою вину. Отныне, если Бог сохранит мне жизнь, ваша дочь будет для вас самой любящей, самой послушной из служанок. Обнимите меня, матушка, и благословите своё дитя!» Франциска прижала к груди прекрасное юное создание, в котором внезапно произошла такая перемена, и, пока она горячо благословляла её, Мобилия почувствовала, что боли совсем оставили её.

Впредь с того дня умонастроение её совершенно переменялось; обращение было полным. Франциска стала для неё предметом сердечнейшего почитания; она советовалась с ней перед всяким делом и поверяла ей самые сокровенные помыслы. От всей души презрев суету мира, что сбивала её с пути, она переняла взгляды и мнения свекрови и совершенно отвергла соблазны мирской роскоши. Святость Франциски теперь была для нее столь очевидна, что она начала наблюдать за её поступками, за словами, за каждой подробностью её жизни со смесью благоговейного трепета и любознательности; и вела записи обо всём, что наблюдала, включая чудесные явления, которые так часто происходили как по содействию Франциски, так и с нею самой. Вышеупомянутые сведения она подтвердила под присягой после смерти святой, когда собирали показания, пригодившиеся позднее на процессе по канонизации. Между женой Баттисты и матерью его установилась теснейшая дружба; никто не мог бы сравниться с одной в глубоком и искреннем почтении, а с другой – в ответной нежности. Франциска с внимательнейшей любовью отзывалась на малейшие нужды и желания Мобилии: усердно ухаживала за нею при родах и заботилась о внуках столь же рачительно, как и прежде о собственных детях. Для неё стало большим облегчением, что Мобилия, наконец-то занявшись своими обязанностями, взяла на себя по её просьбе управление домом и распоряжение всеми хозяйственными делами. Таким образом, святая получила возможность более полно посвятить себя служению нищим и

помощи в больницах. Та больница, которую она посещала чаще прочих, была основана ее тестем недалеко от церкви Кьеза-дель-Сальваторе, что позднее была названа Санта-Мария-ин-Капелла. Чудеса от возложения её рук стали многочисленнее, чем когда-либо, а соразмерно возрастала и слава её. То, как часто к ней обращались за помощью, как горячо просили молитв и как рьяно распространяли молву о её святости, уязвляло её смирение; но сверхъестественные дары были слишком очевидны, чтобы их можно было скрыть от других или от самой себя, и ей оставалось только ещё глубже смиряться у стоп Господа, Который таким образом явил Свою силу в той, кого она считала ничтожнейшей из тварей Его.

Великое дело готовилось для Франциски; ей предстояло заложить первый камень духовного здания, ибо, когда она созрела для этой работы, Бог, порождая в людях удивление и благоговение, стал привлекать их взоры к ней, дабы, когда наступит тот день, они смогли внять призыву её. Предупреждения, которые святая давала людям, угрожая им скрытой опасностью, были бесчисленны; её понимание душевного их состояния – изумительно. Как-то раз сообщает она своему духовнику, что его «на следующую ночь позовут навестить больного, но что он ни в коем случае не должен покидать дома»; и выясняется, что на улице его подстерегали убийцы, а мнимый больной служил приманкой, чтобы выманить его. В другой раз опасно заболевает шестнадцатилетний юноша Якопо Винченцо, живущий на площади Кампителли. Его мать поспешает к святой, а та улыбается при её входе в комнату и велит идти с миром, ибо что сын её выздоровел; и по возвращении она находит его в полном здравии. Франциска видит священника у алтаря, и он представляется ей как бы покрытым жуткой проказой. По приказу своего духовника она рассказывает своё видение предмету его; и несчастный священник в смущении и изумлении признаёт, что литургисал в состоянии смертного греха. И вот, он раскаивается, исповедуется и исправляет свою жизнь. Двое мужчин навещают во дворец Понциано; один – племянник Ванноцци, благочестивый и достойный подражания иерей; другой – усыновлённый им молодой человек двадцати лет. Гнев гнездится в душе юноши; он потерпел от своего благодетеля какую-то воображаемую обиду, и замышляет месть, и готов оклеветать священника, помрачив его доброе имя. Франциска отводит его в сторону, но что она может знать о творящемся в душе его; откуда ей ведомо то, что не сообщалось ни единому человеческому существу? Она возвещает ему его же замыслы и пробуждает в нём осознание собственной неблагодарности. И вот, едва выйдя из дома, юноша падает в ноги спутнику своему, признаётся ему в прегрешении и умоляет простить. Чекка Кларелли, родственница семьи Понциани, рождает девочку в таком добром здравии, что никто и не думает крестить её сразу; лишь на следующий день намечена в связи с этим пышная церемония в соседней церкви; но посреди ночи приходит Франциска и умоляет немедленно окрестить ребёнка. Родители и священник возражают, но святая настойчива; она не примет отказа; с неохотой её просьбу выполняют, и как только таинство завершается, новорождённая умирает. У тех же родителей есть ещё дитя, прелестная маленькая девочка, немая; ей четыре года, а она доселе не произнесла ни единого слова. Андреоццо, отец ребёнка, уговаривает жену отвести малышку к святой и умоляет о помощи. Смирение Франциски не в силах вынести столь прямого обращения, и она пытается отделаться от родителей немой; но, глубоко потрясенная их слезами, наконец, прикасается пальцем к языку маленькой Камиллы и говорит: «На всё надейтесь от милости Божией; она столь же безгранична, как и Его могущество». Родители уходят исполненные веры и утешения; и прежде чем они достигают дома, дитя вдруг произносит с совершенной отчетливостью благословенные имена Иисуса и Марии и с того дня обретает дар речи и сохраняет его.

Неудивительно, что имя Франциски с каждым днем всё известнее, что с каждым днем она всё дороже людям, среди которых живёт; что от вида блаженного её лика, от нежного звука её голоса сердца смиряются, грешники исправляются, скорбящие утешаются. Многие восторгаются ею и величают блаженной; но вскоре её назовут матерью – у неё будут дети, её духовные чада. В её жизни настанет новая эпоха. <...>

ГЛАВА X. ФРАНЦИСКА ЗАКЛАДЫВАЕТ ОСНОВАНИЯ СВОЕЙ БУДУЩЕЙ КОНГРЕГАЦИИ. ЕЁ ПАЛОМНИЧЕСТВО В АССИЗИ

Восхищение и привязанность Лоренцо Понциано к жене возрастали с годами; совершенство её жизни и чудеса, которые она так часто совершала у него на глазах, внушали ему безграничное благоговение. Он непрестанно молился, всем сердцем горячо желая, чтобы она оставалась рядом с ним проводницею до конца его жизни, а в час смертный была ему ангелом-хранителем. Быть может, для того, чтобы, так сказать, добиться от Провидения столь усердно просимой милости, он решил никоим образом не мешать ей в трудах и не быть препятствием на пути Божьих замыслов о ней. Отведя её однажды в сторону, он заговорил с ней с величайшей нежностью и предложил освободить её от всех обязательств, налагаемых супружеским положением, предоставить ей полнейшую свободу действий и право самым самостоятельным образом распоряжаться самой собою, своим временем и силами при одном только условии: пусть она пообещает остаться жить в его доме и направлять его по тому пути, по которому его доселе вел её пример. Франциска, глубоко тронутая его добротой, без колебаний дала таковое обещание. Она приняла его предложение с радостью и благодарностью в том, где оно споспешествовало исполнению воли Божией и Его грядущих замыслов о ней, но осталась внимательна к мужу и продолжала с самой чуткой заботливостью услужать ему во всём, что были ей по силам. Теперь его здоровье сильно пошатнулось, и она денно и нощно хлопотала над ним, подобно нежнейшей няне. Часто ей приходили мысли о монашестве, что придало бы естественную полноту её образу жизни, и Бог, который назначил ей стать основательницей новой конгрегации благочестивых женщин, подсказал ей то время первые шаги к иночеству.

Следует помнить, что с детства она часто посещала церковь Санта-Мария-Нуова на Римском форуме; до неё туда ходила её мать, которая и вверила Франциску духовному руководству одного из самых выдающихся членов ордена, что служил в этом храме. Санта-Мария-Нуова – одна из старейших церквей Рима. Она была разрушена и перестроена в восьмом веке; а в 1352 году её передали оливетанцам св. Бенедикта. Поскольку община, которую учредила Франциска, была первоначально устроена по образцу иноческой общины горы Оливето и находилась под её покровительством, будет уместно рассказать о происхождении последней и житии её прославленного основателя.

Бернард Птоломеи, или Толомеи, происходил, как полагали, от египетских Птолемеев, родился в 1272 году. Отличаясь не по годам развитыми способностями, он в раннем возрасте двадцати двух лет стал главным магистратом (гонфалоньером) своего родного города Сиены; а в двадцать пять достиг звания дожа. Вскоре после этого его внезапно поразила слепота, и вещественный мрак, в котором он оказался, открыл его умственному зору свет духовной истины. Он всем сердцем обратился к Богу и безвозвратно посвятил себя служению Ему в подвижнической и созерцательной жизни. Пресвятая Дева чудесным образом вернула ему зрение, и он окончательно утвердился в своём намерении. Разделив свое состояние на две равные части, он одну

половину предназначил нищим, а другую — на поддержание благочестивых учреждений. С несколькими товарищами он удалился в гористые пустыни Акконы, что примерно в пятнадцать милях от Сиены, где они предали себя жизни подвижнической и молитвенной, которая привлекала в их скит множества боголюбивых душ из разных частей света. Сатана, как обычно, выставил свои войска в ряд против новых отшельников, и на них посыпались всякого рода испытания. На них даже донесли Папе Иоанну XXII как на запятнавших себя ересью; однако Толмеи вместе с Пикколомини, одним из своих сподвижников, направились в Авиньон и там перед лицом Верховного понтифика полностью очистились от клеветнического обвинения. Их орден был одобрен, и они вернулись в Аккону, где взяли себе название «Бенедиктинская Конгрегация Пресвятой Марии с горы Оливето». Это произошло по явному желанию Пресвятой Богородицы, которая явилась святому и повелела ему принять Устав святого Бенедикта, обещая в то же время новому ордену Своё покровительство. 26 марта 1319 года новые иноки приняли свои хабиты, а гора Аккона получила название горы Оливето («Елеонской» по-итальянски – прим. пер.) в честь гефсиманских мук нашего Господа. Ужасны были борения святого основателя с лукавым, но из всех их он вышел победителем. Замечательны были толкования, что он давал Писанию, и, как говорили, получил он их в мистических беседах с архангелом Михаилом. Жизнь его была до крайности аскетична; его подвиги – суровы и непрестанны. В 1348 году ему явился святой Бенедикт и возвестил о приближении чумы, которая вскоре должна была поразить Италию, и предупредил о его собственной смерти, которая вскоре последовала. Многим из его учеников были видения славного перенесения его души на небеса; и многочисленные чудеса, совершавшиеся на его могиле, свидетельствовали о его святости. Его ученики обитали в монастыре с церковью Санта-Мария-ин-Доминика, или, как её чаще называют, «ин-Навичелла» – в честь грубо тёсанного мраморного памятника (античного фонтана в виде корабля, откуда и название по-итальянски «Святая-Мария-в-судёнышке». – прим. пер.), стоящего в траве перед её порталом, пережитка давно минувших дней, имени которого не сохранила ни история, ни предание, но зато он сам дал имя старинной церкви, стоящей на вершине Целийского холма. По мере того как впоследствии число насельников возросло, они оказались в большом неудобстве из-за тесных границ своего обиталища; и кардинал Бельторте, титулярный епископ Санта-Мария-Нуова, исхлопотал для них от Папы Климента VI право на владение вышеупомянутой церковью. Они приняли дар с радостью; ибо храм тот не только восходил к первым векам христианства, но и содержал ряд драгоценных реликвий, а среди прочих сокровищ – одно из тех изображений Пресвятой Богородицы, которое предание приписывает святому евангелисту Луке. Икона и по сей день находится в на этом же храме, и те, кто преклоняет колени у гробницы святой Франциски Римской, подняв взгляд к алтарю, что высится над ней, видят священный образ, который почитался многими поколениями.

И в пору процветания, и в годину невзгод Франциска с неизменною частотой хаживала эту церковь, и её постоянно можно было увидеть там то в исповедальне, то у алтаря. Другие женщины, её подруги и подражательницы, следовали её примеру; связанные нежною дружбой, стремящиеся к одним и тем же целям, объединенные одной и той же любовью к Иисусу и Марии, с изрядною частотой оказывались они там вместе, эти благородные женщины, решившие не хвалиться ничем, кроме Креста, не принимать никакого звания выше удела служанки в доме Господнем. Франциска была им образцом, наставницей, их излюбленной проводницей; они прилепились к ней с нежнейшей привязанностью; они были, по выражению одного восточного поэта, рядом прекрасных жемчужин, а она — шёлковой нитью, связывающей их. Однажды вечером, когда они выходили из церкви, Франциска впервые поведала им о своих надеждах на

будущую их общую участь, явив им, правда, не картину отдалённых событий, а только первый шаг, что предстояло сделать.

Это было одно из тех малых начинаний, столь пустяковых в людских глазах, но столь важных по своим плодам, — зерно горчичное, из которого впоследствии вырастет дерево. Франциска говорила с ними, пока они шли далее, об ордене св. Бенедикта, о святости его основателя, о добродетелях, благочестии, добрых делах его членов и уверяла их, что, приняв имя «Облаток с горы Оливето» и соблюдая сообща определенные уставные правила, которые подошли бы людям, живущим в миру, они могли бы сопричесться заслуг этих иноков и пользоваться их правами. Её спутницы с радостью приветствовали это предложение и умоляли её приложить все усилия, чтобы осуществить его. Дон Антонио, которому Франциска сообщила свои благочестивые пожелания, благосклонно выслушал просьбу и, в свою очередь, довел её до сведения субприора дона Ипполито, которому в отсутствие настоятеля было поручено управление монастырём. Это был тот самый монах, что когда-то задумал было выйти из ордена и которого удержал совет Франциски. Он с готовностью принял их предложение и добился для святой и её сподвижниц от генерала ордена разрешения принять имя «Облатки Марии», став особым объединением при монастыре Санта-Мария-Нуова со своей долей в правах и заслугах Ордена Св. Бенедикта.

Весьма возвеселившись благоприятному итогу своего прошения, сподвижницы предалися посту, молитве и покаянным подвигам, готовясь к особому посвящению Пресвятой Богородице. Произошло это в праздник Успения 1425 года.

На рассвете Франциска, Ванноцца, Рита де Челли, Аньезе Селли и еще шесть знатных римских дам исповедались в церкви Санта-Мария-Нуова, приняли благочестивые наставления дона Антонио и причастились на мессе, которую отслужил дон Ипполито перед чудотворным образом Пресвятой Богородицы. Сразу же после священной жертвы (т.е. евхаристии. – прим. пер.) они посвятили себя служению Ей, произнеся те слова, что приняты у оливетанцев; только выражение «*me offero*» («Приношу себя в дар» (лат.)) была заменено на «*profiteor*» («Обещаю послушание» (срв. лат.)); и вместо того, чтобы давать торжественные обеты, они присоединились к Бенедиктинскому ордену горы Оливето просто в качестве дочерней общины. Таково было самое начало общины, матерью и основательницей которой была Франциска. В ранние те времена дон Антонио, их наставник, не назначал им никаких особых занятий, а лишь побуждал к добросовестнейшему послушанию заповедям Божиим и церковным, к сердечному почитанию Богородицы, усердному участию в Таинствах, к следованию всем христианским добродетелям и исполнению различных дел милосердия. Связь между ними заключалась в постоянном совместном посещении церкви Санта-Мария-Нуова, где они причащались на все богородичные праздники, и в сердечном почтении к Франциске, которую они считали своей духовной матерью. Они постоянно прибегали к ее советам; самые простые слова её были для них законом, а её поведение — примером. Она не принимала никакой власти и отказывалась от любых полномочий; но, несмотря на сопротивление, в её руках оказалась верховное владычество любви – сподвижницы настояли, чтобы та, к кому они были так привязаны, руководила ими, и готовы были отказаться от любых утех ради одного того, чтобы находиться подле неё и участвовать в её делах.

И вот летом следующего года Франциска решила совершить паломничество к храму Санта-Мария, или, как ее чаще называют, Мадонна-дельи-Анджели, в честь Богоматери и серафического Ассизского святого. Ванноцца и Рита охотно согласились

сопровождать её; и они договорились двинуться в путь 2 августа, чтобы успеть к знаменитой индульгенции «дель Пердоно» (индульгенция, получаемая 1 августа при условии посещения Порциункулы на «Празднике прощения» – Festa del Perdono di Assisi – прим. пер.). В нищете не только духовной, но и всецелой желали они совершить свой путь ко гробнице великого апостола бедности, — идти пешком, не обеспечившись ни деньгами, ни провизией, ни какими бы то ни было удобствами. Лоренцо и Парацца, с готовностью одобрявшие замысел паломничества, какое-то время возражали против описанного способа его осуществления; но Франциска, уединившись у себя в моленной, просила Бога склонить их сердца к согласию, и вскоре с неохотной, но улыбаясь, они приняли её замысел целиком, и лишь воскликнули оба: «Ступай своей дорогой с миром; твори, что тебе желательно, да только молись за нас». Спутницы вышли за врата Рима и проследовали через местность, столь хорошо известную тем, кто часто посещает Вечный город: вверх на холм, откуда паломник бросает первый, исполненный восторга взгляд на его купола и башни, на его гробницы и пинии, где путник замирает, вбирая любящим взором обитель католической веры, и сердце шепчет: «Ты дома». То был первый и, кажется, единственный случай (по крайней мере, ни одного больше не упоминается в её жизнеописаниях), когда Франциска покинула стены Города и ступила на другую землю, за пределами той, которую освятили стопы такого множества мучеников, окропила кровь стольких святых. <...>

Вот паломничество подходит к концу, вдали уже виднеются башни Мадонны-дельи-Анджели; в полуобморочном состоянии спутницы спешат добраться до храма; но зной силен, губы их запеклись от жажды, они едва могут говорить, потому что их языки прилипают к нёбу – и тут им встречается незнакомец, муж дивного и почтенного облика, облачённый в иноческий хабит братии святого Франциска. Он приветствует путниц и сразу заговаривает о Марии и Иисусе, о тайне Страстей, о чудесах Божественной любви. Ни разу ещё столь пламенные речи не достигали слуха изумленных паломниц. Их сердца горят внутри них, и они готовы воскликнуть: «Никогда человек не говорил так, как этот человек!» (Ин. 7:46) Франциска видит, что облик ангела её сияет как никогда. Лучи света, кажется, вырываются из его тела и окутывают красноречивого монаха ослепительным ореолом. Теперь она узнаёт его и делает знак своим спутницам. Да это сам св. Франциск! Серафический святой Ассизи! Он благословляет стайку странниц и, коснувшись дикой груши при дороге, срывает наземь плод такой огромной величины, что его хватает измученным путницам и на утоление жажды, и на подкрепление сил.

В тот день они подошли к святилищу, где так мечтали преклонить колени; к той хижинке, что некогда послужила пристанищем святому, – [к Порциунколе,] которая стоит в своей грубой простоте посреди роскошного храма, куда ежедневно приходят богатые и великие мира сего, дабы почтить апостола бедности, ревностного подражателя Того, Кто часто не имел, где преклонить голову (ср. Мф. 8:20). Там спутницы на следующее утро причастились; там они молились за своих друзей, оставшихся дома; там Франциске было видение, в котором Иисус и Мария побудили её упорствовать в трудах, осуществляя свой благочестивый замысел, и обещали ей покровительство. <...>

ГЛАВА XI. СМЕРТЬ ДРУГА И ДУХОВНИКА ФРАНЦИСКИ – ДОНА АНТОНИО. БЕДСТВИЯ В РИМЕ И ИТАЛИИ, ПРЕДСКАЗАННЫЕ ФРАНЦИСКОЙ. СМЕРТЬ ВАННОЦЦЫ, НЕВЕСТЫ ФРАНЦИСКИ. ОСНОВАНИЕ КОНГРЕГАЦИИ ОБЛАТОК ТОР-ДИ-СПЕККИ

Необычайные Божии милости, сопутствовавшие нашей святой во время её

паломничества, оказались предвестием испытания, ожидавшего её в Риме. Во время отсутствия Франциски умер старый её друг, надёжнейший руководитель – дон Антонио Савелло. Хотя она и приняла это устройство промысла Божия с обычной покорностью, утрата эта уязвила её в самое сердце. Она искренне любила и почитала своего духовного отца; он наставлял её в детстве, а потом всегда руководил мудро и верно; потерять его было для нее в каком-то смысле тяжелее, чем любого другого друга. И надо же было этому случиться в ту самую пору, когда она собиралась исполнить Божественное указание относительно основания новой конгрегации, когда она повсюду сталкивалась с затруднениями, а нехватка могущественного и усердного помощника сказывалось сильнее, чем когда-либо. Однако она не теряла мужества и горячо молила Бога вдохновить её на выбор духовника и много времени провела на коленях, прося об этой милости. Выбор, который она сделала, стал, несомненно, плодом этих молитв; и явился ещё одним подтверждением того, что Божии пути – не наши пути, ни мысли Его – наши мысли (ср. Ис. 55:8). Её выбор пал на дону Джованни Маттиотти, викария церкви Санта-Мария-ин-Трастевере, у которого она уже не раз бывала на исповеди. Это был человек безукоризненных качеств и выдающегося благочестия, но нерешительного и колеблющегося нрава, легко терявший мужество; поэтому на первый взгляд он не казался пригодным для руководства столь высоко восшедшей по стези совершенства личностью, как Франциска, о которой у Бога были такие великие замыслы и с которой Он изволил обращаться такими чудесными способами. Но испытания, которые пришлось вынести Франциске из-за нерешительности дона Джованни; терпение, с которым она подчинялась его меняющимся указаниям, и сверхъестественные явления, принудившие его признать её святость и помочь в осуществлении замыслов, в конце концов послужили к славе Божией и к чести святой, само смирение которой подвергалось испытанию в ту пору, когда дело её продвигалось очень медленно, вызывая зачастую болезненные сомнения. В связи с начатым предприятием то и дело возникли разного рода неприятности. Так, несколько монахов из Санта-Мария-Нуова воспользовались случаем во время визитов отца-инспектора, чтобы пожаловаться на дону Ипполито и обвинить его в том, что он нарушил устав и вышел за пределы своих полномочий, позволив женской конгрегации взять имя и воспользоваться правами их ордена; учитывая, в особенности, что некоторые из этих женщин замужем и живут в миру. Но визитатор оказался человеком благочестивым и благоразумным; внимательно изучив вопрос, он убедился, что новое сообщество служит назиданию и угодно Богу. Соответственно, он в меру своих полномочий поддержал это начинание и обещал отстаивать его перед отцом-генералом.

В июле 1430 года Франциски было замечательное видение, которое указало ей на события, что должны были вскоре последовать, и которые она предсказала с точностью, вызвавшей в итоге всеобщее изумление. Однажды ночью, проведя несколько часов в молитве, она увидела огненное свечение, сквозь которое туда-сюда металось множество служителей сатаны, потрясая факелами и с жуткими песнями ликуя о грядущих бедствиях Рима. Святая упала на колени и просила Господа пощадить её несчастный край. Затем, впав в экстаз, она узрела Младенца Иисуса на руках Его Матери в окружении ангелов, а также святых Петра, Павла и Иоанна Крестителя в молитвенном положении, взывающих о милости для Вечного города, который они, казалось, защищали своими горячими мольбами. В то же время она услышала голос, сказавший: «Молитвы святых остановили руку Господа; но горе виновному городу, если он не покается, ибо приближаются великие бедствия». Через несколько дней молнии одновременно ударили в церкви св. Петра, св. Павла и в гробницу св. Иоанна

Крестителя, что в Латеранской базилике. Франциска содрогнулась, услышав об этом; она сразу же уразумела, что день милости миновал; и, запинаясь от волнения, рассказала своему духовнику и нескольким другим присутствовавшим о несчастьях, которые вот-вот обрушатся на Рим.

Исполнение её предсказаний не заставило себя долго ждать, хотя в то время, казалось, ничто не придавало им веса. Неустанные усилия Мартина V помогли залечить раны христианского мира. В Риме он подавил анархию, призвал изгнанных граждан обратно домой, отстроил церкви, вдохнул жизнь в правительство, правосудие, политику, литературу, науку и искусство. Он усердно содействовал исправлению нравов духовенства и во многих местах восстановил церковную дисциплину. Легаты, которых он послал ко всем дворам Европы, в некоторой степени добились возобновления союза между христианскими государями и проповедовали крестовый поход против турок и последователей Яна Гуса. Он созвал собор, который сначала собрался в Павии, а затем перебрался сначала в Сиену, а затем в Базель. Но прежде чем он сам успел принять участие в заседаниях, смерть настигла его. Утомлённый неослабными трудами на благо христианского мира, он, не достигнув преклонных лет, отбыл за воздаянием своим в феврале месяце 1431 года.

На смену ему пришёл Габриэле Кондульмер под именем Евгения IV. Первая консистория, которую он провел, была отмечена жутким несчастным случаем, который люди сочли не иначе как дурным предзнаменованием. Пол зала прогнулся, и среди последовавшей за тем суматохи погиб один епископ, а многие тяжело изувечились. Кроме того, какой-то недостойный монах распространил слух, что Мартин V умер, располагая значительными богатствами; и Колонны, охотно воспользовавшись этим предложением, взялись за оружие, чтобы отстоять свои притязания на это предполагаемое наследство. Враждующие партии снова восстали друг против друга, и на улицах Рима хлынула кровь. Колонны были вынуждены бежать; а монах, признанный виновным в заговоре с целью сдать замок Святого Ангела мятежникам и устроить убийство папы, был приговорен к смерти и казнён. Между Евгением IV и до крайности могущественным семейством Колонна было заключено временное примирение; но их надменный и буйный нрав вскоре привел к новому разрыву. Они двинулись на Рим во главе своих войск; под стенами города произошло кровавое сражение, в котором папские войска одержали верх, но множество знати полегло на поле брани.

Затем между папой и Базельским собором начались столкновения ещё более ожесточенного свойства. Герцог Филипп Миланский воспользовался этой возможностью, чтобы возместить себе уступки, на которые он пошёл в договоре, который папа заставил его подписать с венецианцами. Он подделал декрет, якобы исходивший от отцов собора, о назначении его генерал-лейтенантом Церкви в Италии, и под вывеской этого измышленного титула отправил в папскую область Франческо Сфорца и Николая Фортебраччо, двух известных авантюристов, состоявших у него на жалованье. Последние двинулись на Рим и начали опустошать его окрестности. Папа, совершенно не готовый к обороне, предотвратил опасность, посеяв раздор между двумя военачальниками: он уступил Сфорце на всю жизнь владение Анконой и провинциями, которые тот завоевал в церковных владениях.

Вследствие этого Сфорца выступил вместе с Евгением и разбил Фортебраччо при Тиволи; но тем временем в самом Риме вспыхнуло всеобщее восстание. Сторонники гибеллинов напали на папу, осадили церковь Святых Апостолов, где он укрылся и откуда с трудом бежал, переодевшись монахом, сел в лодку на Тибре и нашел убежище

сначала в Пизе, а затем в Болонье. Рим на пять месяцев подвергся всевозможным ужасам анархии, папский дворец был разграблен, были избраны новые магистраты вместо назначенных папой; и только гарнизон замка Святого Ангела оставался непоколебим в своей верности Верховному понтифику. Утомившись, наконец, от такого беспорядка, город добровольно подчинился законной власти. Евгений направил туда легата, которому в какой-то мере удалось восстановить мир; но сам оставался на севере Италии, подготавливая созыв собора, чтобы противостоять незаконным постановлениям собора, заседавшего в Базеле.

Эти события, растянувшиеся на несколько лет, подтверждают пророческий дар Франциски, которая точно предвидела и предсказала их, когда ничто не предвещало их наступления. В то время, когда эта буря вот-вот готова была разразиться над Италией и близилась времена скорби, ей было суждено пережить ещё одну из тех тяжких невзгод, что заготовила ей жизнь. Ванноцца, её заветная сподвижница, её сестра, её советница, её закадычная подруга, была призвана Богом, дабы получить свой небесный венец; а сама Франциска ко всем прочим добродетелям прибавила ещё более совершенную отрешенность от всех земных уз. Их соединяла та глубочайшая связь, какую привязанность, симпатия и единство чувств, вкусов и мнений образуют между двумя сердцами, посвященными Богу, а через Него – и друг другу. Их союз не омрачало ни малейшее облачко. Вместе они молились, страдали и трудились; неразлучны были и в испытаниях, и в радостях. Франциска была предупреждена в видении о приближающейся кончине невестки; и вот, крепкая в вере, она стоит у её смертного одра, а когда лукавый, потерпев при жизни женщины поражение, делает последнюю попытку потревожить отходящую душу, она молится о сердечной своей подруге, окропляет святой водою столь любимый образ, читает вслух о Страстях Господних; и Ванноцца, поддержанная благодатью таинств, каковой не в силах противостоять сатана, сопровождаемая чуть ли не за пределы жизни тем нежным вниманием, что дарило ей радость на земле, видит злого духа отступающим перед мощью ангела Франциски, и тогда испускает последний вздох в полнейшем умиротворении. Душа, так ревностно служившая на земле Богу и любившая Его, была вознесена на небо в зримом для подруги виде: чистое пламя, окутанное легким прозрачным облаком, знаменовало полёт этого кроткого духа на небесную родину.

Останки Ванноццы были положены в церкви Арачели, в часовне Санта-Кроче. Римский люд толпами стекался туда, чтобы поглядеть напоследок на свою возлюбленную благодетельницу, мать бедных, утешительницу страждущих. Всякий норовил унести с собой какую-нибудь мелочь на память о той, что ходила среди них, благотворя (ср. Деян. 10:38); и в течение трех дней, предшествовавших погребению, приток народу не ослабевал. В день похорон Франческа стала на колени сбоку от гроба и на виду у всей толпы была восхищена в экстазе. Люди увидели, как тело её поднимается над землёю, узрели серафическое выражение на её поднятом лице. Они слышали, как святая несколько раз с неопишуемым чувством пролепетала: «Когда? когда?» (Quando? quando?) Когда всё окончилось, она все ещё оставалась неподвижна; казалось, душа её воспарила на крыльях молитвы и последовала за духом Ванноццы в блаженные края. Наконец духовник приказал ей встать и отправиться ухаживать за больными. Она тотчас повиновалась и пошла прочь в основанную ею больницу, по-видимому, не замечая ничего вокруг себя и выйдя из вознесённого состояния только благодаря навыку послушания, который никогда не покидал её, в теле она пребывала или вне тела.

С того дня её видения стали куда чаще и удивительнее. Казалось, она жила на небесах;

а в те часы таинственного общения со святыми и ангелами и с Господом ангелов и святых набиралась сверхъестественного разума, коим руководствовалась при основании новой конгрегации. Пресвятая Дева открыла ей, что святой Павел, святой Бенедикт и святая Мария Магдалина будут покровителями этой общины, а дон Джованни Маттиотти, её духовник, фра Бартоломео Бьонди из ордена св. Франциска и дон Ипполито из оливетанской братии, станут сотрудничать с нею в учреждении оной. Для дон Джованни ей было вверено особое послание, чтобы утвердить его в намерении продвигать эту работу и предостеречь от разочарования из-за многих препятствий, с которыми она может столкнуться. Чудесны были видения, что ей было дано узреть во время тех долгих экстазов, во время которых её душа, казалось, покидала почти одухотворенное её тело. То безмолвное созерцание сковывало все её чувства, то в пламенеющих выражениях она описывала проходящее перед мысленным взором. Временами неподвижность почти придавала её сходство с мёртвой; при этом зачастую она передвигалась и совершала различные действия в связи с предметом своих видений. В храмах, которые она посещала, – в Санта-Кроче-ин-Джерузалемме, в Санта-Мария-ин-Трастевере, в Капелле ангелов церкви св. Цецилии, в собственной молельной – она удостаивается прихода небесных посетителей. Различные церковные праздники годового круга приносят соответственные видения: она проводит время в Вифлеемской пещере и в Назаретской хижине, на тех горах, где Иисус обычно молился, а также на тех, где Он преобразился, где страдал и где умер. Она поклоняется Ему вместе с пастухами и волхвами; внимает Его голосу вместе с учениками и благоговейным народом; она страдает с Матерью скорбей и плачет с Магдалиной у подножия Креста. Красоты Нового Иерусалима, зелёные пастбища, чистые воды, яркие цветы, драгоценные камни, олицетворяющие славу грядущего мира, предстают перед нею в этих мистических видениях. Она сподобляется ещё более глубоких и таинственных откровений, дивные тайны являются ей под выразительными знаками, и святой Павел выступает её проводником по тем краям, куда он был вознесён духом, ещё живя, как и она, на земле. Однажды, когда она была в экстазе, голос, более нежный, чем обычно, обратился к ней со следующими словами: «Твой путь усеян терниями, Франциска, и много препятствий будет стоять на твоём пути, прежде чем сие малое стадо сможет собраться в нашей обители. Но помни, что за громом не всегда следует град и что солнце часто ярче всего светит, пробиваясь сквозь темнейшие тучи».

Ободрённая этим провозвестием, святая всерьёз задумалась над тем, как лучше устроить свою конгрегацию. Во время короткой отлучки мужа из Рима она позвала к себе домой всех облаток и, попотчевав их лёгкой трапезой, собрала приглашённых вокруг себя и сказала им следующее: «Дорогие мои сподвижницы, я созвала вас, чтобы поделиться вестью о судьбе нашей конгрегации, что услышала я от Господа и благословенной Матери Его. Уже семь лет мы особым образом посвящены служению Ей и обязаны жить в целомудрии и послушании, соблюдая предписанные нам правила; и я давно думаю, что как мы были всё это время едины в духе и намерениях, так надлежит нам быть едиными и во внешнем образе жизни. Какое-то время мне казалось, что это желание моё, возможно, всего лишь плод материнской привязанности к вам и заботы о вашем преуспевании. Но Господь наконец открыл мне, что именно Его воля в том, чтобы я основала в этом городе новое духовное здание, древний оплот благочестия и веры, который станет пристанищем и убежищем для особ вашего пола и положения, принявших благородное решение оставить мир и его обольщения; я долго упрашивала Господа избрать для этой задачи кого-нибудь менее недостойного, нежели я, но больше не смею противиться изъявлению Его воли. Я готова исполнить Его приказание; но без вас, сёстры, что я могу сделать? Вы – основание здания, первые камни нового духовного дома Его Матери. Вы – семя, из которого предстоит вырасти

обильному урожаю. Земные хлопоты, преходящие житейские дела не должны более занимать ваше время. Иисус призывает вас в уединение, где вы будете жить в Его присутствии, следовать Его примеру и подражать добродетелям Марии, где вы будете молиться за Рим и отвратите Господень гнев от опустившегося и грешного города. Разве вы не слышали, что два года назад удары молний обрушились на его священные башни? Разве вы не видите, как изо дня в день на склонённые головы люда его сыплются новые несчастья? Но Бог преисполнен милости; и когда паче всего гневается на наши грехи, то изыскивает души, что умилоостивят Его гнев. Он обратил Свой взор на нас. Он велит нам объединиться и встать в проломе между Ним и дерзкими грешниками, которые каждый день бросают Ему вызов (ср. Иез. 22:30). Что ж мы всё медлим?! К чему откладывать?! Объятия Пресвятой Богородицы распахнуты, дабы принять нас. Уклонимся ли мы от Её объятий? – Нет уж, ринемся же к стопам Её!»

Произнеся эти последние слова, Франциска впала в экстаз, который длился некоторое время, во время которого она молила Бога за тех, кому предстояло войти в новое сообщество. Сподвижницы взирали на неё с молчаливым благоговением; а когда она пришла в себя, все единодушно и со слезами радости заявили, что готовы принести любые жертвы, какие только потребует от них Бог, принять любой образ жизни и устав, какие Франциска предложит. Но их одобрение стало лишь первым шагом в этом предприятии. Необходимо было найти здание, подходящее для их целей, получить согласие ещё живых родителей некоторых облаток, закрепить в определённом виде их устав и уложения и, наконец, получить от Святого Отца официальный указ, утверждающий создание нового ордена. Франциска занималась всеми этими вопросами по очереди. Первым делом она посоветовалась со своими тремя наставниками по поводу выбора здания; и в связи с этим возникли бесчисленные трудности. Священники опасались, что такое предприятие наделает шуму, и никак не могли найти денег на покупку. Сама ж Франциска давно уже раздала почти всё, чем владела, а то немногое, что оставалось, было предназначено для дел милосердия, от которых нельзя было отказаться, и все согласились, что она в этом положении ни в коем случае не должна прибегать к помощи мужа или сына. Пока они размышляли, Франциске явилось видение, в коем облаткам была обещана помощь свыше, а их покровители (в частности, дон Джованни) призывались к стойкости. Воодушевленные этими заверениями, они стали присматривать здание, подходящее для жизни иноческой общины; и после долгих поисков дон Ипполито предложил дону Джованни остановить выбор на доме в районе Кампителли, на том месте, где раньше стояла древняя башня, известная под названием «Тор-ди-Спекки», прямо напротив Капитолия и недалеко от Санта-Мария-Нуова. Покупке этого здания препятствовали различные соображения: оно было ни таким большим, ни таким удобным, как можно было бы желать; но в конце концов всё уладилось, и к концу 1432 года сделка была завершена. Это здание, которое поначалу рассматривали только как временное место жительства, впоследствии обросло пристройками и по сей день остается центральным помещением ордена; и в папской булле конгрегация получает наименование «Облатки Тор-ди-Спекки». Уладив это дело, Франциска смогла также рассеять возражения родителей некоторых младших облаток и примирить их с предстоящим изменением образа жизни их дочерей. Несомненно, для неё было испытанием то, что, устраняя все трудности на пути к более совершенной жизни, уготованной её сподвижницам, самой ей дано было лишь, подобно Моисею, взглянуть на обетованную землю духовного уединения, в которую они, её ученицы и её чада, готовы были вступить и по которой она томилась со дней своего детства. Но в отношении своего долга она не колебалась ни разу; ведь ей было ясно, что Лоренцо освободил её от всех обязательств, кроме единственного: жить в его доме и присматривать за ним в старости. Недуги его умножились, и без её

внимания невозможно было бы доставить ему облегчение. Никто не смог бы заменить ему заботу Франциски. Она приносила Богу в жертву своё каждодневное самоотречение, а Он новыми проявлениями Своей благосклонности вознаградил её послушание.

Следующей её заботой было создание уложений и устава, которыми предстояло руководствоваться новорождённой конгрегации; и предмет этот часто обсуждался в беседах с благочестивыми покровителями. После продолжительных размышлений, в ходе которых они не смогли прийти к какому-либо заключению, было решено, что этот вопрос следует представить Богу в молитве; и они не обманулись в своих надеждах. В ряде видений, в которых Франциске в первую очередь являлся святой Павел, а порой – Пресвятая Дева и св. Иоанн Богослов, ей были даны столь полные и подробные указания относительно устава, которому предстояло следовать её духовным дочерям, что тут не оставалось места для колебаний. Какие посты им следует соблюдать; сколько времени посвящать молитве, работе и сну; надлежащий образ действий; какие вычитывать устные молитвы; как блюсти уединение и безмолвие; предписания об обязательной общности имущества; указания на всякое время относительно одежды, занятий, отделения от мира, отрешённости от всех земных уз родства и знакомства; предварительные меры для достижения родительского согласия и обеспечения свободы действий облаток, что впоследствии пожелают вступить в орден, – всё было изложено с величайшей точностью; а дону Джованни и его соратникам были переданы наставления относительно руководства и управления конгрегацией. То, сколь дивным образом святая часто читала их самые сокровенные мысли, наблюдаемые ими чудеса и поразительный уклад её жизни, в котором самые деятельные добродетели сочетались с совершенным смирением, а сверхъестественные милости принимались с глубочайшим самоуничижением, служило для них ручательством подлинности её откровений, содержание коих в сжатом виде сводится к ряду правил устава, что и по сей день соблюдается облатками Тор-ди-Спекки.

ГЛАВА XII. УСПЕХИ И ИСПЫТАНИЯ МОЛОДОЙ ОБЩИНЫ. ПАПСКОЕ ОДОБРЕНИЕ. БЕДСТВИЯ В РИМЕ И ЦЕРКВИ ПРЕКРАЩАЮТСЯ БЛАГОДАРЯ МОЛИТВЕННОМУ ЗАСТУПНИЧЕСТВУ ФРАНЦИСКИ И ТРУДАМ ФЛОРЕНТСКОГО СОБОРА

25 марта, на праздник Благовещения 1433 года десять облаток собрались в церкви Санта-Мария-ин-Трастевере, куда святая их основательница издавна ходила на богослужения. Все они послушали мессу и с величайшим рвением приступили к причастию, а затем чередой направились к обители, в которой им отныне предстояло жить. <...>

В тот день, когда сподвижницы Франциски впервые вступили в эти стены, их там не ожидало ничего особо радующего глаз, впрочем, они, только что отойдя от алтаря, принесли с собой (пускай, только в сердцах своих) источник всяческого света и любви; и в глазах веры представший им вид наверняка был прекрасен. С наслаждением они сменили обычное платье на то, что предписывал устав: одна лишь Франциска была среди них не монахиней по своему внешнему одеянию, но зато самой из них всех подлинной монахиней по внутреннему посвящению всего своего существа Богу. Аньезе де Селлис, её родственница, весьма прославленная своей добродетелью и благоразумием женщина, была избрана настоятельницей обители. Поистине восхитительное зрелище предстало римскому люду: все эти женщины благородного происхождения, привыкшие ко всяческим жизненным удобствам, в большинстве своём

состоятельные; некоторые ещё молоды – и вот, из любви к Богу они отказываются от всего и передают своё имущество родственникам; ибо не для того, чтобы вести непринужденную жизнь, полную лишь благоговейной тишины и священного созерцания, отделились они от мира. Но для того, чтобы подражать Христовой нищете, а тем немногим, что у них всё-таки осталось, владеть сообща, как первые христиане, и терпеть все лишения, от бедности проистекающие. Их строгое и добровольное послушание кроткой Аньезе было столь же замечательно, как мягкость и смирение, с которыми она правила. Их редко видели вне дома, часы их были разделены между молитвой, размышлением, духовным чтением и делами милосердия. Франциска, вынужденно отсутствовавшая телом, всегда присутствовала среди них духом. Она была нежнейшей матерью для этого малого стада, собравшегося под её крылышком: заботилась об их нуждах, навещала их всякий раз, как могла оставить мужа, побуждая их к совершенству своими словами и примером, утешая слабых и укрепляя сильных.

Нечего было и надеяться, что новорождённая конгрегация будет избавлена от дурных слухов и от тех гонений, которые всегда сопровождают такого рода начинания и подвергают испытанию мужество вернейших служителей Божиих. Образ жизни облаток стал общим предметом обсуждения; и хотя более мудрая и лучшая часть общества была преисполнена уважения и восхищения их добродетелями, не было недостатка и в людях, готовых поднять вопль против них и против их основательницы да посетовать на то, что каким-то женщинам оказалось позволено жить, строго говоря, ни по-мирски, ни по-иночески; монастырь-де у них без ограждений, без обетов, без доходов, без каких-либо надёжных источников для его постоянного содержания. Эти толки не могли не подействовать на от природы нерешительные умы дона Джованни Маттиотти и фра Бартоломео Бьянди. Первый особенно разочаровался и пал духом. Руководство орденом стало для него тяжким бременем, а его вера в откровения, явленные Франциске, не выдерживала столкновения со множеством предвидимых им мирских трудностей. Однако, когда святая чудесным образом прочла его мысли и донесла до него и его сподвижника слова порицания и ободрения, обращенные свыше к ним в одном из её видений, у них открылись глаза на собственное малодушие, и им стало стыдно за свои опасения.

Еще одно грозившее им испытание милостью Божией превратилось в утешение. Одна из самых младших облаток, Августина Колуцци, была единственным ребёнком у своей вдовой матери. Эта женщина принесла щедрую жертву Богу, с радостью отпустив возлюбленную дочь безраздельно служить Тому, Кто призвал её к этой высокой участи; но цена оказалась слишком высока для неё, или, скорее, она переоценила свои силы. Ибо, когда жертва была принесена, человеческие чувства восстали в её сердце со страшной силой, и теперь, когда дом лишился лучика света, теперь, когда сердечно любимое дитя перестало радовать взор, жизнь показалась ей одной тоскливой пустотой. Ещё и упрёки совести за этот тщетный ропот усиливали её несчастье, пока несчастье, наконец, не переросло в отчаяние. В порыве яростного умопомрачения она схватила нож и хотела было покончить с собой, как вдруг, подобно ангелу в час крайней нужды, дочь оказалась рядом с ней и схватила её за руку. Её появление в ту минуту было настолько против всех правил и вероятия, что мать воззрилась на неё в молчаливом изумлении. Оказалось, в тот миг, когда сатана искушал несчастную женщину, Франциска пребывала в молитве, и ей чудесным образом открылась жуткая опасность, в которой оказалась вдова. Святая немедленно велела Августине оставить все занятия и поспешить к матери. Девочка как раз успела; и так велико было впечатление, которое это милосердное вмешательство произвело на женщину, так глубоко она прочувствовала опасность, которой подверглась её душа, что она поспешила броситься

к ногам Франциски и, призвав благословение на неё и на свою дочь, возблагодарила Бога за призвание Августины и искренне пожелала ей остаться ему верной.

Ещё одному испытанию подверглась община Тор-ди-Спекки в те первые времена своего существования из-за решения богатой молодой наследницы присоединиться к ордену. Она принадлежала к одному из самых знатных семейств в Риме и намеревалась использовать свои богатства для поддержки молодой общины. Франциска не хотела её принимать, но, подчиняясь мнениям остальных, уступила. Сразу же поднялся сквал осуждения; и не было конца клевете и брани по этому поводу. Франциска, вновь озаренная божественным указанием, настояла на возвращении молодой особы в семью; и отныне было установлено правило, что в орден могут принимать только лиц более зрелого возраста.

Эти и многие другие трудности вызвали насущную потребность в одобрении Святейшего Отца – озаменованная им деятельность ордена обрела бы щит от злобы мира. Они испрашивали разрешения на следующее: 1-е, чтобы облаткам было предоставлено право жить общиной и допускать других людей в свой круг; 2-е, чтобы они могли избирать себе настоятельницу; 3-е, чтобы эта настоятельница имела право выбирать духовника для обители; 4-е, чтобы у них была капелла, в которой можно слушать мессу, исповедоваться и причащаться, не завися от решений прихода и приходских священников. Этот план получил полное одобрение всех трёх покровителей; но потребовалось некоторое время, чтобы убедить дона Джованни представить его перед Верховным понтификом. Священник считал, что беспокойное состояние Рима и многочисленные заботы, постоянно отвлекающие Святого Отца, не дают никаких надежд на успех такого предприятия, но, убеждённый несколькими неопровержимыми доказательствами Божия изволения на то, чтобы он взялся за него, в конце концов согласился. Прошение было составлено от имени сообщества облаток, поскольку Франциска наотрез отказалась называться основательницей. Пока дон Джованни держал путь к папскому дворцу, облатки Тор-ди-Спекки и монахи Санта-Мария-Нуова объединились в ревностной молитве к Богу об успехе его визита. Евгений IV принял посланника Франциски с величайшим радушием и велел передать ей заверения в своем благорасположении к конгрегации, заодно вверив себя её молитвам и молитвам её сестричества. Он вверил рассмотрение дела Гаспарду, архиепископу Концы, и поручил ему проверить всё изложенное в прошении и связаться по этому поводу с настоятелем и монахами Санта-Мария-Нуова, после чего, если он окажется удовлетворен итогами, предоставить сёстрам запрошенные полномочия. Архиепископ с усердием занялся исполнением этого наказа; и вот, та самая грамота, в которой записано дарованное разрешение, доселе хранится в архивах монастыря.

Согласно документу, облатки подчиняются руководству настоятеля и монахов Санта-Мария-Нуова и могут продолжать жить в доме Тор-ди-Спекки до тех пор, пока не приобретут другой. Вскоре после того облатки, исполненные благодарности и радости об оказанных им милостях, с каждым днем становясь всё довольнее своим жилищем, попросили и получили разрешение остаться в нём насовсем. Эта последняя договорённость была достигнута в то самое время, когда Рим повергся в анархию и в его стенах царили ужасные беспорядки; когда папских магистратов изгнали, а на их место поставили неистовых демагогов. Папа укрылся в Болонье, и именно в этом городе был подписан последний вышеупомянутый указ. Устав конгрегации затем ещё подтвердили один за другим три генерала Оливетанского ордена; а в 1444 г. Евгений IV ещё более расширил права и полномочия облаток.

Франциска всем сердцем осознавала ту ответственность, что приняла на себя при основании конгрегации, и чувствовала себя обязанной сама все более и более совершенствоваться в добродетели, а также способствовать благочестию своих духовных дочерей. Наведываясь монастырь, она обычно трудилась без разбора на кухне либо в приёмной; прислуживала за столом и мыла посуду, когда доводилось; и ни в малейшей мере не терпела особого с собой обращения. Приходя и уходя, она всякий раз благоговейно целовала руку настоятельницы Аньезы де Селлис и просила у неё благословения. Порой она сопровождала сестёр в свой виноградник близ церкви св. Павла-за-стенами, где они собирали валежник и, скрутив в вязанки, несли в Рим. Однажды при этом ей пришлось мягко попенять одной из облаток, попытавшейся заслонить святую, когда мимо проходила некая знатная особа. Брала Франциска их с собой также в городские больницы и богадельни, и чудесные исцеления, совершаемые ею в их присутствии, укрепляли их веру и воспламеняли самым горячим желанием подражать её примеру.

В то время, как несчастья Рима достигли предела, Франциска явилась однажды утром в монастырь и, собрав вокруг себя духовных дочерей своих, обратилась к ним с таким словом: «Что нам делать, дети мои? Гнев Божий горячо воспылал против несчастной нашей страны; Рим находится в руках жестоких беззаконников; Святой Отец в изгнании; служители его в темнице, его жизни ищут, как если бы он был гнусным угнетателем, и мы не знаем, когда ожидать его возвращения. Растет развращение, торжествует порок, ад разверзся для душ, искупленных кровью Христовой, а те, кому надлежит гасить пламя, лишь раздувают его да навлекают на нас справедливый суд Божий. Пресвятая Богородица ждёт от нас больше усердных молитв, больше слез, больше подвига. Мы должны возместить великий недостаток любви. Обуздание плоти и молитвы — вот чем мы вооружены; наши сердца — жертвы на заклятие за человеческие грехи; наши слезы должны угасить этот нечестивый огонь; мы не станем истинными облатками (от лат. *oblatus* – принесённый в дар или жертву; также *oblata* – синоним гостии, евхаристической просфоры, то же, что и «облатка» в просторечии. – прим. пер.), пока не принесём в жертву себя, свою душу и своё тело Господу. Нас мало; но не сомневайтесь в силе молитвы. Будемте ревностны и настойчивы, и вскоре мы пожнем плоды наших усиленных молений, наших длительных прошений; и свобода, мир, все благословения Божии восстановятся в Риме». Увещевания Франциски возымели действие, равно как и горячие молитвы, которые сёстры затем вознесли; ибо в том же году епископы Реконти и Турпия от имени папы вновь взяли власть в городе; и римляне, уставшие от анархии, охотно приняли их правление.

Теперь же ещё более ужасное зло, более жуткая опасность грозила уже не одному Риму, но и всему католическому миру. Непослушное поведение Базельского собора с его резкими выражениями по отношению к Святому Престолу довело дело до такой точки, что прискорбный раскол казался неизбежным. Папа Евгений разрывался между страхом подхлестнуть схизму и страхом подорвать неправомерными уступками доверие к законной власти Петровой кафедры. Именно в этот момент Пресвятая Дева явилась однажды ночью Франциске в окружении святых и апостолов, безмятежно прекрасная и с сострадательным выражением лица. После некоторых предварительных духовных наставлений она сообщила святой, что Бог всё ещё ждёт возможности явить Свою милость и что гнев Его следует смягчить усердными молитвами и добрыми делами. Она указала определённые благочестивые упражнения, определённые покаянные подвиги, которые предстояло соблюдать на великие праздники следующего года; и, заповедав всем верующим в целом, а особенно облаткам, самым тщательным образом блюсти чистоту сердца, искренне каяться в

прошлых грехах и питать дух искреннего милосердия, она поручила Франциске проследить за тем, чтобы Её наказания выполнялись, и, уделив ей благословение, исчезла. Однако напрасно дон Джованни делился этим откровением с римским духовенством. Иерархи отвергли его как мечту болезненно-набожной женщины; и даже самые серьёзные из них совершенно не придавали этому ни малейшего значения.

Не таков оказался наместник Христов, когда духовник Франциски принес ему в Болонью послание святой; он выслушал его с благоговением и благодарностью и разослал через своих людей все необходимые распоряжения для исполнения наказов, которые дала Пресвятая Дева. Когда дон Джованни прибыл назад в Тор-ди-Спекки, его встретила Франциска; и прежде чем он успел открыть рот, она дала ему точный отчет обо всём, что с ним случилось в дороге да и о самых выражениях, какие Святой Отец употребил во время беседы. Распоряжения Папы были исполнены: отслужены назначенные мессы, проведены процессии; и в скором времени со всей очевидностью последовал благоприятный итог. Папе пришла счастливая мысль созвать собор, который собрался в Ферраре, а впоследствии продолжил свою работу во Флоренции. Это, наконец, положило конец притязаниям незаконного собрания в Базеле, и раны Церкви постепенно залечились. В то время существовало лишь одно мнение относительно причины столь благоприятной перемены в положении дел – его единодушно приписали молитвам Франциски и выполнению папой полученных от неё наказов; причём на её канонизационном процессе это мнение подробно рассмотрели и сочли вполне обоснованным; так что те, кому известна крайняя осторожность, наблюдаемая в этих случаях при допущении показаний по такому предмету, будут впечатлены конечным постановлением: Франциска послужила орудием Божией милости к Его страдающей Церкви.

ГЛАВА XIII. СМЕРТЬ МУЖА ФРАНЦИСКИ. ОНА ПОСЕЛЯЕТСЯ В ОБЩИНЕ ТОР-ДИ-СПЕККИ. ЕЁ ЖИЗНЬ В ДОЛЖНОСТИ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ

Сорок лет была Франциска замужем за Лоренцо Понциано, и на протяжении всей её супружеской жизни сердце, посвящённое Богу с самой зари её существования, оставалось верным в любви к тому, о ком Сам Бог велел ей паче всего заботиться на земле; и благословенна была их общая жизнь на всём своём протяжении; благословенна нежной привязанностью, царившей между мужем и женой, и проявлением необычайных добродетелей, помноженных на стремление к общей цели. Франциска прокладывала путь, шествуя впереди; в кротости, в смирении, в послушании, но с единственным намерением и непоколебимой решимостью. Многочисленны и суровы были испытания, выпадавшие на долю супругам в разные поры их жизни, но последняя часть жизни Лоренцо оказалась относительно спокойной. Бог призвал его первым, избавив от испытания, которого он, вероятно, боялся (людям вообще редко выпадает на долю пострадать от того особого несчастья, что постоянно мучает их воображение). Здоровье его надломилось ещё несколько лет назад, а теперь совершенно расстроилось, и болезнь его стала вызывать тревогу. Франциска, хотя и утомлённая тяжелым трудом, постами, духовными и телесными подвигами, находила в себе силы и для исполнения всех бытовых обязанностей по отношению к мужу, и для помощи ему в любой срочной нужде. Во время продолжительной и мучительной болезни Лоренцо она всегда была рядом, ухаживая за ним с неизменной нежностью и довершая дело, столь образцово начатое. Его преставление из жизни в вечность казалось всего лишь безопасным путешествием. Попытки сатаны потревожить его на смертном одре, хотя и повторялись часто, каждый раз терпели неудачу. Лоренцо был человеком справедливым, и смерть его стала смертью праведника (ср. Пс. 115:6).

Немногие мужчины показали бы себя столь же достойными такой жены, как Франциска. Со дня свадьбы он ценил ее добродетели, радовался её благочестию, поощрял её добродетели и в значительной мере соучаствовал в них. Ни убогая ревность, ни оглядка на людское мнение, ни соображения мирской выгоды не нашли в его душе места. Видя, как жена его отказывается от всех удовольствий и сует мира, одевается по-беднячки, изнемогает в ревностных трудах любви к ближним, превращает половину его дворца в приют, он не сетовал, а скорее радовался тому, что она оказалась одной из тех, кто был некогда в посмеянии и притчею поругания, чью жизнь безумные почитали сумасшествием и кончину бесчестною, а он причислен к чадам Божиим, и жребий его – со святыми (ср. Прем. 5:3-5).

Он получил свою награду; он получил её, когда зрение его ослабло и дыхание затруднилось, когда почуял он, что пришёл его час. Он получил её, когда в его глухнувшие уши Франциска прошептала умиротворяющие слова, а сатана, с воплем отчаяния навеки бежал от его ложа; когда открылись вечные врата, и прозвучал приговор на том суде, что следует непосредственно за смертью. После святая в его память заказывала мессы, молилась, с мыслью о нём ревностно причащалась и благоговейно читала литании; но когда она, воплощённый идеал жены, встала у его могилы во вдовьем наряде, её земная задача оказалась, в некотором смысле, выполнена.

Но некоторые дела ещё оставались – иного, впрочем, свойства. С самых юных лет она была инокиней по духу; и сердце, вздыхавшее о монастыре в детстве, жаждало укрыться в сем убежище и в эти последние дни. Она должна пойти и жить в сени скинии (ср. Ис. 4:6); она должна провести наедине со своим Господом те немногие годы, что ей осталось жить! Дети её должны были бы предвидеть такой поворот событий, но тем не менее, как и все подобные испытания, сколько к ним ни готовься, это в конце концов стало для них неожиданностью. Когда она сказала: «Я должна идти», скорбное стенание наполнило дворец Понциано. Баттиста, единственный и возлюбленный сын Франциски, громко плакал. Мобилия бросилась ей в объятия и с неистовой горечью воспротивилась её уходу. «Вы не боитесь за меня? — воскликнула она. — Неужто вы меня бросите – вы, научившая меня любить Бога и служить Ему! Что я без вас? Слишком сильно, слишком нежно вы любили меня. Не может быть, чтобы вы меня оставили! Мне не по силам жизнь без вас». Внуки Франциски, к которым она была нежно привязана, вцепились в неё, плача. Тронутая их слезами, но непоколебимая в своем решении, она кротко утешила их и велела вспомнить, что она так и останется жить в Риме, что чувство её к ним останется неизменным и что она всегда будет рядом, готовая посоветовать и помочь им, но что её призвание должно теперь быть исполнено, а жертва совершена. Затем, обратившись к Мобилии, она ласково, как возлюбленному чаду, сказала ей: «Не плачь, доченька; ты переживёшь меня и принесёшь свидетельство в память обо мне». Это предсказание сбылось, ибо Мобилия была жива в то время, когда начался процесс канонизации Франциски, и свидетельства, какие она давала о её добродетелях и чудесах, оказалось тогда самым важным и подробным.

После этого Франциска попрощалась со своей семьей и отправилась прямо в Тор-ди-Спекки. Как раз 21 марта, в праздник св. Бенедикта, она вступила в его стены не как основательница, а как постулантка, смиренно просящая о приёме. У подножия лестницы, сняв черное платье, покрывало и туфли и накинув на шею верёвку, она опустилась на колени, поцеловала землю и, обильно проливая слёзы, произнесла вслух общую исповедь в присутствии всех облаток; назвала себя жалкой грешницей, тяжело

оскорбившей Бога, и просила позволения поселиться среди них в качестве последней из служанок и научиться у сестёр, как изменить свою жизнь и вступить на поистине праведный путь. Духовные дочери Франциски поспешили поднять её и обнять; и, облачив её в хабит, повели в капеллу, где все и воздали благодарение Богу. Пока святая оставалась там, погружённая в молитву, настоятельница Анъезе де Селлис собрала сестер в зале капитула и объявила им, что теперь, когда к ним явилась их истинная мать и основательница, самой Анъезе было бы нелепо оставаться в нынешней должности; что руководительница и глава им – Франциска, а потому в её руки она сейчас же передаст свою власть. Все приветствовали её решение и, собравшись вокруг святой, объявили ей о своём пожелании. Как и следовало ожидать, Франциска решительно отказалась принять это предложение, ссылаясь на неспособность выполнять обязанности настоятельницы. Облатки прибегли к помощи дона Джованни, который, начав было с упрасиваний, в итоге приказал ей принять полномочия. Его повелениям она никогда не сопротивлялась, и, соответственно, 25 марта её подобающим образом избрали на эту должность.

Ей было даровано видение, которое укрепило и воодушевило её в новой задаче, ставшей перед ней. Ангел, который в течение двадцати четырех лет был рядом с нею, защищая и помогая ей во всех обстоятельствах, ныне с благосклонной улыбкой распрощался с нею, и на его место был назначен другой, еще более сиятельный. Днём и ночью он непрерывно плел таинственную пряжу, нити которой, казалось, вырастали из таинственной пальмовой ветви, которую он носил с собою. Св. Бенедикт явился Франциске в день избрания и объяснил ей значение этих символов. Золото прообразовывало любовь и милость, которые должны главенствовать в её отношениях с дочерьми, а пальма символизировала победу, которую ей предстояло одержать над человеческой слабостью и зависимостью от людского мнения. Непрестанные труды ангела призваны означать неустанные усилия, которые ей придётся прилагать для правильного устройства и духовного благополучия вверенной её попечению общины.

И поистине: в новом звании своём она трудилась с неутомимым усердием. Перед глазами у неё всегда были слова святого Павла, обращённые к Тимофею и Титу: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим. 4:2). Проповедуя гораздо более деяниями своими, нежели словами, она подавала пример самых героических добродетелей. Трудно представить что-либо совершеннее, чем её жизнь в миру, однако новые обязанности, новые полномочия её теперешнего служения каждый день прибавляли её добродетелям великолепия. Она назначила Анъезе де Селлис своей заместительницей и упростила её разделить с ней комнату и следить за её поведением, прося в то же время предупреждать её о всяком проступке, который она может совершить. Её строгость по отношению к своим духовным чадам, пускай и умеренная любовью, была чрезвычайной. Она никогда не оставляла ни одного несовершенства без исправления и не допускала никаких нарушений устава, даже самых незначительных. Порой, когда из застенчивости или ложного стыда сёстры утаивали какой-нибудь пустяковый проступок, в котором обязаны были признаться, она читала в их сердцах и напоминала им, что нельзя давать сатане над собою власть посредством такой скрытности. Она весьма заботилась об их здоровье и старалась как можно чаще доставлять им какое-нибудь невинное отдохновение. Иногда они ходили с ней в один из её неогороженных виноградников, чтобы поразмяться на чистом воздухе. Мягкая весёлость Франциски в таких случаях доставляла им вящее удовольствие, и уже какой-то забавой было собирать дрова и траву, скручивать вязанки и затем в ночи доставлять домой свою добычу на голове. Разговор, который вёлся между ними, был

столь же оживлённым, сколь и невинным. Эти юницы, рождённые во дворцах и воспитанные в роскоши, работали как крестьянки, а на сердцах у них было даже легче, чем у сельских тружениц.

В один прекрасный солнечный январский день — а те, кто когда-нибудь жил в Риме, хорошо знают, каким прекрасным может быть январский день, — Франциска и семь-восемь её спутниц с самого рассвета трудились в виноградниках Порты Портезе. Они хорошенько поработали несколько часов, а потом вдруг вспомнили, что не взяли с собой снеди. Вскоре они почувствовали слабость и голод, а главное, сильную жажду. Перна, самая младшая из облаток, особенно разгорячилась и устала и, подойдя к матери-настоятельнице с утомлённым выражением лица, спросила позволения пойти и попить воды у источника где-то в стороне от дороги.

«Потерпи, дитя моё, — ответила Франциска, — источник слишком далеко». Она боялась, что эти юницы, разогретые тяжёлым трудом и пребыванием на солнце, напьются холодной воды. Работу продолжили, а Франциска, отойдя в сторону, опустила на колени, сцепила руки и, подняв глаза к небу, сказала: «Господи Иисусе, я по неосторожности привела сюда своих сестёр и забыла припасти еды для их. Помоги нам в нужде!»

Перна, которая держалась рядом с матерью-настоятельницей, вероятно, с намерением настоять на исполнении своей просьбы, нечаянно услышала эту молитву и, немного раздражённая горячеей жаждой, которую ей приходилось выносить, с некоторым нетерпением подумала: «Куда больше толку было бы немедля отвести нас домой». Франциска прочла этот сокровенный помысел и, повернувшись к недовольной девушке, молвила: «Дитя моё, ты недостаточно доверяешь Богу. Подними глаза и увидишь». Перна повиновалась и, проследив за указующим жестом Франциски, увидела обвивающую дерево виноградную лозу, с мёртвых и безлистных ветвей которого свисало множество превосходных гроздей винограда того ярко-пурпурного оттенка, который пылкие солнечные лучи августа и сентября придают этому славному плоду.

«Чудо! чудо!» — воскликнула в восторге Перна, и прочие облатки собрались вокруг дерева в безмолвном изумлении, потому что весь день они наблюдали там лишь голые и сморщенные ветви. По меньшей мере двадцать раз они проходили перед ним туда и обратно, да и в любом случае сезон винограда давно миновал.

Коленопреклоненно возблагодарив Бога за это благодатное чудо, они расстелили на траве ткань и собрали драгоценные плоды. Гроздей оказалось ровно столько, сколько было присутствующих; и с улыбающимися лицами и радостными сердцами чада Франциски вкусили от яств, обретённых по её молитве.

Послушание было той добродетелью, совершеннейший пример которой подавала сама святая и которой она неослабно требовала от других. Однажды, когда одна из облаток отказалась подчиниться полученному приказу, Франциска устремила на неё взор, выражающий столь крайнюю суровость, что провинившаяся особа внезапно потеряла сознание и после этого осталась безмолвной и в бесчувственном состоянии. Послали за врачами, которые заявили, что её жизнь в непосредственной опасности. Это оказалось суровым испытанием для святой; она не могла упрекнуть себя в строгости, которая была вопросом долга, а не страсти, но в то же время трепетала за душу той, которая, судя по всему, лишилась рассудка как раз в ту самую минуту, когда совершала

немаловажный проступок. Вознеся горячую молитву Богу и призвав Пресвятую Богородицу, настоятельница подошла прямо к постели сестры и, взяв её за руку с великой торжественностью, обратилась к ней со следующим словом: «Если правда, что конгрегация наша угодна Богу и имеет Его Святую Матерь своей основательницей, во имя святого послушания я приказываю тебе говорить со мной». Облатка словно очнулась от долгого сна и, открыв глаза, внятно промолвила: «Матушка, что велите мне сделать?» С того часа она пошла на поправку и вскоре была здорова.

В другой раз, когда умирала одна пожилая инокиня из конгрегации, и каждое мгновение могло стать для неё последним, Франциска молилась, дабы не довелось сестре уйти в отсутствие дона Джованни, духовника обители. Шесть дней и шесть ночей больная пребывала между жизнью и смертью. По приезде же духовника пришла в себя, исповедовалась и приняла Последние таинства. Потом, когда она опять впала в бесчувствие, Франциска, склонившись над нею, сказала: «Сестра Катерина, иди с миром да молись о нас», и в то же мгновение пожилая женщина скончалась.

Бедность конгрегации была крайней. Скучные средства первых облаток ушли на покупку дома и возведение небольшой капеллы. Франциска, конечно, передала ей два своих виноградника – те, что в Порта-Портезе и у Св. Павла-за-стенами, но ничтожный доход, который они приносили, был совершенно недостаточен для содержания пятнадцати человек; кроме того, инокини были настолько проникнуты духом своей основательницы, что никогда не могли заставить себя отправить ни с чем ни одного попрошайки, стучавшего в двери, пока у них был хоть кусок хлеба, который они могли бы ему уделить. Они часто обходились целыми днями без еды, лишь бы не отказать себе в счастье накормить бедняков. Франциска, радуясь добродетелям своих чад, но нежно заботясь об их благополучии, была неутомима в усилиях по обеспечению их всем необходимым для жизни. В таких случаях она обращалась за подмогой к своим родственникам или даже к незнакомцам, и Всемогущий Бог порой помогал ей обеспечить сестёр чудесным образом.

Однажды, когда сестра, чья очередь была присматривать за кладовой, обнаружила, что не может подать на стол ничего, кроме двух-трех кусочков хлеба, она пошла посоветоваться со святой, а та сразу же предложила ей пойти вместе с нею просить подаяния. По своему неизменному правилу она попросила разрешения на это у Аньезы де Селлис, своей заместительницы. Вопреки обычной в таких случаях сговорчивости Аньезе отказала и заявила, что если кому-то и нужно просить милостыню, этим займётся она сама с другой сестрой. Тогда Франциска, задумавшись на мгновение, ответила: «Я думаю, что Бог позаботится о нас, и никому не потребуется выходить из обители,» – и, позвав облаток в трапезную, она благословила хлеб и распределила его между ними мелкими частями. Каждая, начав есть свою долю, увидела, как та стремительно умножается, и не только хватило на раз насытиться, но по завершении осталось ещё вдоволь, чтобы прокормиться следующий день.

Дар пророчества она в ту пору тоже применяла чаще, чем когда-либо прежде. Однажды, когда она молилась в своей келье, монахини услышали её восклицание: «О Царь Небесный, поддержи и утешь эту бедную несчастную мать», а несколько часов спустя узнали, что в тот самый миг некий молодой дворянин Якобо Маддалени был сброшен лошадью и погиб на месте к невыразимому горю своей матери.

Умирал некий Лоренцо Альтиери, и его жена Палоцца была подавлена горем, ибо у неё было несколько малых детей, и мысль потерять мужа приводила её почти в отчаяние.

Врач заявил, что его случай безнадежен, и когда она посылала за Франциской, сердце её разрывалось. Святая подошла к ней и сказала сострадательно: «Сестрица, откажись от любви к миру и от суеты его, и Бог сжалятся над тобой. Лоренцо ещё поправится; он и на похороны мои придёт». Предсказание сбылось, и Лоренцо, восстановив здоровье, присутствовал, как она и сказала, на похоронах святой, а Палоцца, чьё сердце в тот миг полностью обратилось, дав обет в случае его смерти удалиться в монастырь, когда её дети смогут обходиться без неё, вела отныне во всех отношениях христианскую жизнь, приличествующую жене и матери.

Настоятельница сестер третьего ордена св. Франциска однажды посоветовалась с нею по поводу приёма юной девицы, которая просилась к ним. Франциска ни разу не видала постулантки и ничего прежде не знала о ней, но без колебаний ответила, что призвание это ненастоящее, и стоит отказать ей. «Она вступит в другой монастырь, – добавила святая, – и, пробыв в нём недолгое время, вернётся в мир и затем вскоре умрёт». Случилось именно так, как и было предсказано: Франческа да Фабрика ушла в монастырь Каса-ди-Ченто-Финестре на берегу Тибра, до конца года расстриглась, а вскоре после возвращения в мир сильная лихорадка унесла её жизнь.

У Грегорио и Джентилески Селли была девочка четырех лет, которая была парализована, и тело её до пояса казалось совершенно иссохшим. Их часто убеждали прибегнуть к заклинаниям или чарам, которые тогда были очень даже в ходу, но они неизменно отказывались искать исцеления с помощью таких средств. И вот они принесли малышку к Франциске, полные веры в её молитвы, о которых и пришли попросить, а она воскликнула при первом же взгляде на них: «Блаженны вы, что не искали выздоровления для вашего ребенка незаконными путями. Через три дня, друзья мои, она выздоровеет» – и предсказание сбылось в точности.

Нет смысла умножать подобные рассказы. С годами, особенно после её ухода в Тор-ди-Спекки, всё чаще и чаще стали проявляться те сверхъестественные дары, которыми Бог наделил кроткую римскую святую. Не проходит и дня, чтобы какое-нибудь новое чудо не вызвало вспышки благодарного воодушевления у добросердечных и набожных жителей Трастевере. То сбежавшая лошадь растопчет ребенка, и посылают за Франциской, при виде которой он приходит в себя. То молодой лодочник в самом расцвете лет падает в Тибр, его уносит течением под арки Понте-Ротто, откуда его без признаков жизни приносят несчастной матери, и она кричит друзьям: «Бегите, бегите к угоднице Божией, ступайте к Франческе деи Понциано и просите её помолиться за мальчика». Когда ж они возвращаются, мать всё ещё оплакивает бездыханное на вид дитя, но они уже кричат издалека: «Угодница Божия говорит, что он не умрет!» – и через несколько мгновений Паоло Гвидолини открывает глаза и улыбается матери, которая несколько лет спустя становится одной из облаток Тор-ди-Спекки. То однажды в Страстную пятницу после службы в соборе св. Петра присядет Франциска на миг передохнуть на ступенях церкви, и тут же парализованная женщина преклоняет колени у её ног и вымаливает, чтобы та возложила руку на её иссохшие члены, которые немедля исцеляются. Нет в помине такого недуга, которого бы не излечили или не смягчили её молитвы или прикосновение руки. Она возвращает зрение слепым, немые говорят, глухие слышат, хромы ходят по её велению; чума, и безумие, и припадки, и раны, и одержимость отступают пред силою, которой наделил её Всемогуший Бог; и проходит она по сей земле нашей, раздавая благословения, как верная служанка Того, Кто ходил, благодворя.

В то же время всё более и более восторженными становились её молитвы, всё заметнее для всех делалось присутствие Святого Духа в её душе, всё более отдалялся от естественных условий существования её жизненный уклад. В часы приема пищи, которые она соблюдала из послушания уставу, её сподвижницы замечают, что она почти совсем не ест, но что её лицо обращено к окну, а глаза устремлены в небо, причём лучи света словно бы играют вокруг неё, и лицо её становится всё ослепительнее от небесного сияния, заливающего его. Всё продолжительнее становились её моления; часто при посещении церкви она впадает в экстаз, который длится до ночи. Великие видения, проблески небесных образов, которыми она наслаждается, созерцание ангелов и Господа ангелов, время от времени сменяются ужасающими явлениями, новыми нападениями сатаны, который временами ополчается на неё с сугубой яростью, зная, что её окончательное торжество уже близится, и венец вот-вот снидет на чело, которое уже лучится неземным сиянием святости. На старых фресках древней капеллы Тор-ди-Спекки изображены некоторые из этих таинственных схваток между Франциской и лукавым; и в её келье остались следы того необычайного насилия, которое сатане попускается творить в определенные мгновения и которое является прообразом войны, которая вечно идёт между ним и Божией Церковью. Порой он может сотрясать её бурями, которые сам поднимает, но тщетны его попытки повергнуть её. Следы сатаниной ярости запечатлелись на кровле скромной кельи Франциски, а мощи канонизированной святой теперь пребывают в покоях, которые искуситель в своем бессильном гневе когда-то пытался разрушить. Однако дивная эта жизнь, полная испытаний и чудес, подходила к концу. Благоговейнейшая из девиц, жён и вдов почти закончила свой путь и уже получала многочисленные предвещения близящегося конца.

После очередного такого предвестия она присмотрела одну из часовен в Санта-Мария-Нуова в качестве места погребения для облаток и попросила у оливоетанцев выделить её для этой цели. Она часто говорила сёстрам о своей смерти, а Рите, одной из подружек юности, сообщила, что та сменит её в управлении общиной. Дон Ипполито, один из тех, кто помогал ей при учреждении ордена, часто просил её о двух милостях: чтобы она относилась к нему, как к духовному сыну, и чтобы она призвала его к своему смертному одру. Франциска пыталась убедить его, что молитвы такой ничтожной грешницы, как она, не заслуживают внимания, но, тронутая его настойчивостью, в конце концов пообещала выполнить его просьбу. Поэтому ближе к концу 1439 года, когда он был по делам в Сиене, ему пришло письмо от святой, в котором она напомнила ему о его желании присутствовать при её последних мгновениях и, сообразно тому, увещевала его завершить дела и вернуться в Рим как можно скорее, что он соответственно и сделал. На Рождество и в праздник св. Стефана у неё были видения Пресвятой Богородицы и Младенца Иисуса, о которых она поведала дону Ипполито в церкви Санта-Мария-Нуова, куда она отправилась на обратном пути от храмов св. Лаврентия, что за стенами, и св. Иоанна Латеранского, которые один за другим посетила. Инок взволнованно молвил ей: «Теперь-то, матушка, вы окажете мне милость, о которой я так часто просил вас». «Да, – ответила святая, которая весь день пребывала в каком-то экстазе, хотя и ходила при этом с места на место, – да, и смотрю я на вас ныне как на своего отца, брата и сына». С этими словами она оставила его и вернулась в Тор-ди-Спекки, всё ещё погружённая в размышления.

Дон Ипполито провожал её взглядом, пока она не исчезла из виду; радость и печаль боролись в его сердце, ибо он понимал, что настает час её великой победы и невыразимой потери для чад её.

ГЛАВА XIV. ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ФРАНЦИСКИ

Франциске исполнилось шестьдесят пять лет. Тело её, изношенное трудами, постами и подвигами, ослабляли ещё и частые болезни, но её деловитость и неукротимая энергия оставались прежними. Она никогда не падала духом, не изнемогала и не уступала натиску телесных и душевных страданий. А нижеописанное испытание, потребовавшее её живейшего отклика, вероятно, ещё ускорило её конец.

В Церкви к возмущению и печали всех верных возникла очередная схизма. Епископы-раскольники, собравшиеся в Базеле, осмелились объявить папу Евгения низложенным, а на его место избрали антипапу – престарелого Амадея, герцога Тосканского, который некогда отрёкся от престола в пользу сына и жил отшельником на берегу Женевского озера. Узурпатор принял имя Феликса V, и несчастная эта схизма продлилась десять лет. Франциска обратила к небесам утомлённые глаза и взмолилась Господу, чтобы Он избавил её от зрелища этих бедствий: слишком уж остро она чувствовала скорбь Церкви, слишком печалилась о возобновлении распрей, влекущих за собою опасности для душ христианских. Возможно, в тот час ей было дано предвидение ужасающей бури, собирающейся обрушиться на Церковь, – чудовищную ересь, что спустя менее столетия поднимется против священной Невесты Христовой и похитит чад её.

3 марта 1440 года Франциску позвали к её сыну Баттисте, который был прикован к постели острым приступом лихорадки. Она сразу же послушалась и, придя во дворец Понциано, обнаружила, что ему гораздо лучше и он может встать с постели, но по настоятельным просьбам членов семьи согласилась провести с ними весь день при условии, что облатка Августина, сопровождавшая её, тоже останется, а ночью они вместе вернутся в монастырь. Ближе к вечеру святая так ослабела, что едва могла стоять, так что Баттиста и Мобилия умоляли её остаться во дворце либо позволить доставить её в обитель на носилках, но она настояла, что пойдёт пешком. Остановившись по дороге у церкви Санта-Мария-ин-Трастевере, она зашла испросить напоследок благословения своего духовного отца и застала дону Джованни в Капелле ангелов – том месте, где ей так часто бывали дарованы божественные откровения. Расспрашивая Франциску о Баттисте, он поразился необычайной бледности её лица и в послушание велел ей немедленно вернуться во дворец Понциано и предстоящую ночь провести там. Этот приказ оказался для святой суровым испытанием, поскольку она вдруг поняла, что если прямо сейчас не вернётся в Тор-ди-Спекки, то более никогда не вступит в его священные стены; однако, будучи верна духу совершенного послушания, она кротко склонила голову в знак подчинения и пошла назад в сыновний дом. В течение ночи у неё развилась смертельная лихорадка, и к утру она была совершенно больна. Первым делом Франциска позвала духовника и попросила известить своих духовных дочерей о её болезни. Четверо из них (Аньезе, Рита, Катерина и Анастасия) поспешили к ней и, услышав, что она заклинает дону Джованни не упустить ничего необходимого для благополучия её души, дружно разрыдались, видимо, сразу уразумев, что возлюбленная матушка вот-вот покинет их. Франциска мягко утешила их и отпустила до вечера, оставив при себе одну Августина, что присматривала за нею ночью и была свидетельницей экстаза, во время которого страдальца удостоилась следующего видения:

Явился Господь наш в окружении ангелов и святых и объявил ей, что через семь дней она умрёт и обретёт венец, уготованный ей на небесах. Сестра Августина увидела, что лицо умирающей озарилось сверхъестественным сиянием; лучезарная улыбка заиграла на её губах, и услышала, как та говорит с неопишным воодушевлением:

«Будь Ты вовеки славен и благословен, драгоценный мой Господи Иисусе Христе! Благодарю Тебя за незаслуженные милости, полученные мною из рук Твоих. Тебе, Тебе одному я обязана всеми благословениями, что у меня есть и ещё не получены мною». Когда после этого Франциску увидел дон Джованни, он вообразил, будто святая пошла на поправку, но она рассказала ему о своём видении и попросила сказать дочерям, что конец её приближается. Слезы и рыдания заглушили их речь; и святая мягко попеняла им за столь чрезмерную скорбь, просила порадоваться вместе с нею и восславить Божественную благодать за оказанную ей великую милость. В течение следующих двух дней она много страдала, но у неё не вырвалось ни единого слова, ни единого звука роптания. Её лицо было так безмятежно, будто никакая боль не терзала тела её, а тем, кто выражал надежду, что она ещё выздоровеет, она лишь отвечала с милой улыбкой: «Слава Богу, моё странствие закончится со следующей среды на четверг». Она попросила таинств, исповедалась, причастилась и приняла Последнее помазание. Искренние молитвенные возгласы, благоговейные вздохи, пылкие изъявления любви непрестанно восходили из её сердца к устам. Каждый день она вычитывала, будто была совершенно здорова, часы Пресвятой Богородице, розарий и все свои обычные молитвы. Облатки по очереди присматривали за ней, а Мобилия почти никогда не отходила от неё, так что мельчайшие подробности этого чудесного преставления оказались тщательно записаны. Франциска принимала всех, кто желал её видеть. Для каждого у неё находились слова совета, предостережения и утешения.

Когда весть о её болезни разнеслась по Риму, сердце великого города всколыхнулось до глубины, и скорбный, встревоженный, верный люд окружил дворец и самоё ложе умирающей святой. Отнюдь не встревоженная и не раздосадованная такими назойливыми проявлениями привязанности, она каждому дарила приветливую улыбку, нежный взгляд или доброе слово. Разумение её было совершенно ясным; ни тени раздражения не помрачило её нрава. Покой царил внутри и вокруг неё, и небесная безмятежность сияла на её челе и в сердце у неё. Злые духи и сам заклятый враг – которым ради её освящения и славы Божией так часто позволялось вставать у неё на пути и нападать на неё в течение жизни – ныне изгнаны и стоят в страхе поодаль, взирая, без сомнения, с завистливой яростью, на тот покой, который больше не в силах нарушать. Дон Джованни, так хорошо знавший её прежние искушения, часто спрашивал во время её последней болезни, не досаждают ли ей служители сатанины. «Нет, — отвечала она с улыбкой. – Я их больше не вижу. Бог победил; Его враги бежали». Однако светлый архангел, задача которого почти подошла к концу, все ещё на своём посту; он вьёт последние нити священной пряжи и, кажется, спешит закончить свою работу. Ореол света, окружающий его, становится всё ярче и ярче, и на умирающем теле Франциски отражается это сияние.

В понедельник утром она всё еще в том же состоянии. Её взору предстают славные видения; небожители склоняются над нею и шепчут приветственные слова, а во время мессы, которую её духовник совершает у неё в комнате, ей снова является Сам Господь и из освящённой гостии говорит с её восторженной душой. Пресвятая Дева и ангелы окружают её, и голоса блаженных звучат в её ушах сладостной музыкой. Позже в тот же день, когда её экстаз завершился, плачущие облатки окружили её ложе и прежалостно умоляли просить Бога всё же оставить её на земле ради душ, вверенных её заботе. Это была тяжелая просьба: взглянуть на небо и повернуть назад; вкусить чашу небесного блаженства и оторваться от ее сладости! Полная любви, жалости, покорности, святого смирения, она восклицает: «Воля Божия есть воля моя; что Ему благоугодно – то и мне. Если Он изберёт для меня участь ещё задержаться на земле, пусть будет так. Я готова остаться в этом убогом мире, если Он повелит».

Но не то было уготовано. На следующий день ей быстро стало хуже, и с этого времени она больше не спала. «Я скоро почию в Боге», – отвечала она тем, кто уговаривал её поспать. Облатки опять становятся на колени вокруг неё, чтобы получить последние указания: лишь одна из них, Франческа дель Верули, не смогла явиться из-за тяжелой болезни, которая приковала её к постели. Трогательны последние слова умирающей матери духовным чадам своим; нежны слова благословения, что произносит она над их головами. Любовь, любовь была стержнем её учения, как и у Любимого ученика. «Любите друг друга, – молвила она, – и будьте верны до смерти. Сатана будет нападать на вас, как нападал на меня, но не бойтесь. Вы одолеете его терпением и послушанием; и никакое испытание не будет слишком тяжким, если вы соединитесь с Иисусом; если будете ходить Его путями, Он будет с вами». Затем она горячо поблагодарила дону Джованни от своего имени и от имени ордена за всё, сделанное им для его членов, и препоручила облаток его отцовской заботе.

В тот миг в комнату вошел её сын Баттиста. Его мать приподнялась на кровати и, испытующе глядя на него с обеспокоенным выражением, сказала: «Да неужто ты ссоришься с бедными пастухами? И бесславишь Бога беззаконными заигрываниями с адом?» Стоявшие около кровати с удивлением переглянулись, вообразив было, что Франциска бредит, но лицо Баттисты и его действия вскоре развеяли их заблуждение. Слезы выступили у него на глазах, и с большим волнением он прилюдно признался, что повинен в том, что в гневе ударил нескольких крестьян, учинивших потраву его полям, и в том, что тайно ходил к какому-то чернокнижнику за предсказанием о вероятии выздоровления матери. Никто, кроме него самого, не знал о том двояком грехе, и упрек умирающей святой прозвучал для него как порицание прямо от Бога и страшное предупреждение на всю оставшуюся жизнь.

С приближением дня Франциска становилась всё слабее и слабее, но с угасанием жизни пламя любви разгоралось только ярче. «Что ты говоришь?» – спросил в какой-то миг дон Джованни, заметив, как шевельнулись её губы. – «Вечерня Пресвятой Богородицы», – ответила она еле слышным голосом. Чуть ли ещё не во младенчестве она завела этот обычай и накануне смерти так и не оставила его. На седьмой день болезни, как она сама предвещала, жизнь её подошла к концу. Лицо её оживилось возвышенным выражением, и некая неземная красота облекла её земные черты. Духовник в последний раз спрашивает, что предстаёт её восторженному взору, и она шепчет: «Отверзлись небеса! Ангелы спускаются! Архангел выполнил свою задачу. Он стоит передо мной. Он манит меня следовать за ним». Это последние слова, произносимые Франциской; неописуемо прекрасная улыбка сияет у неё на лице. Глаза, что так долго были закрыты для суеты жизни, теперь закрыты смертью, и дух её окончательно покинул землю.

ГЛАВА XV. ПОХОРОНЫ ФРАНЦИСКИ И ЕЁ ПОСЛЕДУЮЩАЯ КАНОНИЗАЦИЯ

Тело святой сутки оставалось во дворце Понциано, и облатки по очереди бодрствовали над останками возлюбленной своей матушки. Горе их смешалось с радостью, ибо им было ясно, что она на небесах, хотя боль разлуки была остра, а дом их земной опустел. Дон Джованни, дон Ипполито и дон Франческо делло Скьяно читали над останками канонические молитвы, и хотя сами были глубоко опечалены, старались утешить осиротевшее сестричество, главным образом тем, что превозносили редкие заслуги и героические добродетели покойной матушки. Всемогущий Бог соблаговолил прямо в первую же ночь их верного бдения дать им доказательство той святости, которой

весьма скоро предстояло всепобедно явиться. Сестра Маргарита из Третьего ордена св. Франциска присутствовала при смерти святой и оставалась подле неё всю последующую ночь. Её рука была парализована в течение шести месяцев и, судя по всему, высохла. Воодушевленная живой верой, она прикоснулась к телу Франциски и мгновенно исцелилась. Облатки единократно пали на колени при виде этого чуда и благословили Бога за то, что Он таким образом явил первое из чудес, предвещавших небесное заступничество Франциски. Каждый миг они всё глубже проникались блаженной уверенностью в том, что она уже достигла небес; каждый миг приносил новый повод для радостного ликования. Сладкий запах («аромат святости» – выражение, так часто считающееся просто метафорическим, в то время как оно часто указывает на действительный физический и чудесный факт) вскоре распространился по комнате и наполнил её благоуханием. Лицо Франциски, недавно носившее следы старости и страданий, снова стало таким же прекрасным, как в дни юности и благополучия; и изумленные наблюдатели с удивлением и благоговением взирали на эту неземную красоту. Многие из них унесли с собою клочки от её одежды и воспользовались ими для исцеления нескольких человек, которые считались безнадежными. В течение дня толпа разрослась настолько, что обитатели дворца встревожились, Баттиста распорядился немедленно перенести тело в церковь, и процессия монахов и священников сопровождала досточтимые останки в Санта-Мария-Нуова, где их предстояло предать земле.

По этому случаю народ охватили бурные чувства; их было уже не сдержать: произошло своего рода благочестивое восстание, на которое Церковь взирает с улыбкой, хотя и отказывается его одобрять, подобно тому как мать едва ли может упрекнуть своего ребёнка в несколько вздорном поступке, когда он проистекает из благородного чувства, даже если она чувствует себя обязанной обуздывать его. «Франциска святая! Франциска на небесах!». Толпа призывала Франциску, и всеми любимое имя её звучало на каждой улице, на каждой пьяде, в каждом уголке Вечного города. Оно передавалось из уст в уста; оно, казалось, витало в воздухе, подхваченное благодарным воодушевлением всего народа, наблюдавшего, как когда-то, во святом своём детстве она шла рядом с матерью в эту церковь; видевшего, как она преклоняла колени у алтаря в расцвете скромной женской красоты, замечали её там и в час утраты... а теперь – мёртвую. И вот с торжественным величием её несут туда – самую кроткую и смиренную святую Рима, «нищенку из Трастевере», как её иногда называли по её собственному желанию.

Франческа дель Верули, облатка, которой болезнь воспрепятствовала посетить возлюбленную матушку у её смертного одра, слышит из инфирмариума сбивчивый гул голосов, топот торопливых ног, свидетельствующие о приближении процессии. Полная веры, она вскакивает и, сложив руки, восклицает: «О, матушка! о, Франциска! я не видела, как ты умерла; я не получила твоего последнего благословения; сделай так сейчас, чтобы я смогла посетить твои останки!» С огромным усилием, опираясь на плечо одной из сестёр, она умудряется подняться и пробраться к похоронным носилкам. В тот самый миг, когда она прикоснулась к ним, к ней возвращаются здоровье и крепость. Тем временем толпа прирастает и спешит в церковь. Люди теснятся вокруг драгоценных останков, не позволяют похоронить их. Как милости, как величайшего благодеяния, они добиваются, чтобы погребение было перенесено на субботу, а между тем днем и ночью нет скончания потоку людей, что собираются в капелле. Притом святые мощи по-прежнему источают благоухание; милые черты по-прежнему сохраняют свою красоту; и к постаменту идут чередой, которой конца не видать, слепые, хромые, калечные, больные и страждущие; и всякий, кто прикасается к

носилкам или кому поднесут что-нибудь, принадлежавшее Франциске, мгновенно исцеляется. Воистину, дивен был Бог был в этой святой Своей, и чудесны подробности чудес, совершавшихся в те дни; и не только болезни телесные проходили при прикосновении ко святым сим мощам, но и благодать проникала в души многих из тех, кто доселе был закрыт для неё, словно бы стальным доспехом.

Среди прочих двое юношей распутной жизни и безбожного нрава, услышав о чудесах в Санта-Мария-Нуова, начинают глумиться и потешаться на этот счёт и, движимые одним только любопытством, идут в церковь, подходят к носилкам с притворными знаками почтения. Но не успевают они преклонить перед ними колени, как благодать касается сердца одного и другого одновременно, и с ними приходит внезапная перемена. Пришедши посмеяться, остаются молиться, – с колен встают только для того, чтобы попросить духовника, вернуться домой в ту же ночь, полостью обратившись к Богу, и с тех пор вести жизнь благочестивых христиан. Чудеса, свершившиеся до и после погребения Франциски, столь разнообразны, что было бы утомительно (слово странное в таком случае, но тем не менее правильное) пытаться перечислить все. Велико было нравственное воздействие этого неповторимого излияния Божиих сил через Его угодницу. Вера стала смиреннее, а надежда крепче; любовь загорелась в сердцах многих и пылала всё ярче; а примеры, которые святая подавала и которые теперь припоминали с нежным благоговением, побудили многих идти по тому же пути и стремиться к той же цели. Умерла она как раз в Великий пост, и с каждой кафедры в Риме звучали похвалы ей. Самые выдающиеся иерархи того времени пророчили ей канонизацию, а всеобщее благоговейное мнение поддержало всплеск народного воодушевления, которое провозгласило её святой в самый день смерти и задолго до формального признания её святости авторитетом церкви.

Через несколько месяцев после её смерти открыли могилу, чтобы переместить останки в гробницу, которую Баттиста, Мобилия и несколько римских дворян воздвигли в её честь. Тело оказалось в идеальном состоянии, источало тот же аромат, что и раньше. В год её смерти были предприняты самые точные и скрупулёзные исследования как в отношении всех подробностей её жизни, сверхъестественных и чудесных событий, что ознаменовали её ход, а также тех, которые последовали за её смертью.

Время от времени предпринимались серьёзные попытки ускорить её официальную канонизацию. Материалов было достаточно, а доказательств полно, но завершению процесса помешали самые разные обстоятельства; и хотя несколько пап, а именно Евгений IV, Николай V, Пий II, Иннокентий VIII и Юлий II, продвигали этот вопрос, он не имел особого хода до восшествия на престол Климента VIII, который питал великое благоговение ко святой и почти довел дело до конца, но тут его постигла смерть, а его преемник, Лев XI, пережил его всего на двадцать семь дней, и только Павел V (Боргезе) издал декрет о канонизации Франциски, к радости облаток Тор-ди-Спекки, монахов Санта-Мария-Нуова и всего народа римского. День её памятования был назначен на 9 марта...

29 мая 1608 года в соборе св. Петра, только что возведённом и украшенном по торжественному случаю с величайшей пышностью, после понтификальной высокой мессы в присутствии Священной коллегии и при огромном стечении как иностранцев, так римлян был провозглашён указ о причислении Франциски к лику канонизированных святых и одобривший почитание, которое набожный люд воздавал ей с небольшими перерывами со дня её смерти. В ту ночь Рим был ярко освещён; огненный купол святого Петра и перезвон бесчисленных колоколов возвестили

окрестным равнинам и холмам, что «Бог призрел на смирение рабы Своей» и что – в должную меру – отныне будут ублажать её все роды.

В 1633 г. гробница Франциски, которая из-за некоторых переделок в церкви оставалась вне поля зрения в течение многих лет, благодаря благочестивым усилиям облаток при содействии аббата обители Санта-Мария-Нуова и кардиналов Боргезе, Барберини и Альтиэре, была обнаружена на том самом месте, где её поместили два века назад. Мощи святой были выставлены для почитания верующих, и по этому случаю состоялся ряд священных процессий и богослужений. Различные чудеса вновь свидетельствовали о достоинствах этих святых реликвий, и под тем алтарём, где так часто молилась святая, был воздвигнут великолепный памятник.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ